

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (574) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джон Роджерс Сёрл* (1932), американский философ.

Джон Сёрл родился в Денвере (США) в семье инженера-электрика и врача. В годы Второй мировой войны его семья жила в разных городах Восточного побережья, где Джон сменил несколько средних школ. Затем он отучился в Висконсинском университете, а после получения Родсовской стипендии — в колледже Крайст-черч Оксфордского университета у Джона Остина. Некоторое время научная деятельность Джона Сёрла была направлена на уточнение и дальнейшее развитие теории речевых актов его учителя. Часто, говоря об этом периоде его научной деятельности, его называют продолжателем идей Остина.

В 1980-е годы интересы Сёрла сместились в область философии сознания и мышления, он стал наряду с Дэниелом Деннетом и Хилари Патнэмом ведущим специалистом по философским аспектам искусственного интеллекта.

До получения своей докторской степени в Оксфорде он работал преподавателем философии. С 1967 года Сёрл был профессором в Калифорнийском университете в Беркли, а также возглавлял отделение философии. В качестве приглашенного профессора он читал лекции в университетах многих стран мира.

Согласно Сёрлу, речевые акты не существуют сами по себе — именно благодаря связи с сознанием они способны представлять («репрезентировать») существующие в мире вещи. Теория репрезентативного содержания языка должна основываться на соответствующей теории сознания. Сёрл использует в этой связи понятие интенциональности, то есть направленности сознания на предметы. Носителями интенциональности он в противовес традиционным теориям считает не убеждения и желания, а восприятия и действия.

В ходе дебатов, вызванных его теорией, Сёрл выдвинул тезис, что в интенциональном содержании восприятий имеется момент саморефлексии: если, например, человек видит дерево, то само содержание этого визуального восприятия предполагает существование дерева. Кроме того, философ полагает, что интенциональные содержания могут быть поняты только на интенциональной основе практических навыков и способностей.

Основываясь на своих взглядах на интенциональность, Сёрл в книге «Переоткрытие сознания» (1992) описывает свой взгляд на сознание. Он считает, что, начиная с бихевиоризма, значительная часть современной философии пытается отрицать существование сознания.

Сёрл считает, что философия оказалась в положении ложной дихотомии: с одной стороны, мир состоит лишь из объективных частиц, с другой — сознание обладает субъективным опытом от первого лица. Сёрл же говорит, что обе позиции верны: сознание является реальным субъективным опытом, вызванным физическими процессами в мозге. Эту позицию он предлагает называть биологическим натурализмом.

Следствием биологического натурализма является то, что если мы хотим создать сознательное существо, то нам необхо-

димо воссоздать физические процессы, вызывающие сознание. Позиция Сёрла, таким образом, противоречит взглядам на «сильный ИИ», заключающимся в том, что как только у нас появится определенная программа на компьютере, мы сможем искусственно воссоздать сознание. В 1980 году Сёрл представил аргумент «китайской комнаты», целью которого является доказательство ложности взглядов на сильный ИИ.

Суть этого аргумента заключается в следующем. Представим, что человека, не знающего китайский язык, поместили в отдельную комнату, в которой находятся кубики с иероглифами. Человек не знает иероглифов, но у него есть инструкция на английском языке, которая говорит, какой кубик надо брать и какой кубик надо выдавать в ответ на определенные запросы, приходящие извне.

Скажем, на обращение «Сколько вам лет?» человек смотрит в инструкцию на английском языке, в этой инструкции говорится о том, что необходимо взять определенный кубик и положить его в определенное место. Если человек успешно манипулирует этими кубиками, то на выходе мы будем получать ответы на китайском языке, то есть китаец, который будет наблюдать за этим экспериментом, увидит, что ответы получаются в общем осмысленными. Но сам человек в этой комнате никогда не будет знать, что же он сказал, что он сделал: он по-прежнему не будет понимать китайский язык.

Сёрл славится своей прямоотой. Известны случаи, когда он пытался срывать не нравящиеся ему доклады на конференциях, взобравшись на сцену или критикуя докладчика с места. При этом ученый столь же критичен к самому себе. Он признает свою некомпетентность в истории философии, в частности, свое полное незнакомство с произведениями Канта, Лейбница и Спинозы и очень плохое знакомство с творениями Платона и Аристотеля. При этом Сёрл утверждает, что собственное невежество помогает ему в его профессиональной деятельности, поскольку, по его словам, известные философы зачастую не столько решали сложные проблемы, сколько создавали их.

Девятнадцатого июня 2019 года после дисциплинарного разбирательства, проведенного Отделом по предупреждению притеснений и дискриминации (OPHD), президент Калифорнийского университета Беркли Джанет Наполитано одобрила рекомендацию об аннулировании статуса эмерита у Джона Сёрла. Отзыв статуса означает, что Сёрл не может быть более ассоциирован каким-либо образом с университетом, и его доступ в помещения университета ограничен до уровня обычного гостя.

Тем не менее Джон Сёрл является членом Американской академии гуманитарных и точных наук и почетным доктором ряда университетов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдулатипова Ф. А., Батырдогова А. М.

Реализация принципа добросовестности в процессе банкротства (несостоятельности)..... 221

Агилова Р. Г.

Актуальные проблемы рассмотрения дел с участием присяжных заседателей 223

Аникеев А. Г.

Договор розничной купли-продажи: понятие, правовое регулирование, содержание, значение..... 224

Байманов А. Х.

Соотношение гарантий и компенсаций военнослужащим и ветеранам боевых действий..... 226

Балуев Д. С.

Проблемы выявления оснований для обследования жилища как оперативно-розыскного мероприятия 229

Баранова Е. П.

Информационная безопасность и борьба с дезинформацией как элемент национальной безопасности России 232

Белослудцев Д. П., Майбуров В. А.

Коррупциогенные факторы в градостроительной деятельности на примере Амурской области 235

Богатырева А. З.

Уголовно-правовая охрана имущественных прав граждан 238

Бодяко О. Н.

Правовые проблемы и ограничения осуществления предпринимательской деятельности в России..... 239

Бойко Д. А.

Проблемы дифференциации и индивидуальной уголовной ответственности за вред, причинённый в обстановке крайней необходимости..... 241

Борисова И. О.

Проблемы правового регулирования участия (членства) несовершеннолетних в деятельности потребительских кооперативов 244

Будаев Э. Э.

Механизмы защиты прав кредиторов при добровольной ликвидации юридического лица: пробелы законодательства и пути их устранения 246

Бурмакин Д. В.

Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора 248

Ворона Д. В.

Особенности сделок с предпочтением в банкротстве 253

Выборнова Н. С.

Особенности субъектного состава дистрибьюторского договора 256

Герасимова К. С.

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям 258

Глазкова А. П.

Сравнительный аспект кассационного производства по гражданским делам в России и за рубежом..... 260

Горбатенко А. А.

Проблемы разграничения мнимой обороны и самообороны 264

Гуцунаев Т. Т.

Гражданское оружие как объект наследственных прав..... 265

Денисов А. В.

Проблемы и перспективы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации..... 268

Джанмирзаев Р. О.

Развитие трудового права России: этапы и преемственность 269

Дзида И. В.

Правовая политика Российской Федерации в области деофшоризации 274

Дорошенко И. В.

Ограждение многоквартирного дома
как способ реализации права введения
ограничений пользования земельным
участком 277

Думенко В. А.

Средства и способы защиты чести,
достоинства и деловой репутации 280

Евлямпьева А. В.

К вопросу о мерах гражданской
процессуальной ответственности 283

Житенёв Д. А.

Совместное завещание супругов: понятие,
сущность, зарубежный опыт проблемы
правоприменения 285

Житенёв Д. А.

Институт наследственного договора:
анализ российского и зарубежного
законодательства 288

Жуков И. А.

Правовая природа персональных данных 293

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Реализация принципа добросовестности в процессе банкротства (несостоятельности)

Абдулатипова Фарида Абдулатиповна, студент;
Батырдогова Алина Муратовна, студент
Научный руководитель: Шубный Владислав Сергеевич, ассистент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется роль принципа добросовестности в процедуре банкротства в контексте российского законодательства. Несмотря на его значимость для защиты прав кредиторов и должников, нормативное регулирование остается несовершенным: отсутствуют четкие критерии добросовестности, что создает почву для злоупотреблений. На основе анализа правовых норм и судебной практики автор выявляет основные проблемы использования банкротства для уклонения от обязательств, отсутствие механизмов контроля за добросовестностью участников, недостаточная правовая определенность. Предлагаются пути совершенствования законодательства, включая разработку конкретных критериев добросовестности для разных субъектов банкротства, внедрение образовательных программ для повышения финансовой грамотности, цифровизацию процедуры (электронная подача документов), установление ответственности за недобросовестные действия. Итоговый вывод: реализация предложенных мер позволит повысить эффективность процедуры банкротства, минимизировать злоупотребления и обеспечить баланс интересов всех сторон.

Ключевые слова: добросовестность, несостоятельность, принципы, злоупотребление, критерии добросовестности.

Implementation of the principle of good faith in the bankruptcy (insolvency) process

Abdulatipova Farida Abdulatipovna, student;
Batyrdogova Alina Muratovna, student
Scientific advisor: Shubny Vladislav Sergeevich, assistant
Saratov State Law Academy

The article examines the role of the principle of good faith in bankruptcy proceedings in the context of Russian legislation. Despite its importance for protecting the rights of creditors and debtors, regulatory regulation remains imperfect: there are no clear criteria for good faith, which creates the ground for abuse. Based on the analysis of legal norms and judicial practice, the author identifies the main problems the use of bankruptcy to evade obligations, lack of mechanisms for monitoring the integrity of participants, insufficient legal certainty. Ways to improve legislation are proposed, including development of specific criteria of good faith for different subjects of bankruptcy, implementation of educational programs to improve financial literacy, digitalization of the procedure (electronic filing of documents), establishing responsibility for unfair actions. The final conclusion: the implementation of the proposed measures will improve the efficiency of the bankruptcy procedure, minimize abuse and ensure a balance of interests of all parties.

Keywords: good faith, insolvency principles, abuse, criteria of good faith.

Банкротство — это признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам. Иными словами, банкротство — это финансовое состояние, при котором

человек или организация не могут оплатить свои долги. Для должника банкротство — это способ избавиться от долгов, отсрочить плату штрафов, неустоек и пеней. Вопрос банкротства или несостоятельности регулируется главой 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральным законом от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от

26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» Данная процедура строится на ряде принципов: неплатежеспособность, просрочка по обязательствам более 3 месяцев, отсутствие активов, утрата основного источника дохода, окончание исполнительного производства и тд. В их число входит и принцип добросовестности.

Принцип добросовестности можно отнести к числу наиболее обсуждаемых и противоречивых явлений в общественном правопорядке. В условиях банкротства она помогает обеспечить защиту прав всех участников процесса, способствуя восстановлению финансовой устойчивости. На протяжении долгих лет этот принцип рассматривается как этическая, моральная, нравственная, правовая категория, хотя его применение до сих пор вызывает споры. Однако, не все ученые разделяют такой взгляд на принцип добросовестности. «Некоторые ученые полагают, что категория добросовестности является этически нейтральной [1] и не содержит этического начала, является «критерием хозяйственной деятельности» [2].

Обязанность действовать добросовестно неразрывно связана с недопустимостью извлечения выгод и преимуществ из незаконного и недобросовестного поведения (ч. 4 ст. 1 ГК РФ) [3].

В настоящее время в нормах Закона о несостоятельности нет дефиниций и критериев добросовестности, которые могли бы быть применены к каждому виду субъектов, в последствии которого начинается злоупотребление правом. Например, должник может предоставить недостоверную информацию о своих финансовых трудностях, дабы избежать ответственности. Практика показывает, что некоторые должники используют процесс банкротства для злостного уклонения от долгов, не проявляя добросовестности [4]. Механизм контроля за исполнением принципа добросовестности остается слабым и этот принцип реализуется как общее требование в порядке признания банкротства и адресуется субъектам, как стандарт порядочного поведения, ожидаемых от него в сложившихся обстоятельствах.

Для того, чтобы этот принцип обеспечивал наиболее эффективное разрешение споров и недопущения злоупотребления правом нужно ввести новые нормы в правоприменительную практику, то есть, закрепить в нормах права критерии добросовестности, которые позволят кредиторам защитить свои права в полном объеме. Реализация принципа добросовестности требует как законодательных изменений, так и просвещения участников процесса несостоятельности и работы с населением, повышая их уровень финансовой грамотности, что поможет им лучше понимать свои права и обязанности в процессе банкротства, а то и не дойти до момента, где нужно прибегнуть к этой процедуре [5]. Работа с обществом способствует более ответственному поведению и снижению недобросовестных махинаций со стороны должников. Люди должны понимать, что их добросовестное поведение — это ключ к справедливому и эффективному разрешению финансовых споров, что в свою очередь, благоприятно скажется на экономической стабильности самого должника, которая даст им возможность быстрее вернуться к активной экономической деятельности и положительно отразится на экономике всего государства.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что принцип добросовестности играет ключевую роль в обеспечении справедливого и эффективного разрешения споров. Его правильное применение позволит наиболее полно защитить права всех участников процесса, уменьшит ситуаций со злоупотреблением своими правами и упростит саму процедуру банкротства. Нужно продолжать работу над укреплением этого принципа через законодательные инициативы, проводить работу с населением, вводить образовательные программы и механизмы контроля за соблюдением этого принципа, создавать электронную систему подачи заявлений и документов, что значительно ускорит процесс и снизит затраты. Также, можно установить санкции и меры ответственности за недобросовестное поведение (административная, либо уголовная ответственность за мошенничество в процессе несостоятельности).

Литература:

1. Самойлов Е. Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 66–101;
2. Кравченко, А. А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Кравченко Александр Александрович; [Место защиты: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова]. — Москва, 2020. — 89 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации.
4. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9/
5. Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133–140;
6. Гражданское право в 4 т. Учебник. Под. ред. Е. А. Суханова. Т.1. М. 2004. С. 532;

Актуальные проблемы рассмотрения дел с участием присяжных заседателей

Агилова Розалия Габитовна, студент

Научный руководитель: Корнелюк Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий

В данной статье рассматриваются актуальные на сегодняшний день проблемы рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. При изучении судебной практики были проанализированы наиболее часто встречающиеся нарушения при рассмотрении дел с участием присяжных. Невзирая на выделенные несовершенства данного института, он является важной гарантией судебной защиты обвиняемого.

Ключевые слова: присяжные заседатели, председательствующий, помощник судьи, вердикт, коллегия присяжных заседателей, вопросный лист.

Согласно ст. 2 ФЗ от 20.08.2004 N 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [3] граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей. Ограничение данного права устанавливается только федеральным законом.

Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей обеспечивает реализацию гражданами права на участие в отправлении правосудия. Наряду с достоинствами данного института судебной системы выделяют недостатки суда присяжных заседателей.

Во-первых, несмотря на закрепленный в уголовно-процессуальном законе принцип тайны совещания присяжных заседателей, на практике часто встречаются случаи нарушения данного принципа при вынесении вердикта. Так, согласно протоколу судебного заседания, помощник судьи имела доступ в совещательную комнату, а также обсуждала с присяжными заседателями до подписания вердикта вопросы о доказанности предъявленного обвинения. После удаления коллегии присяжных заседателей с вопросным листом в совещательную комнату для вынесения вердикта помощник судьи сообщила председательствующему, что присяжным заседателям требуются разъяснения по поставленным вопросам, что следует из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июля 2020 г. № 77–1110/2020 [4].

Не менее распространенным является нарушение уголовно-процессуального закона. Из апелляционного определения Ставропольского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22–2961/2020 [5] следует, что судом было вынесено постановление о назначении уголовного дела к слушанию с участием присяжных заседателей без указания количества кандидатов в присяжные заседатели, которые подлежат вызову в судебное заседание, что является нарушением требований ч. 4 ст. 325 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ). Кроме того, вопреки требованиям ст. 332 УПК РФ, после формирования коллегии присяжных заседателей и избрания старшины присягу приняли только присяжные заседатели, которые входят

в состав коллегии. В то время как запасные присяжные заседатели присягу не принимали, однако в дальнейшем вошли в состав коллегии при вынесении вердикта. Ъ

Одной из ключевых проблем выступают нарушения, связанные с формированием вопросного листа. Согласно кассационному определению Верховного Суда РФ от 23 июня 2022 г. № 42-УД22–5сп-А3 [6], оценивая ответы на вопросы № 4 и № 7, судебная коллегия приходит к выводу, что в них содержится противоречие, касающееся участия подсудимого в преступлении. Так, отвечая на четвертый вопрос о недоказанности выстрела из пистолета при указанных в обвинении обстоятельствах, присяжные заседатели одновременно признали недоказанным и факт выстрела. При таких обстоятельствах ответ на вопрос № 7 о том, что подсудимый нажал на спусковой крючок пистолета, противоречит ответу на вопрос № 4. Возникшая ситуация связана с некорректной постановкой вопросов № 4 и № 7, которая изначально предполагала наличие противоречий между любыми ответами на них.

В первом вопросе фактически были объединены два вопроса — о событии преступления и о совершении его подсудимыми, что не допускается законом. Между тем, наряду с этим вопросом, перед присяжными заседателями были поставлены и два остальных обязательных вопроса в отношении каждого из осужденных о доказанности того, что это деяние совершил подсудимый и виновен ли он в совершении этого деяния. Кроме того, в этом вопросе в нарушение требований ч. 5 ст. 339 УПК РФ [7] содержатся указания на то, что подсудимые действовали с целью лишения жизни потерпевших, требующие собственно юридической оценки.

Приведенные примеры являются лишь частью огромного количества нарушений законодательства в ходе судопроизводства с участием присяжных заседателей. Другой особенностью суда присяжных является то, что большинство из них не имеет профессионального образования. Вместе с тем можно утверждать, что для присяжных necessarily образование, они ведь решают вопросы факта, а не права.

Но с другой стороны, могут ли люди определять судьбу человека, разве это не вправе делать лишь определенный, ограниченный круг людей со специальными знаниями.

В целом проблемы заключаются при формировании коллегии присяжных заседателей и соблюдения их прав, нарушения уголовно-процессуального закона. Суд присяжных позиционируется как особая процессуальная гарантия судебной защиты обвиняемого. Подавляющее большинство ученых-процессуалистов склоняются к наличию в процедуре рассмотрения уголовного дела с участием присяжных режима наибольшего благоприятствования стороне защиты [2, с.52].

Присяжные обладают предоставленным законом правом на вынесение оправдательного вердикта, который

является обязательным для председательствующего судьи. Законодатель, вводя данную норму, осознанно предоставил присяжным право оправдать подсудимого, нарушившего закон, что рассматривается как проявление своего рода милости со стороны государства наряду с помилованием, осуществляемым Президентом РФ, а также амнистией, объявляемой Государственной Думой РФ. Несмотря на вышеперечисленные проблемы, отметим высказывание Г. Гегеля о том, что лучшей формой для получения уверенности в виновности или невиновности подсудимого является суд присяжных.

Литература:

1. Хатуаева В. В. Суд присяжных: учебник для вузов / В. В. Хатуаева, М. А. Авдеев. Москва: Издательство: Юрайт, 2025. 181 с.
2. Попаденко, Е. В. Суд присяжных: учебник для вузов / Е. В. Попаденко, Е. В. Красильникова. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 169 с.
3. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 N 113-ФЗ (последняя редакция)
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2020 N 77-1110/2020 (УИД 32RS0005-01-2019-000392-40)
5. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 02.07.2020 N 22-2961/2020 (УИД 26RS0016-01-2019-000942-91)
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2022 N 42-УД22-5сп-А3
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025)

Договор розничной купли-продажи: понятие, правовое регулирование, содержание, значение

Аникеев Артем Григорьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

В статье рассматриваются основные аспекты и сущность договора розничной купли-продажи. Автор определяет понятие договора розничной купли-продажи, исследует правовую основу договора розничной купли-продажи, а также определяет содержание и значение договора розничной купли-продажи на современном этапе развития договорных отношений.

Ключевые слова: договор, купля-продажа, договорные отношения, обязательства.

Retail sale agreement: concept, legal regulation, content, meaning

The article discusses the main aspects and essence of the retail sale agreement. The author defines the concept of a retail sale agreement, examines the legal basis of a retail sale agreement, and also defines the content and meaning of a retail sale agreement at the current stage of contractual relations development.

Keywords: contract, purchase and sale, contractual relations, obligations.

Законодательство в сфере договорных отношений основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по

тексту — ГК РФ) и иных нормативных правовых актов РФ. Договор купли-продажи — это одна из наиболее распространённых и значимых сделок в гражданском обо-

роде. Одним из видов договора купли-продажи является розничная купля-продажа. Розничная купля-продажа имеет свои специфические особенности.

Основные аспекты урегулирования вопросов составления, расторжения, заключения, изменения договора розничной купли-продажи урегулирована главой 30 ГК РФ. Положение статьи 492 ГК РФ определяет договор розничной купли-продажи как обязанность продавца, осуществляющего предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Договор розничной купли-продажи является публичным договором. Согласно статье 426 ГК РФ публичным договором признается соглашение, заключенное предпринимателем или лицом, занимающимся приносящей доход деятельностью, о продаже товаров, которые должны быть предоставлены каждому, кто обратится к ним. В случае, когда отношения, связанные с договором розничной купли-продажи, в которых участвует покупатель-гражданин, не регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации, к ним применяется Закон о защите прав потребителей [2]. Это следует из пункта 3 статьи 492 ГК РФ.

Следовательно, исходя из интерпретации договора розничной купли-продажи, зафиксированного в гражданском законодательстве, под договором розничной купли-продажи следует понимать соглашение, на основании которого, продавец (юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель) обязуется передать товар покупателю (не занимающимся предпринимательской деятельностью) в собственность для целей, предназначенных для ведения домашнего, семейного, личного пользования, а также иного применения, которое не имеет цели получения прибыли от реализации имущества.

Как и любой гражданско-правовой договор, договор розничной купли-продажи, имеет определенные условия, при отсутствии которых сделка может быть признана в дальнейшем несостоявшейся (недействительной). Такие условия имеют существенные условия. Анализируя положения гражданского законодательства, к существенным условиям рассматриваемого нами договора, относятся:

— во-первых, закрепление предмета договора. Предмет должен быть индивидуализирован (прописаны все его основные характеристики), иначе договор может быть признан недействительным (ст. 432, 455 ГК РФ). Специфика предмета данного договора выражается в его потребительском характере. Конечное назначение приобретаемого товара — один из ключевых критериев квалификации договора как розничной купли-продажи. Если товар реализуется в значительных объемах, что исключает его использование в личных целях, и продавцу известно о возможной перепродаже или профессиональном использовании, возникает правовая квалификация договора как поставки, а не розничной продажи [5, С. 163].

— во-вторых, установление цены договора. При её отсутствии могут применяться аналогии закона или цена, установленная на момент заключения (ст. 424 ГК РФ).

Здесь важно отметить, что срок договора не выступает его существенным условием, но установление срока исполнения договора является важной составляющей, в случаях, неисполнения обязательств сторон для доказательственной базы обращения в судебные органы. Договор розничной купли-продажи считается заключенным с момента выдачи продавцом потребителю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара

Стороны в договоре розничной купли-продажи именуются продавец (сторона передающая товар) и покупатель (принимающая сторона). Следует отметить, что субъектный состав данного договора также обладает характерными особенностями. С одной стороны выступает продавец — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющий розничную торговлю, с другой — покупатель, не связанный с предпринимательской деятельностью [4, с. 127]. В соответствии с этим, положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [3] распространяются исключительно на отношения с участием физических лиц и некоммерческих организаций. Именно данное обстоятельство обосновывает особый уровень правовой защиты покупателя как слабой стороны договора.

Обязанности сторон договора розничной купли-продажи исходят из положений ГК РФ. Анализируя нормы гражданского законодательства к обязанностям продавца, относятся:

— обеспечение комплексности (ст. 478 ГК РФ);
 — надлежащее качество товара (ст. 469 ГК РФ);
 — соблюдение сроков отгрузки товара;
 — обязанность передачи продавцом товара покупателю свободному от прав третьих лиц (норма статьи 460 ГК РФ).

К обязанностям покупателя по гражданскому законодательству стоит отнести: принятие товара (ст. 484 ГК РФ); оплата товара (ст. 486 ГК РФ); осмотр товара при приёмке (ст. 458 ГК РФ).

Покупатель по договору розничной купли-продажи, помимо прав, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, также обладает правами потребителя, которые установлены Законом от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и другими нормативными актами, изданными в соответствии с ним.

Исходя из вышеизложенного основными характеристиками признаками договора розничной купли-продажи являются его:

— публичный характер;
 — письменная форма заключения;
 — приобретение товаров осуществляется для личного пользования;
 — считается заключенным после выдачи документа об оплате;

— представляет собой договор присоединения и цена в нем является существенным условием.

Договор розничной купли-продажи образует розничный торговый оборот, при котором происходит снабжение потребителей товарами.

Таким образом, договор розничной купли-продажи имеет ряд особенностей, которые выражаются в специальных процедурах и правилах. Эти меры усиливают ответственность продавца и делают торговые операции более прозрачными. Они направлены на предоставление

покупателю (потребителю) дополнительных гарантий и прав, которые защищают его интересы и предотвращают возможные нарушения со стороны продавца. Договор розничной купли-продажи призван, прежде всего, защищать интересы покупателя, как более уязвимой стороны, не имеющей отношения к осуществлению коммерческой деятельности. Характерной чертой правил торговли является их обязательный характер, предполагающий, что торговая организация (индивидуальный предприниматель) обязана продать товар каждому, кто к ней обратился.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>. 2025.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Российская газета. — N 8, 16.01.1996.
4. Полищук Е. Р., Горовой В. В. Понятие и особенности договора розничной купли-продажи // CETERIS PARIBUS. 2024. № 4. С.126–129.
5. Рылов А. А. Договор розничной купли-продажи // Научный электронный журнал Меридиана. 2021. № 5 (58). С. 162–164.
6. Тепляшин, Р. А. Специфика договора розничной купли-продажи в контексте защиты прав потребителей / Р. А. Тепляшин. // Молодой ученый. — 2025. — № 21 (572). — URL: <https://moluch.ru/archive/572/125601/> (дата обращения: 29.05.2025).
7. Уланова А. О., Яхина Ю. Х. Особенности договора розничной купли-продажи // Вестник науки. — 2025. — № 5 (86). — С.702–708.

Соотношение гарантий и компенсаций военнослужащим и ветеранам боевых действий

Байманов Анушерван Хаидмурадович, студент магистратуры

Научный руководитель: Белова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматривается система социальных гарантий и компенсаций для военнослужащих, ветеранов боевых действий и участников специальной военной операции на Украине. Автор анализирует многоуровневую поддержку, включающую денежные выплаты, жилищные льготы, медицинское обеспечение и налоговые послабления, подчеркивая различия между текущими гарантиями для контрактников и долгосрочными мерами для ветеранов. Особое внимание в работе уделяется проблемам участников СВО, которые, несмотря на формальное приравнивание к ветеранам, сталкиваются с бюрократическими барьерами, недостатком специализированной медицинской помощи, несоответствием выплат реальным потребностям и слабой социальной адаптацией. Отмечаются пробелы в законодательстве, включая отсутствие четких критериев отнесения к данной категории и единого перечня льгот. В качестве решений предлагаются централизация информации о социальных гарантиях ветеранам в мобильном приложении, расширение реабилитационных программ и усиление общественной поддержки. Сделан также вывод о необходимости комплексного подхода к совершенствованию социальной защиты участников СВО, сочетающего законодательные инициативы с практическими механизмами их реализации.

Ключевые слова: специальная военная операция, социальные гарантии, ветераны боевых действий, участники СВО, льготы, реабилитация, законодательные пробелы.

По состоянию на весну 2025 г. продолжается проведение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (далее — СВО).

Указанная операция стала беспрецедентным событием на территории нашего государства, так, например, вторжение вооруженных формирований Украины (далее —

ВФУ) на территорию Курской области в августе 2024., массовые пытки и казни местных жителей, включая стариков, женщин и детей [1], угон их на Украину, демонстрируют, что цели СВО, закрепленные документально и не раз озвученные Президентом Российской Федерации должны быть обязательно достигнуты.

Военные кампании в Чечне и Афганистане проводились на территориях, отдаленных от Москвы, в силу чего, не всеми гражданами в полной мере осознавались последствия боевых действий там. В свою очередь, свидетельства зверств и бесчинств ВФУ отражены ими самими в видеороликах, распространяемых в Интернете, в документах уголовных дел в отношении военных преступников — членов ВФУ, о страшных вещах рассказывают и жители приграничья. Данный конфликт затрагивает всех жителей не только Центральной России, но и других регионов — с помощью беспилотных летательных аппаратов совершаются террористические акты даже в Казани и Саратове. Не вызывает сомнений тот факт, что задействованные на СВО военнослужащие, служащие добровольческих формирований, мобилизованные, волонтеры, работники оборонно-промышленного комплекса, осуществляющие несение задач на территории проведения СВО, должны наделяться особыми мерами поддержки в связи с особенностями их боевых задач.

Переходя к вопросу соотношения гарантий и компенсаций военнослужащим и ветеранам боевых действий (в особенности, участникам СВО), отметим следующее.

В Российской Федерации социальные гарантии для военнослужащих, ветеранов боевых действий и участников СВО формируют многоуровневую систему поддержки, учитывающую как текущий статус лица, так и его заслуги перед государством. Данные категории граждан обладают различными объемами прав и льгот, что обусловлено спецификой их службы, участием в боевых действиях и последствиями таких участия.

Военнослужащие, проходящие службу по контракту, обеспечиваются денежным довольствием, структура которого включает оклады по воинскому званию и должности, а также дополнительные выплаты. К последним относятся надбавки за выслугу лет, квалификационный класс, работу с государственной тайной, особые условия службы и риски для жизни и здоровья. Жилищные гарантии предусматривают возможность получения жилья в собственность или по договору социального найма, а также субсидии на его приобретение или строительство. В течение первых пяти лет службы за военнослужащим сохраняется право на ранее занимаемое жилье [2].

Медицинское обеспечение военнослужащих включает бесплатное лечение в ведомственных учреждениях, а также санаторно-курортное обслуживание, в том числе реабилитацию по заключению военно-врачебной комиссии. Ежегодные отпуска и дополнительные социальные льготы, такие как право на земельные участки и компенсации за наем жилья, дополняют перечень гарантий. После увольнения со службы военнослужащие

могут претендовать на пенсию за выслугу лет, которая в отдельных случаях сочетается со страховой пенсией по старости [3].

Ветераны боевых действий обладают расширенным спектром социальных гарантий, включая налоговые льготы, жилищные программы и медицинскую помощь. Они освобождаются от уплаты НДФЛ с определенных выплат, имеют право на налоговые вычеты по имущественному, земельному и транспортному налогам. Например, налоговая база по земельному участку уменьшается на стоимость 600 кв. м, а в некоторых регионах, таких как Москва, предоставляются дополнительные льготы.

Жилищные меры поддержки включают обеспечение жильем за счет федерального бюджета, компенсацию 50 % расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, а также первоочередную установку телефона. Медицинские льготы предусматривают сохранение права на обслуживание в учреждениях, к которым ветеран был прикреплен до выхода на пенсию, бесплатное протезирование (за исключением зубных протезов) и санаторно-курортное лечение [4].

Важным элементом поддержки, как уже отмечалось, является ежемесячная денежная выплата (далее — ЕДВ), размер которой зависит от категории ветерана и может включать стоимость набора социальных услуг [5]. Ветераны также имеют преимущества в образовательной сфере, включая квоты при поступлении в вузы, право на бесплатное профессиональное обучение и социальные стипендии для студентов.

Участники специальной военной операции, признанные ветеранами боевых действий, получают дополнительные меры поддержки. К ним относятся бесплатное профессиональное обучение в рамках федеральных программ, расширенные медицинские гарантии, включая реабилитацию, и повышенные выплаты. Для данной категории предусмотрены упрощенные механизмы назначения ЕДВ, в том числе автоматическое предоставление выплат на основании данных об оформлении удостоверения ветерана.

Дети участников СВО и ветеранов боевых действий также имеют право на льготы, включая преимущественное зачисление в образовательные учреждения и дополнительные социальные выплаты в случае гибели родителя.

Социальные гарантии военнослужащих по контракту ориентированы на обеспечение стабильности в период службы, тогда как поддержка ветеранов боевых действий и участников СВО носит компенсационный характер, учитывая повышенные риски и последствия участия в боевых действиях. Если военнослужащие получают жилье и денежное довольствие в рамках текущей службы, то ветераны и участники СВО имеют доступ к долгосрочным льготам, включая налоговые послабления и пенсионные преимущества.

Таким образом, российское законодательство выстраивает дифференцированную систему социальных га-

рантий, где объем поддержки напрямую зависит от степени вовлеченности лица в выполнение боевых задач и связанных с этим рисков.

Между тем, следует согласиться с И. А. Шуваловой в том, что участников СВО следует считать слабовозащищенной категорией граждан [6, с. 18]. Указанный тезис справедлив по нижеследующим причинам. Несмотря на формальное признание участников специальной военной операции на территории Украины ветеранами боевых действий и предоставление им соответствующих льгот, причитающихся ветеранам, данная категория граждан, к сожалению, сталкивается с рядом системных проблем, ограничивающих эффективность их социальной защиты. Эти проблемы носят комплексный характер и связаны как с правовыми коллизиями, так и с практическими трудностями реализации закрепленных в законе без нарушений юридической техники гарантий.

Хотя Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее — ФЗ «О ветеранах» [7]) был дополнен положениями, распространяющими льготы ветеранов на участников СВО, правовой статус таких участников остается менее урегулированным по сравнению с ветеранами других вооруженных конфликтов. В частности, отсутствует четкое законодательное закрепление критериев отнесения к данной категории, что приводит к неоднозначным трактовкам и задержкам в оформлении удостоверений. К сожалению, указанное создает почву для бюрократических барьеров и затрудняет доступ к положенным выплатам и льготам. К примеру, до сих пор не разрешен вопрос о том, являются ли работники оборонно-промышленного комплекса, выполняющие задачи на территориях проведения СВО, отличные от боевых (строительство укрепительных сооружений и т. д.), участниками СВО. Подобные лица зачастую не наделяются статусом ветерана боевых действий, им не назначаются причитающиеся социальные выплаты несмотря на то, что они работают в боевых условиях, а их жизни и здоровью причиняется немалый вред. Следует привести в пример наделение статусом ветерана боевых действий соответствующей категории лиц, которые работали в Афганистане в период с декабря 1979 г. по декабрь 1989 г. [8, с. 21].

Согласимся с А. В. Кудашкиным, Н. Д. Потаповой и А. В. Потаповым в том, что в настоящее время отсутствует систематизированный перечень льгот и гарантий (включая региональные меры поддержки), предусмотренных для лиц, участвующих в выполнении задач в рамках СВО, а также членов их семей. Кроме того, не установлен единый порядок предоставления таких мер социальной защиты [9, с. 122]. Обоснованным видится создание централизованной системы предоставления данных льгот через портал Госуслуг с возможностью получения исчерпывающих разъяснений о правах указанных категорий граждан. Подобная мера не только продемонстрировала бы особое внимание государства к защитникам Отечества и их семьям, но и подчеркнула

бы их значимый правовой статус как в глазах государства, так и в общественном сознании.

Следует также отметить, что, несмотря на декларируемые государством меры поддержки, участники СВО, получившие ранения или страдающие от посттравматического стрессового расстройства, сталкиваются с нехваткой специализированных медицинских учреждений, способных обеспечить комплексную реабилитацию, несмотря на закрепленное право на психологическую помощь [10, с. 38]. Существующая система санаторно-курортного лечения не всегда адаптирована к современным видам боевых травм, а психологическая помощь зачастую оказывается в недостаточном объеме. Это приводит к тому, что многие ветераны не получают необходимой поддержки, что усугубляет их социальную дезадаптацию.

Кроме того, при проведении контрольно-надзорных мероприятий органами прокуратуры Российской Федерации также выявляются случаи нарушения прав на медицинскую помощь участников СВО, к примеру, в одном из субъектов РФ раненый в ходе боевых действий ветеран не мог добиться проведения нейрохирургической операции по установке необходимой для его жизни титановой пластины по причине нехватки медицинских материалов в соответствующем госпитале [11]. Представляется, что подобная ситуация не должна возникать в отношении человека, своим здоровьем защитившего граждан нашего государства.

К тому же, хотя участникам СВО и назначается ежемесячная денежная выплата, ее размер зачастую не соответствует реальным потребностям, особенно для лиц с ограниченной трудоспособностью. Кроме того, выплаты семьям погибших, несмотря на их формальное увеличение, не всегда покрывают долгосрочные расходы, связанные с потерей кормильца. Отсутствие механизмов индексации выплат в условиях инфляции дополнительно снижает их покупательную способность.

В отличие от ветеранов Великой Отечественной войны или афганской военной кампании, участники СВО не всегда получают однозначную поддержку в обществе. Это связано с политизированностью темы, что порождает риски их маргинализации. Отсутствие системной работы по социальной адаптации (например, программ интеграции через общественные организации или СМИ) усугубляет эту проблему.

Таким образом, участники СВО, несмотря на формальное включение в категорию ветеранов боевых действий, остаются слабовозащищенной группой из-за пробелов в законодательстве, неэффективности механизмов реализации льгот и недостаточной адаптации социальных программ к их потребностям. Для исправления ситуации требуется не только расширение перечня гарантий, но и создание специализированных институтов, обеспечивающих их практическое применение, включая улучшение медицинской реабилитации, трудоустройства и общественной интеграции.

Решение существующих проблем, связанных с недостаточной эффективностью реализации государственных

мер социальной поддержки участников СВО, также может быть достигнуто через разработку мобильного приложения, в котором будут собраны все существующие меры такой поддержки в зависимости от региона. Дело в том, что немаловажной проблемой, связанной с рассматриваемой сферой, выступает недостаточная информированность участников СВО — ветеранов боевых действий о причитающихся им мерах социальной поддержки. Недостаточная информированность влечет невозможность воспользо-

ваться соответствующей гарантией или льготой. При этом, на примере Единого портала государственных услуг очевидно, что единое мобильное приложение, функционал которого позволит узнавать про социальную поддержку военнослужащих, ветеранов боевых действий и участников СВО, способно решить проблему информированности данных лиц об их правах и законных интересах, а также позволит наделить прозрачностью процесс предоставления льгот и преференций данной категории граждан.

Литература:

1. Следственный комитет России раскрыл новые данные о пытках и убийствах жителей Курской области бойцами ВСУ // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2025/03/22/sk-raskryl-novye-dannye-o-pytkah-i-ubijstvah-zhitelej-kurskoj-oblasti-bojcam-i-vsu.html> (дата обращения: 28.05.2025 г.).
2. Федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 30.09.2024) «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства РФ. 07.11.2011. № 45. Ст. 6336.
3. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.12.2001. № 51. Ст. 4831.
4. Вопрос-ответ // Минобороны России: официальный сайт. 2020. URL: <http://mil.ru> (дата обращения: 28.05.2025 г.).
5. Приказ Минтруда России от 22.01.2015 № 35н (ред. от 09.10.2024) «Об утверждении Порядка осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.02.2015.
6. Шувалова И. А. Дополнительные гарантии при трудоустройстве участникам специальной военной операции и членам их семей // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 18–20.
7. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. 16.01.1995. № 3. Ст. 168.
8. Савостьянова О. Н. Вопросы социального регулирования отдельных категорий ветеранов боевых действий из числа служащих Советской Армии, осуществлявших тыловое обеспечение войсковых частей в Афганистане // Военно-юридический журнал. 2014. № 6. С. 21–25.
9. Кудашкин А. В., Потапова Н. Д., Потапов А. В. К вопросу о правовом статусе лиц, направленных для обеспечения решения задач в ходе специальной военной операции // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2024. № 2. С. 122–128.
10. Ережипалиев Д. И. Обеспечение прокурором прав семей участников специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 9. С. 38–43.
11. Единый портал прокуратуры Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89964523> (дата обращения: 12.05.2025 г.).
12. Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2024. № 53 (часть II). Ст. 8753.

Проблемы выявления оснований для обследования жилища как оперативно-розыскного мероприятия

Балуев Дмитрий Сергеевич, студент
Тюменский государственный университет

В статье автором анализируется одно из наиболее распространенных оперативно-розыскных мероприятий — обследование жилища. В современных условиях на практике все чаще возникают спорные ситуации, связанные с необходимостью обеспечения конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Вместе с тем, данное оперативно-розыскное мероприятие обладает высокой эффективностью, поскольку позволяет формировать доказательственную базу, а также выявлять лиц, виновных в совершении преступления.

Ключевые слова: жилище, преступность, правоохранительная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, должностное лицо, обследование жилища.

На современном этапе каждое государство заинтересовано в снижении уровня преступности, в связи с чем особую актуальность приобретает вопрос совершенствования института правоохранительной деятельности (в частности, оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту — ОРД)). За последние несколько лет законодательно, регулирующие вопросы указанной сферы, претерпело множество изменений, что связано напрямую с приведением ее в соответствие современным общественным реалиям. Вместе с тем, об эффективности ОРД как правового инструмента свидетельствуют статистические данные — так, согласно материалам, представленным Генеральной прокуратурой РФ, в 2024 году наблюдалось снижение уровня преступности на 2,5 % по сравнению с 2023 годом [4]. Кроме того, отмечается, что только по официальным данным, в 2023 году было зарегистрировано более 1 947 000 преступлений [4]. Однако на практике по-прежнему возникают спорные вопросы, в частности, связанные с обследованием жилища, как одного из оперативно-розыскных мероприятий (например, наиболее распространенной проблемой выступает нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина и другое).

В данном вопросе следует обратить внимание на положения статьи 25 Конституции России, согласно которым жилище является неприкосновенным — т. е., никто не имеет права в него проникать против воли лиц, проживающих в нем (подчеркнем, что в законодательстве также предусмотрены исключения, позволяющие нарушать данный принцип неприкосновенности). За последние несколько лет интерес к такому оперативно-розыскному мероприятию как обследование жилища возрос в связи с тем, что увеличилось количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, оружия, коррупционных и иных экономических преступлений. Интерес представляет позиция В. Ю. Стельмах, которая указывает следующее: «лица должны проживать в жилище на законных основаниях и присутствовать в жилище на момент начала ОРМ. Согласие этих лиц получается в письменной форме (как правило, в виде отдельного заявления) с обязательным указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения лица, даты и времени составления указанного заявления» [9, с. 40].

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к данному вопросу, а также разъяснил, что необходимость принятия судебного решения не предопределяется в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, особенно если эти действия сопровождаются проникновением в жилище с согласия человека, который там проживает. Вместе с тем, возможность проведения гласного обследования жилища существует только при условии полного согласия всех лиц, находящихся в нем. Следова-

тельно, даже если кто-то из них временно проживает или использует данное помещение, дача согласия выступает ключевым фактором для законного проведения оперативно-розыскных мероприятий [6].

В статье 15 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] законодателем установлено требование о точном документировании результатов обследования жилища, а также наличия согласия лиц, проживающих в нем, на проведение такого оперативно-розыскного мероприятия в соответствующем протоколе, который составляется согласно правилам, закрепленным в статье 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ [10]. Специфика оперативно-розыскной деятельности обуславливает необходимость на законодательном уровне расширить перечень оснований, наличие которых допускает проведение обследования помещений, тем самым ограничивая конституционное право на неприкосновенность жилища. Данный перечень перечислен в статье 8 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и его применение требует особого внимания, учитывающего не только законные интересы государства, но и права граждан, проживающих в этих помещениях. Важно включить в него наличие согласия одного из лиц, которые проживают или находятся в момент проведения оперативно-розыскных мероприятий в жилище.

Важно отметить, что, хотя в действующем законодательстве России закреплено право на обследование жилища на основании добровольного согласия лиц, проживающих в них, на практике возникают ситуации, в условиях которых требуется принудительное осуществление таких оперативно-розыскных мероприятий. Допустимость применения принудительных мер в данном случае поддерживается судебной практикой [1] (т. е., выработан подход в правоприменительной практике), что свидетельствует о необходимости находить баланс между интересами правоохранительных органов и правами граждан. В соответствии со статьей 9 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», для того чтобы судья мог вынести решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые потенциально могут ограничить конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, необходимо наличие мотивированного постановления от одного из руководителей органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Признавая возможность проведения обследования жилища, которое нарушает рассматриваемый конституционный принцип, Конституционный Суд Российской Федерации [6] детально разъяснил свою позицию по поводу данной процедуры. Суд указал, что предоставление судебной власти полномочий для независимого одоб-

рения оперативно-разыскных мероприятий, которые могут затрагивать конституционные права граждан, не только не нарушает эти права, но и, наоборот, способствует их защите. Данная практика была введена с целью создания дополнительных гарантий, обеспечивающих баланс между необходимостью осуществления оперативно-разыскной деятельности и соблюдением прав граждан. Вместе с тем, на практике часто возникают противоречивые вопросы, связанные с допустимостью проведения обследования жилища на основании поручения органа предварительного расследования. В ходе расследования преступлений могут возникнуть сложные ситуации, когда место происшествия и нахождение предметов и документов, представляющих доказательства совершенного преступления, оказываются в разных местах. Например, если в процессе осмотра места происшествия, которым является офис компании, сотрудники оперативного подразделения получают информацию о том, что ключевые документы и материалы, подтверждающие незаконную деятельность, на самом деле расположены по адресу, где проживает руководитель данного учреждения. В таких случаях необходимо принимать решение о том, какое оперативно-разыскное мероприятие следует произвести — провести осмотр места происшествия в офисе компании или же организовать обследование жилища руководителя на основании собранной информации. Такое положение дел ставит перед правоохранительными органами важный вопрос о балансе между эффективностью расследования и соблюдением конституционного права на неприкосновенность жилища. Действительно, проведение данного оперативно-разыскного мероприятия в условиях недостаточного объема доказательств для возбуждения уголовного дела, требует особой осторожности [3, с. 87].

С учетом сложившейся судебной и правоприменительной практики, наблюдается ряд различных подходов к осуществлению обследования жилища. Согласно требованиям, изложенным в Инструкции [8], фундаментальным основанием для проведения указанного оперативно-разыскного мероприятия выступает наличие описательного письма. Это письмо должно содержать исчерпывающую информацию о признаках противоправного деяния — будь то приготовление к совершению преступления, либо непосредственное его совершение. Важно также обратить внимание на те факты, касающиеся лиц, причастных к данному противоправному деянию, ссылаясь на данные, полученные в ходе проведения других оперативно-разыскных мероприятий, что помогает для дальнейшего расследования (в частности, проведения обследования жилища). Помимо этого, в Инструкции обращено внимание на процесс выдачи распоряжения от имени уполномоченного должностного лица, которое необходимо для легитимации оперативно-разыскного мероприятия, придавая ему официальный статус. Инструкция также детализирует порядок предоставления копии данного распоряжения лицам, в чьих жилищах проводится обследование.

Обследование жилища существенно отличается от иных оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных действующим законодательством России. В соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», для обследования жилого помещения обязательно необходимо получить предварительное судебное разрешение. Это требование связано с необходимостью уважения прав граждан, в частности их права на неприкосновенность жилища, которое защищается Конституцией и соответствующими законодательными актами. Сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел, прежде чем осуществлять обследование, выносят постановление о возбуждении ходатайства перед судом, в котором отражено обоснование необходимости проведения такого оперативно-разыскного мероприятия, информируя суд о лицах, подозреваемых в совершении преступлений.

Порядок проведения обследования жилища не имеет четкого нормативного регламентирования, что вызывает множество спорных правовых вопросов при его реализации на практике. Он основывается на общих требованиях, а также на аналогии с другими оперативно-разыскными мероприятиями. Как следствие, такая неясность приводит к значительным пробелам в нормативно-правовом регулировании, порождая сомнения относительно допустимости использования результатов подобных мероприятий в уголовном судопроизводстве. Одним из наиболее спорных аспектов является определение границ, в рамках которых может производиться обследование. Сложности возникают также в оформлении результатов проведенного оперативно-разыскного мероприятия. Например, предметы и документы, которые могут указывать на наличие признаков преступления, должны быть исследованы с особым вниманием. Такая ситуация усложняется, когда речь идет о предметах, которые были изъяты из гражданского оборота или подпадают под категорию ограниченного обращения и находятся у лиц без соответствующего разрешения. В таких случаях требуется обязательное составление протокола изъятия. Недостаток четких правил приводит к неясности в вопросах, затрагивающих права граждан. Так, могут возникнуть ситуации, когда найденные и изъятые предметы будут оспорены в суде, если не будут соблюдены все необходимые процессуальные нормы и не будет должным образом оформлена документация. Это не только создает прецеденты потенциальных нарушений прав граждан, но и ставит под сомнение общую эффективность оперативно-разыскной деятельности.

В целях заполнения пробелов в нормативно-правовом регулировании и расширения оперативных возможностей подразделений, предлагается подробно урегулировать процедуру и порядок проведения обследования в жилых помещениях путем внесения изменений в действующий приказ МВД России от 4 января 2014 г. № 199, исключив формулировку: «действие настоящей Инструкции не распространяется на обследование жилых помещений».

Также согласимся с Р. Е. Белокопытовым, который указывает на перспективность внесения следующих изменений в Инструкцию:

— пункт 3 Инструкции изложить в следующей редакции: «Для принятия решения о проведении обследования сотрудник подразделения органа внутренних дел, правомочного осуществлять оперативно-розыскную деятельность, располагающий сведениями о влекущем уголовную ответственность нарушении законодательства Российской Федерации, в случае, если не имеется достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, представляет руководителю проект распо-

ряжения либо постановление о возбуждении ходатайства перед судом об ограничении конституционных прав на неприкосновенность жилища и мотивированный рапорт»;

— пункт 5 Инструкции изложить в следующей редакции: «Подписанное распоряжение либо постановление суда регистрируется в журнале учета распоряжений и постановлений о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»;

— пункт 10 Инструкции после слов «для ознакомления распоряжение» дополнить словами «..., либо постановление суда» [2, с. 8].

Литература:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 26 мая 2017 г. № 30-АПГ-17-1 // СПС КонсультантПлюс.
2. Белокопытов Р. Е. Проблемные вопросы проведения гласного обследования помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств / Р. Е. Белокопытов // Научный компонент. 2021. № 1 (9). С. 6–14.
3. Кульчиков Д. Е. Актуальные особенности проведения оперативными подразделениями МВД России обследования жилых помещений на основании поручения органов предварительного расследования / Д. Е. Кульчиков // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 86–93.
4. Министерство Внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. — [Электронный ресурс]. — Электрон. текст. дан. — Режим доступа: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/>
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1996 г., № 144-ФЗ; ред. от 29.12.2022 г., № 638-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитенко Анатолия Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями статей 2, 5 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 1 примечаний к статье 228 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 янв. 2019 г. № 75-О // СПС КонсультантПлюс.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368.
8. Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (с изменениями и дополнениями) (ред. от 13.10.2023) // Российская газета. 2014. № 118.
9. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты оперативно-розыскного мероприятия «обследование жилища» // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 40–42.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Информационная безопасность и борьба с дезинформацией как элемент национальной безопасности России

Баранова Елена Петровна, студент

Научный руководитель: Слесарев Александр Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье исследуется проблема обеспечения информационной безопасности и борьба с дезинформацией в контексте национальной безопасности России. Автором рассматриваются основные типы угроз информационной безопасности, а также анализируются меры борьбы с дезинформацией в России. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что

в современном мире информация становится одним из ключевых ресурсов, влияющих на безопасность государства. Информационная безопасность охватывает защиту информации и информационных систем от несанкционированного доступа, разрушения, модификации и дезинформации. В условиях глобализации и цифровизации общества проблема дезинформации приобретает особое значение, так как она может подрывать основы национальной безопасности, способствовать распространению паники и дестабилизации общественного порядка.

Ключевые слова: информационная безопасность, дезинформация, национальная безопасность России, информационные угрозы.

Information security and the fight against disinformation as an element of Russia's national security

The article examines the problem of ensuring information security and combating disinformation in the context of Russia's national security. The author examines the main types of threats to information security, as well as analyzes measures to combat disinformation in Russia. The relevance of the topic of the article is due to the fact that in the modern world information is becoming one of the key resources affecting the security of the state. Information security protects information and information systems from unauthorized access, destruction, modification and disinformation. In the context of globalization and the digitalization of society, the problem of disinformation is of particular importance, as it can undermine the foundations of national security, contribute to the spread of panic and destabilization of public order.

Keywords: information security, disinformation, national security of Russia, information threats.

Информационная безопасность — это область знаний, охватывающая защиту информации от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, разрушения, изменения или нарушения. Она включает в себя процессы, технологии и практики, направленные на защиту конфиденциальности, целостности и доступности данных. В современном мире, где информация становится одним из самых ценных ресурсов, вопросы информационной безопасности приобретают особую значимость.

Согласно Указу Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» информационная безопасность является одним из элементов национальной безопасности. Она включает в себя защиту информации, информационных систем и инфраструктуры от угроз, которые могут исходить как изнутри, так и извне. Таким образом, информационная безопасность является важным компонентом общей безопасности страны, поскольку внедрение в жизнь динамичного развития информационных технологий, внедрение прорывных информационных процессов влияют на благосостояние граждан и отражаются на правовой системе. Согласно п. 25 вышеуказанного документа, одним из ключевых национальных интересов является развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия [1]. Таким образом, Российская Федерация определяет информационную безопасность в качестве приоритетов планирования в области национальной безопасности.

Основные цели информационной безопасности можно разделить на три ключевых аспекта, известные как «триада» конфиденциальности, целостности и доступности. Конфиденциальность означает, что доступ инфор-

мации есть только у того, кто имеет на это право; целостность означает, что информация сохраняется в полном объеме и не изменяется без ведома владельца; доступность означает, что тот, кто имеет право на доступ к информации, может ее получить [3, с.200].

Существуют различные угрозы информационной безопасности, которые могут быть классифицированы по нескольким критериям. Одной из наиболее распространенных классификаций является деление угроз на внутренние и внешние. Внутренние угрозы исходят от сотрудников организации или партнеров, которые могут случайно или намеренно причинить вред системе безопасности. Внешние угрозы представляют собой атаки со стороны злоумышленников, которые стремятся получить доступ к данным или системам.

На сегодняшний день существует множество различных типов угроз информационной безопасности. Одной из наиболее известных является вредоносное ПО (malware), которое может включать вирусы, трояны, шпионские программы и программы-вымогатели. Вредоносное ПО может повредить данные, украсть конфиденциальную информацию или заблокировать доступ к системам до тех пор, пока не будет выплачен выкуп.

Фишинг — еще одна распространенная угроза. Это метод социальной инженерии, при котором злоумышленники пытаются обмануть пользователей, заставляя их раскрыть личные данные, такие как пароли или номера кредитных карт. Фишинговые атаки могут происходить через электронную почту, текстовые сообщения или поддельные веб-сайты.

Атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS) представляют собой еще одну серьезную угрозу. В таких атаках злоумышленники перегружают сервер или сеть большим

количеством запросов, что приводит к сбоям в работе сервисов и недоступности ресурсов для легитимных пользователей [2, с. 46].

Угрозы безопасности также могут быть связаны с уязвимостями в программном обеспечении. Злоумышленники часто используют известные уязвимости в системах для получения несанкционированного доступа. Поэтому регулярное обновление программного обеспечения и применение патчей является важной мерой для защиты от таких угроз.

Акцентируя внимание на такой важной угрозе информационной безопасности как дезинформация, стоит отметить, что она стала одной из ключевых угроз современного общества, особенно в контексте глобализации и стремительного развития информационных технологий. Дезинформация (фейковая новость) — это полностью или частично искаженное сообщение, целью которого является введение аудитории в заблуждение для достижения определенных реакций объекта воздействия (действие или бездействие) [6, с. 1].

В условиях, когда информация распространяется мгновенно и охватывает широкие аудитории, манипуляции с фактами и фальшивые новости могут иметь серьезные последствия как для отдельных граждан, так и для целых государств. В России борьба с дезинформацией рассматривается не только как задача информационной безопасности, но и как важный элемент национальной безопасности, поскольку дезинформация может подрывать общественное доверие, дестабилизировать политическую ситуацию и угрожать суверенитету страны.

Одной из основных причин, по которой дезинформация стала такой серьезной угрозой, является развитие цифровых технологий и социальных медиа. Многие интернет-платформы предоставляют возможность любому пользователю стать распространителем информации, что порождает риски искажения достоверности контента. В результате, фальшивые новости могут быстро распространяться среди широкой аудитории, создавая ложное представление о реальности [5, с. 346]. Это особенно актуально в контексте выборов, общественных протестов или кризисов, когда дезинформация может использоваться для манипуляции общественным мнением и подрыва авторитета власти.

В России борьба с дезинформацией включает в себя комплекс мер, направленных на защиту информационного пространства от внешних и внутренних угроз. Одним из ключевых элементов этой борьбы является мониторинг информационных потоков и выявление источников дезинформации. Государственные структуры, такие как Федеральная служба безопасности (ФСБ) и Роскомнадзор, активно работают над отслеживанием распространения ложной информации в интернете и принимают меры по блокировке ресурсов, которые публикуют дезинформацию. Это позволяет минимизировать влияние фальшивых новостей на общественное мнение и предотвратить возможные дестабилизирующие действия.

Перечислим некоторые механизмы и инструменты, которые ФСБ и Роскомнадзор используют в борьбе с дезинформацией:

- Технологии искусственного интеллекта (ИИ). С их помощью выявляют дипфейки (поддельные видео и фотографии, созданные с использованием искусственного интеллекта), определяют контекст происходящего на видео, автоматизируют мониторинг и модерацию контента, распознают лица, эмоции и другое. Это позволяет проверять более 12 миллионов текстовых материалов в сутки и выявлять незаконную информацию с точностью не ниже 85 %.

- Реестр организаторов распространения информации (ОРИ). В него вносят фирмы, которые обеспечивают функционирование информационных систем и программ для ЭВМ, используемых для приёма, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей интернета. Эти компании обязаны обмениваться сведениями с ФСБ.

- Блокировка ресурсов, разместивших фейковую новость. Устанавливается специальная процедура блокировки в случае обнаружения недостоверной информации на ресурсе, являющемся сетевым изданием.

Кроме того, в России разрабатываются образовательные программы и инициативы, направленные на повышение медиаграмотности населения. Обучение граждан критическому восприятию информации и умению различать достоверные источники от недостоверных является важным шагом в борьбе с дезинформацией [4, с. 62].

В этом контексте особое внимание уделяется молодежи, которая активно использует социальные сети и интернет как основные источники информации. Программы по повышению медиаграмотности помогают формировать у граждан навыки анализа информации и осознания возможных манипуляций со стороны различных игроков. Например, Центральный банк России проводит различные вебинары, направленные на повышение медиаграмотности населения, особенно в области финансовой грамотности. К таковым, в частности, относятся: вебинары, посвященные методам распознавания финансового мошенничества, включая фишинг, кредитные схемы; вебинары, посвященные тому, как распознавать манипуляции в медиа и социальных сетях, а также как критически оценивать информацию; вебинары о новых цифровых финансовых инструментах, таких как мобильные приложения для управления финансами или криптовалютой и многие другие.

На международной арене Россия также активно участвует в борьбе с дезинформацией. В условиях глобальной конкуренции за влияние в информационном пространстве страны стремятся развивать свои подходы к обеспечению информационной безопасности. Россия поднимает вопросы о необходимости создания международных механизмов для борьбы с дезинформацией, а также о важности соблюдения принципов уважения к суверенитету государств в информационной сфере. Это включает

в себя противодействие попыткам вмешательства во внутренние дела страны через распространение ложной информации.

В дополнение к вышесказанному, стоит отметить, что постоянно развивающиеся методы распространения дезинформации требуют от всех участников процесса гибкости и умения быстро приспосабливаться к новым условиям, что является предпосылкой успешного противодействия данным угрозам. В этой связи предлагаются меры, которые могут существенно усилить борьбу с дезинформацией, среди которых: повышение цифровой грамотности населения страны, которая позволит людям не только критически подходить к оценке информации, но и анализировать ее и выявлять недостоверные факты. Также крепкое сотрудничество между государственным и частным секторами, которое позволит создать наиболее

эффективные механизмы взаимодействия в борьбе с дезинформацией. Кроме того, разработка новых инструментов мониторинга и анализа информации, которая приведет к более оперативному обнаружению и противодействию дезинформационным атакам, что в свою очередь повысит общую устойчивость общества к подобным угрозам и укрепит его способность справляться с новыми вызовами, исходящими от дезинформации.

В завершении стоит также отметить, что в условиях стремительного распространения дезинформации важно разработать и внедрить эффективные механизмы ее противодействия. Комплексный подход к перечисленным выше аспектам позволит не только снизить влияние дезинформации на общество, но и сформировать более устойчивое и информированное общество, способное адекватно реагировать на вызовы современности.

Литература:

1. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс». — Последнее обновление: 02.07.2021.
2. Клименко, Т. М., Акжигитов Р. Р. Обзор методов обнаружения распределенных атак типа «отказ в обслуживании» на основе машинного обучения и глубокого обучения // International Journal of Open Information Technologies. 2023. — № 6. — С. 46–66.
3. Кудряшов, П. Д. Информационная безопасность. Хакерские и кибератаки, меры противодействия информационным атакам / П. Д. Кудряшов, М. Ю. Лакомкина, А. Л. Куленцан // Проблемы экономики, финансов и управления производством. — 2023. — № 53. — С. 199–202.
4. Максименков М. И. Фейковые новости: актуализация проблемы в России // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020.- № 3. — С. 56–67.
5. Маркина, Ю. В. Специфика распространения фейков в социальных медиа / Ю. В. Маркина // Культура в фокусе научных парадигм. — 2023. — № 16. — С. 344–350.
6. Пахомова, А. Ю. К вопросу о типологии медиапотребления дезинформации / А. Ю. Пахомова // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 2 (47). — С. 63–69.

Коррупциогенные факторы в градостроительной деятельности на примере Амурской области

Белослудцев Даниил Павлович, студент магистратуры;
Майбуров Виталий Александрович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается проявление коррупции в градостроительной деятельности. Авторами отмечается, что ее проявления встречаются независимо от масштаба стройки. Примеры, приведенные в статье, показывают, что для коррупционеров неважно будь это строительство космодрома или строительство типового многоквартирного жилого дома.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коррупция, градостроительная деятельность, строительство

Коррупция как фактор, присущий большинству сфер деятельности общества, имеет место также в градостроительной деятельности [1, с. 162]. В эту деятельность вовлечены все участники экономической деятельности: физические и юридические лица, которые имеют право владения, пользования или распоряжения объектами капитального строительства [2, с. 22]. Интересы

всех этих заинтересованных лиц могут пересекаться, что создает почву для их удовлетворения вопреки законному порядку.

В случае с градостроительной деятельностью под повсеместностью коррупции можно рассматривать ее наличие как при строительстве объектов как объектов жилого фонда, офисных зданий, так и при строительстве

важнейших сооружений государственного значения, таких как военные аэродромы, космодромы и другие.

Пункт 5 части 1 статьи 48.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации указывает, что к особо опасным и технически сложным объектам относятся: объекты космической инфраструктуры.

В это же время статья 18 Закона РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» указывает, что космическая инфраструктура Российской Федерации включает в себя: космодромы.

Строительство космодрома “Восточный” было лишь вопросом времени, так как Российской Федерации, как правопреемнику СССР, необходимо было продолжать участие в так называемой “Космической гонке” с такими странами, как Китай и США. Но осуществлять конкуренцию, не имея на своей территории полноценного космодрома, невозможно.

Строительство космодрома “Восточный” было начато в 2011 году. К концу 2015 года планировалось закончить первый этап строительства. Но сроки не были соблюдены, и первый этап был сдан лишь в апреле 2016 года. Одним из факторов, которые вызвали такую задержку, является коррупция при его строительстве.

Рассмотрим некоторые из множества случаев коррупции на одной из “мегастроек” современной России, а именно при строительстве первого российского гражданского космодрома “Восточный”, которые на момент его строительства Глава администрации Президента назвал “вопиющими” [4].

По данным, озвученным в интервью уже бывшим Генеральным Прокурором Российской Федерации Игорем Чайкой, на конец 2019 года в производстве правоохранительных органов находится 163 уголовных дела, касающихся коррупции при строительстве космодрома “Восточный”. Ущерб от указанных преступлений превысил 20,9 миллиарда рублей [5].

Рассмотрим некоторые из указанных случаев коррупции. Так, генеральный директор компании «Строй-индустрия-С» Сергей Терентьев не выплатил заработную плату 70 работникам на сумму более чем 70 миллионов рублей, при этом ранее растратив вверенные ему денежные средства в размере 6 миллионов рублей [6].

Глава госучреждения «Федеральный центр ценообразования в строительстве» Евгений Ермолаев, совершив в соучастии хищение 404 миллионов рублей, которые были выделены на строительство космодрома “Восточный”, был приговорен к 5,5 годам лишения свободы [7].

Заместитель начальника Дальспецстроя Михаил Гельман в обход законно установленных конкурсных процедур заключил с ЗАО «Аэродромы. Мосты. Дороги» семь договоров, предметом которых было строительство водозаборных сооружений на космодроме на сумму более 1,1 миллиарда рублей. Но спустя 5 месяцев был выполнен всего лишь 1 % от запланированных работ, что привело к срыву сроков строительства. В отношении него возбуждено дело по факту “Злоупотребления должностными пол-

номочиями”, и впоследствии Суд приговорил М. Гельмана к 6 годам и трем месяцам лишения свободы с лишением права занимать определенные должности сроком на 3 года.

Чем больше и важнее стройка для государства, тем больше совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с ней. Соответственно, на этой почве увеличивается и количество возможных вариантов совершения коррупционных деяний [8, с. 155].

Такие стройки — это воплощение важнейших интересов государства, поэтому для их реализации в жизнь выделяются большое количество ресурсов, что не может не сказываться на количестве людей, которые желают получить выгоду незаконным путем.

Вместе с тем наличие антикоррупционной политики говорит об необходимости законодателя при установлении требований и предписаний использовать механизмы, отличающиеся высокой прозрачностью осуществляемых процедур. Сфера градостроительной деятельности ввиду своей важности очень строго регламентирована, в связи с чем содержит большое количество переплетающихся между собой и порой излишних законодательных установлений. В связи с этим некоторые исследователи предлагают осуществлять дальнейшее дерегулирование строительной сферы, вплоть до отмены Закона “Об участии в долевом строительстве” [9, с 436–437].

Полагаем, что сфера строительства в действительности нуждается в дерегулировании. Об этом также говорит Президент нашей страны В. В. Путин: “Градостроительство — это, конечно, особая вещь. То, чем мы занимаемся сегодня, остается на века. И здесь, конечно, нельзя допустить никакой эклектики, если это специально не делается, конечно, никакого хаоса” [10].

В это же время в текущих реалиях не представляется необходимости в отмене Закона “Об участии в долевом строительстве”. После перехода к проектному финансированию уменьшилось число возможных злоупотреблений застройщиками в связи с обязательным использованием эскроу-счетов. Денежные средства за помещение, приобретенное по договору участия в долевом строительстве, могут быть получены застройщиком только после сдачи объекта недвижимости.

Заключение договора участия в долевом строительстве между органами местного самоуправления и застройщиками делает невозможным использование коррупционных схем, связанных с инвестированием в строительство жилых домов [11]. В связи с чем есть смысл внедрения обязательного заключения именно этого договора при инвестировании в строительство.

С учетом изложенного нами обосновывается необходимость принятия комплексных мер по противодействию коррупции в сфере градостроительной деятельности.

В частности, можно отметить, что в случае затягивания строительства, переноса срока сдачи объекта строительства представляется необходимым ввести обязанность контролирующих органов провести проверку для немедленного выявления причин затягивания.

Основной задачей должно стать повышение прозрачности правовых механизмов, повышение понятности норм, что возможно путем дальнейшего дерегулирования градостроительного законодательства, структуризации норм, регулирующих строительную деятельность, а также повышение качества юридической техники.

Представляется уместным для решения данной задачи в качестве первого шага выделить: дополнение Градостроительного кодекса РФ статьей, определяющей порядок вступления в силу законов, изменяющих его положения. С момента принятия Градостроительный кодекс РФ имеет 155 редакций, Закон “О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации”

имеет 84 редакции. Законодатель не обделяет вниманием и другие акты, связанные с градостроительной деятельностью: Закон “Об участии в долевом строительстве” имеет 48 редакций. В связи с чем в Российской Федерации могут быть возведены два абсолютно одинаковых объекта примерно в один промежуток времени, при реализации которых применяются разные положения законодательства, зависящие от даты получения разрешения на строительство. В таких условиях неизбежно создается хаос, способствующий неправильному применению норм, в том числе позволяющий реализовывать коррупционные схемы. Предложенная нами мера способна минимизировать создаваемый хаос.

Литература:

1. Юдина, М. В. Конфликт интересов в градостроительстве / М. В. Юдина. — Текст: непосредственный // Управленческие механизмы противодействия идеологии экстремизма и терроризма: материалы научно-практической конференции, Магнитогорск, 20–21 декабря 2018 года. — Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2018. — С. 162–165.
2. Самойлова, Н. А. Градостроительная деятельность в России / Н. А. Самойлова. — Текст: непосредственный // Архитектура и строительство России. — 2011. — № 1. — С. 22–31.
3. Глава Конституционного суда считает, что коррупцию не искоренить. — Текст: электронный // РИА НОВОСТИ: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20250520/zorkin—2018023780.html> (дата обращения: 26.05.2025).
4. Глава администрации президента назвал Восточный вопиющим примером коррупции. — Текст: электронный // ВЗГЛЯД деловая газета: [сайт]. — URL: <https://vz.ru/news/2015/11/2/775810.html> (дата обращения: 26.05.2025).
5. Интервью и выступления. — Текст: электронный // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=73397026> (дата обращения: 26.05.2025).
6. Большой и лакомый космодром. Самые громкие преступления Восточного. — Текст: электронный // 360.ru: [сайт]. — URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/bolshoj-i-lakomyj-kosmodrom/?ysclid=maxgc6648k739636881> (дата обращения: 26.05.2025).
7. Вынесен приговор четырем соучастникам хищения денежных средств при строительстве космодрома «Восточный». — Текст: электронный // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://sledcom.ru/news/item/1628123/?print=1> (дата обращения: 26.05.2025).
8. Коряченцова, С. И. Деятельность прокуратуры по выявлению административных барьеров в сфере градостроительной деятельности / С. И. Коряченцова. — Текст: непосредственный // Противодействие коррупции и теневым процессам: Избранные материалы научных конференций, Санкт-Петербург, 08–11 декабря 2020 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2020. — С. 150–156.
9. Бифов, А. Б. Противодействие коррупции в строительном бизнесе / А. Б. Бифов. — Текст: непосредственный // StudNet. — 2020. — № 3. — С. 435–440.
10. Путин призвал пресечь хаос в градостроительстве. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2025/67fe91799a7947d45e64b932> (дата обращения: 26.05.2025).
11. В Кемеровской области — Кузбассе бывшие должностные лица городской администрации обвиняются в злоупотреблении должностными полномочиями в сфере приобретения жилья для льготной категории граждан. — Текст: электронный // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области — Кузбассу: [сайт]. — URL: <https://kuzbass.sledcom.ru/news/item/1949368/> (дата обращения: 26.05.2025).

Уголовно-правовая охрана имущественных прав граждан

Богатырева Алина Заудиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Байрамкулов Аскер Магомедович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты уголовно-правовой охраны имущественных прав граждан в Российской Федерации. Освещается понятие имущественных прав, анализируются составы преступлений против собственности, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, а также приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие квалификацию таких деяний, как мошенничество, присвоение и кража. Особое внимание уделяется проблемам разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности, а также необходимости адаптации законодательства к современным вызовам, включая киберпреступления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правового механизма защиты имущественных интересов граждан.

Ключевые слова: имущественные права, уголовное право, преступления против собственности, кража, мошенничество, присвоение, судебная практика, защита собственности, уголовная ответственность, цифровые преступления.

Имущественные права граждан составляют неотъемлемую часть частного права и представляют собой важнейшие юридические механизмы, обеспечивающие свободное владение, пользование и распоряжение имуществом. Эти права защищаются не только гражданско-правовыми средствами, но и мерами уголовно-правового характера, когда посягательства на них приобретают общественно опасный характер. В условиях развивающихся экономических и цифровых отношений эффективность уголовно-правовой охраны имущественных прав становится важной задачей правового государства.

Цель данной статьи — проанализировать уголовно-правовые механизмы защиты имущественных прав граждан, рассмотреть теоретические основания уголовной ответственности за преступления против собственности и представить примеры судебной практики.

В юридической науке имущественные права традиционно подразделяются на вещные и обязательственные [4]. В уголовном праве они рассматриваются как объект преступного посягательства, нарушаемый действиями, направленными на хищение или неправомерное использование имущества [5].

По мнению В. Н. Кудрявцева, уголовно-правовая охрана имущественных прав обеспечивает стабильность гражданского оборота и защищает интересы как отдельных лиц, так и общества в целом. Уголовное законодательство должно не только наказывать, но и предупреждать преступные посягательства, а также восстанавливать нарушенные имущественные отношения [3].

Наиболее распространёнными преступлениями против имущественных прав являются:

- Кража (ст. 158 УК РФ) — тайное хищение чужого имущества;
- Мошенничество (ст. 159 УК РФ) — хищение путём обмана;
- Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) — хищение вверенного имущества;
- Грабёж, разбой, вымогательство — иные насильственные формы посягательств на имущество [1].

Каждое из этих деяний требует установления специфических признаков состава преступления, особенно в части субъективной стороны — наличия прямого умысла на незаконное завладение чужим имуществом [2].

Примеры из судебной практики:

1. Дело № 1–45/2023, Мосгорсуд. Гражданин получил денежные средства якобы на инвестиции в бизнес, но с самого начала не имел намерения их возвращать. Суд признал действия мошенничеством (ст. 159 ч. 3 УК РФ), подчеркнув, что умысел возник до получения средств [6].

2. Присвоение денежных средств работником. Дело № 1–102/2022, г. Екатеринбург. Менеджер фирмы перевёл деньги компании на счёт контролируемого им лица. Действия квалифицированы по ст. 160 УК РФ как присвоение вверенных средств [6].

3. Интернет-мошенничество. Дело № 1–218/2023, г. Уфа. Обвиняемый создал поддельный интернет-магазин, получал оплату и не отправлял товары. Признан виновным по ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием интернета) [6].

Одной из ключевых задач уголовного права является обеспечение правовой определённости, включая защиту имущественных прав граждан, которые нередко оказываются под угрозой в условиях рыночной экономики и цифровизации. Защита имущественных прав средствами уголовного права означает привлечение виновных к ответственности за деяния, нарушающие законные интересы собственников.

В научной литературе подчеркивается, что объектами преступлений против собственности выступают не только отношения собственности как таковые, но и иные формы имущественного обладания, включая владение, пользование и распоряжение. При этом особое значение приобретает субъективная сторона преступления, выражающаяся в прямом умысле и корыстной цели нарушителя.

Так, А. И. Рарог отмечает, что хищение в любой форме предполагает не только изъятие имущества, но и его обращение в пользу виновного или других лиц вопреки воле

законного владельца [4]. Это положение существенно для правильной правовой квалификации деяний, особенно в случае мошенничества или присвоения.

С точки зрения правоприменения, важно учитывать специфику новых угроз, в том числе в цифровой среде. Например, появление криптовалют, электронных кошельков и онлайн-банкинга расширяет поле для совершения имущественных преступлений. Законодательство в этой части нуждается в уточнении и систематизации, о чём свидетельствуют выводы многих юристов-практиков и научных исследователей [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос возмещения ущерба. Современная судебная практика показывает, что реальное возвращение похищенного имущества

пострадавшим остаётся затруднённым. В этой связи предлагается активнее применять механизмы ареста имущества обвиняемых, а также конфискацию в расширенном порядке, особенно по делам о преступлениях с крупным ущербом.

Уголовно-правовая охрана имущественных прав граждан выполняет важнейшую функцию по обеспечению законности и защите собственности. Для её эффективности необходимо постоянное совершенствование правовых норм, адекватное реагирование на вызовы цифровой среды и укрепление механизмов возмещения ущерба. Современная практика показывает, что баланс между наказанием, восстановлением справедливости и профилактикой — ключ к устойчивой правовой системе [3].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. 2024 г.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
3. Кудрявцев В. Н. Общая теория преступления. — М.: Норма, 2022.
4. Рарог А. И. Уголовное право. Особенная часть. — М.: Проспект, 2023.
5. Кадников Н. Г. Уголовно-правовые механизмы защиты имущественных интересов. — СПб.: Юридический центр, 2021.
6. Судебная практика: www.sudact.ru

Правовые проблемы и ограничения осуществления предпринимательской деятельности в России

Бодяко Ольга Николаевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Существующее законодательство и экономические стимулы требуют доработки. Это создаёт правовые и административные барьеры для развития бизнеса и снижает привлекательность предпринимательской деятельности.

Для рассмотрения проблем, которые могут возникнуть в процессе осуществления предпринимательской деятельности, необходимо изучить научную литературу, посвященную данной теме.

В своей статье М. Варгасова рассматривает проблемные вопросы регулирования предпринимательской деятельности в России. Она пишет о том, что многие правовые акты, регулирующие данную сферу, обладают противоречивостью и имеют ряд пробелов, которые негативно сказываются на процесс регулирования предпринимательской деятельности. В своей работе автор обращает внимание на проблемы реорганизации юридических лиц, защиты прав предпринимателей в России, а также проблемы, связанные с регулированием деятельности самозанятых граждан.

Институт реорганизации юридических лиц часто сталкивается с рядом рисков и обусловленных ими проблем.

Во-первых, недостаточное нормативное регулирование применения гражданско-правовых последствий незаконной реорганизации юридических лиц. Правоприменитель в своих решениях постоянно использует такие категории как «реорганизация юридического лица», «незаконная реорганизация юридического лица», «несостоявшаяся реорганизация». При этом, указанные категории не имеют определений и описаний в действующем законодательстве, что создает проблемы в их единообразном понимании, которые в свою очередь отрицательно сказываются на формировании единообразной практики гражданско-правовых последствий незаконной реорганизации юридических лиц.

Еще одной статьёй, в которой рассматриваются ограничения и проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели, является работа Оксаны Александровны Малютиной. Автор выделяет ограничения, которые отмечены в Конституции Российской Федерации. К ним, по ее мнению, относятся:

— Согласно статье 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод гражданина не должно нарушать права и свободы других граждан;

— В статье 34 отмечено, что запрещается осуществлять экономическую деятельность, направленную на монополизацию и воспрепятствованию конкуренции на рынке.

К ограничениям, по мнению автора статьи, также относятся необходимость регистрации осуществляемой деятельности и получение лицензии для ведения определенных видов предпринимательства.

Отмеченные ограничения, безусловно, сказываются на предпринимателях, однако они являются способом контроля и регулирования экономической деятельности со стороны государства.

Болдырев В. А. в своей статье рассматривает ограничения, которые возникли в последнее время. Они связаны с пандемией COVID-19. В указанный период многие компании столкнулись с закрытием из-за невозможности осуществлять деятельность в очном формате. Преимущественно это коснулось ресторанного бизнеса и ритейла. Однако многие из таких организаций перешли на онлайн формат работы, то есть стали осуществлять доставки и переход на различные платформы для взаимодействия с клиентами.

На данный момент ограничения связаны с проведением специальной военной операции и наложенными на страну санкциями со стороны иностранных государств. В настоящее время множество бизнесменов сталкиваются с проблемами при осуществлении финансовых операций. Те, кто работали с иностранными контрагентами, не могут проводить платежи по привычной процедуре. Это связано с наложением санкций на банки, которые имеют филиалы в России, а также отключение от системы SWIFT. Однако, по последним данным, планируется снятие ограничений с Россельхозбанка, что позволит предпринимателям, осуществляющим свою деятельность в сфере сельского хозяйства, взаимодействовать с иностранными контрагентами.

Проблемой, которая может быть выделена практической в ходе осуществления предпринимательской деятельности, является недостаточная защищенность персональных данных. В последнее время достаточно частыми стали утечки информации различных компаний. При трудоустройстве работник подписывает соглашение о неразглашении информации, составляющей коммерческую тайну. Такое же соглашение подписывается касательно обработки и сохранения персональных данных.

Для юридических лиц ответственность зависит от количества точек утечки данных:

— Если утечка затрагивает от 1 000 до 10 тыс. субъектов персональных данных и/или включает от 10 тыс. до 100 тыс. уникальных идентификаторов пользователей, то штраф составит от 3 до 5 млн рублей.

— При утечке данных 10 тыс. — 100 тыс. субъектов или 100 тыс. — 1 млн идентификаторов суд может назначить штраф от 5 до 10 млн рублей.

— В случае, когда речь идет об утечке данных более 100 тыс. граждан и/или более 1 млн идентификаторов, санкции возрастают — от 10 млн до 15 млн рублей.

С 30 мая 2025 года вступит в силу закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ, который вводит оборотные штрафы за утечку персональных данных.

Некоторые положения закона:

Ответственность наступает в следующих случаях:

— несообщение в Роскомнадзор об утечке;

— неправомерная передача информации третьим лицам без согласия субъекта;

— халатность оператора, которая привела к утечке;

— отсутствие мер по защите персональных данных — если компания не соблюдала нормы информационной безопасности.

Еще одной проблемой, с которой могут столкнуться предприниматели, является недостаточная материальная поддержка со стороны государства. Особенно это касается начинающих предпринимателей. Те, кто только начинает свою предпринимательскую деятельность сталкиваются с трудностями при получении начального капитала и ресурсов.

Следующей проблемой, с которой могут столкнуться предприниматели, является в какой-то мере чересчур усиленное внимание и контроль со стороны государственных органов. Такое внимание может привести к бюрократическим преградам, различного рода ограничениям, которые могут снизить темпы развития бизнеса.

В некоторых случаях предприниматели сталкиваются с нарушениями своих прав со стороны других участников рынка или государственных органов. Механизм судебной защиты прав предпринимателей в рамках арбитражного судопроизводства обладает рядом недостатков. Одним из них является то, что право на вступление в арбитражный процесс на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, принадлежит только Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (ч. 2 ст. 53.1 АПК РФ).

Исходя из того, что уполномоченные по защите прав предпринимателей подпадают под категорию «третьи лица не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора», также несмотря на явную целесообразность участия региональных уполномоченных в рассмотрении арбитражных дел в качестве третьего лица с целью защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, представляется необходимым скорректировать положения ч. 2 ст. 53.1 АПК РФ, изложив их примерно в следующей редакции: «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации вправе вступить в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований».

Одной из «громких» налоговых реформ последних лет является введение нового специального налогового режима для самозанятого населения — налога на профессиональный доход. Данная реформа безусловно имеет по-

ложительный эффект и отклик со стороны определенной категории лиц, попадающих под действие данной инициативы. Однако она требует доработки. Так, уплата налога не приносит пенсионные баллы и не гарантирует оплату больничных, и собственно социальная защита сводится к «самостоятельной уплате страховых взносов в обязательные страховые системы, как это предусмотрено законодательством, откладывании части получаемых денежных средств и принятию мер по формированию позитивной социальной среды, способной оказать помощь в случае необходимости».

С одной стороны, если учесть, что большинство граждан на данный момент рассматривает самозанятость в качестве варианта дополнительного дохода либо возможности развития дополнительных непрофессиональных навыков, то в данном случае отсутствие социальной защиты не будет для них значительным минусом. Кроме того, в силу специфики самозанятости, гражданин в любом случае должен самостоятельно осуществлять отчисления в социальные фонды, так как при работе по найму данные отчисления осуществляет работодатель.

Литература:

1. Малютина О. А. Правовые ограничения предпринимательской деятельности в России // Юридическая техника: журнал. 2018. № 201.
2. Болдырев В. А. Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность / Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2020. — № 9 (228).
3. Варгасова М. А. Отдельные проблемные вопросы регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации / М. А. Варгасова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 26 (421). — С. 90–92.

Проблемы дифференциации и индивидуальной уголовной ответственности за вред, причинённый в обстановке крайней необходимости

Бойко Диана Александровна, студент

Научный руководитель: Сафонова Дарья Владимировна, преподаватель

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В данной статье рассматриваются проблемы дифференциации и индивидуальной уголовной ответственности за вред, причинённый в условиях крайней необходимости, анализируются правовые аспекты и примеры из судебной практики.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, крайняя необходимость.

Разделение уголовной ответственности в состоянии крайней необходимости является ключевым моментом в уголовном праве ведь она принимает во внимание особые случаи и факторы при которых совершается преступное деяние. Иначе говоря, в обстановке крайней необходимости субъект действует под влиянием особенных факторов, вынуждающих его нарушить закон во избежание более серьёзных последствий, чем при правомерном бездействии.

Помимо недостатков, которые негативно сказываются на формировании пенсионных накоплений и социальных выплат для самих самозанятых, существует и недостаток, который отражается на государстве. Так, для самозанятых граждан отсутствует необходимость заполнения налоговой декларации. Из-за этого государство не может контролировать процесс уплаты налогов. Для этого целесообразным было бы введение определенной формы отчетности именно для данной категории граждан.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности существует ряд проблемных аспектов. В настоящее время законодатель должен стремиться к совершенствованию системы правового регулирования предпринимательской деятельности, т. к. именно пробелы и чрезмерная «расплывчатость» норм являются главным фактором возникновения правовых рисков при осуществлении предпринимательской деятельности, которые в свою очередь могут повлечь серьезные нарушения прав и свобод субъектов предпринимательства.

Главная цель исследования в данной работе — доказать, что не каждое нарушение установленных правовых норм должно караться одинаково, ведь иногда оно было совершено при наличии факторов, когда гражданин вынужден выбирать между двумя общественно опасными явлениями и соотносить меры наказания при принятии того или иного решения.

Более того в поле нашего зрения попадает вопрос о справедливости деяния гражданина с учётом пред-

лагаемых обстоятельств и, следовательно, соразмерности нанесённого вреда. Мнение автора статьи сводится к тому, что суд должен учитывать исключительность этих ситуаций и если не освободить лицо от ответственности полностью, то по крайней мере снизить меру наказания такому лицу.

Это будет полностью соответствовать принципам гуманизма даже с учётом нарушения буквы закона в исключительных случаях, направленных на защиту жизни и здоровья. Следовательно, правила дифференциации отражают и направлены на более чёткое разграничение вины, обстоятельств и главного мотива совершения противоправного деяния.

Итак, дифференциация уголовной ответственности в состоянии крайней необходимости выступает ключевым инструментом в соблюдении принципов права и предотвратить как следствие чрезмерное наказание за противоправное деяние.

Кроме того, следует учесть конъюнктуру некоторых обстоятельств, в моменты появления внезапного риска для жизни и здоровья тех или иных объектов, ведь иногда интервал события может быть крайне низкий, относительно случаев, в которых угроза имеет признаки длящегося события. Примером можно считать случай, когда личность в сущности не смогла оценить обстановку из-за кратковременности произошедшего события. Такое часто бывает на дорогах в следствии использования средств повышенной опасности ведь шофёр, двигаясь на разрешающий сигнал светофора, не заметил внезапно возникшего из-за кустов человека. Тогда во избежание негативных последствий он хочет уклониться, от удара повернув руль в противоположную сторону от объекта и тем самым ломает торговый киоск, стоящий на обочине. Именно при таком положении вещей возникает резонный вопрос о наличии вины. И в предлагаемых обстоятельствах гражданин не имел возможность предвидеть негативный итог и урон частному бизнесу от своего безусловно правильного решения. Тогда поведение гражданина можно считать законным и оправданным потому, что принятая мера была направлена на избежание нанесения ущерба жизни и здоровью другого лица в момент крайней опасности. Однако образовался спор между правовыми категориями такими как жизнь пешехода и защитой частного бизнеса.

И в жизни каждого здравомыслящего человека таких эпизодов великое множество, иногда они касаются преступлений, регулируемых правовыми нормами уголовного кодекса. Правомерна ли кража чужого автомобиля в обстоятельствах таких как срочное оказание медицинской помощи лицу, которому она необходима. И да и нет, ведь часто можно вызвать специальные службы способные оказать такую помощь квалифицированно. Но справедливо будет отметить, что такие службы есть не в каждом уголке нашей страны с её огромной территорией и положение вещей вынуждает человека, никогда не имевшего проблем с законом, пойти на преступление, преду-

смотренное Уголовным кодексом, оставаясь при этом героем, по субъективному мнению автора работы, конечно.

А. И. Ситникова связывает правовое значение деяния умысла на виды при эксцессе крайней необходимости с защитой интересов третьих лиц [1]. Наличие прямого умысла в данном случае указывает на имитацию состояния крайней необходимости, и в таком случае представление о возможности превышения её пределов становится абсурдным по сути. Безусловно, подобные ситуации возможны, однако они такие позиции не должны превращаться в обязательные нормы для уголовно правового анализа, и, более того, не должны влечь за собой внесения для изменений в законодательские регулирования.

Это подчеркивает важность правильного разграничения между умышленными и непреднамеренными правонарушениями. Внутриведомственная уголовно-правовая дифференциация долга является параллельно фазой и частью процесса разграничения юридической ответственности за свершения, причиняющие урон личности. Это разделение выступает как отдельное событие, выражающееся не только на этапе назначения обязательств за злодеяния против человека, но и на этом стадии определения самой уголовной ответственности за противоправное действие. Такая позиция подтверждает о тесной связи между процессами дифференциации долга и криминализации, но тем не менее в отечественной научной литературе их связь сохраняется объектом споров.

Одним из устоявшихся методов к осознанию этой связи является точка зрения Т. А. Лесниевски-Костаревой, которая полагает, что разделение ответственности надлежит изучать как основу и направление уголовной политики, изолированное с механизмом криминализации или декриминализации. В её идеи выделяется принципиальное различие между основаниями для возложения ответственности и самой дифференциацией её видов. «Дифференцируя основания ответственности, законодатель, по существу, производит процесс криминализации (декриминализации), группирует такие основания в блоки. Однако процесс этот принято называть не дифференциацией, а установлением уголовной ответственности» [2]. Дискуссия вопроса о введении в Особенную часть УК РФ привилегированных составов преступлений, связанных с нанесением вреда при росте пределов крайней необходимости, вызывает полемику. Один из возможных версий — создание таких составов по сходству с избытком пределов необходимой обороны и мер задержания, что санкционировало бы охватить более большой круг ситуаций и предусмотреть более жесткие меры, чем в статьях 108 и 114 УК РФ. Но тем не менее при этом остается неясно, какие именно составы могли бы быть включены в этот перечень.

Важным аспектом является характер вреда: физический ущерб, материальный ущерб или смерть. В 2025 году внедрены новые стандарты оценки тяжести вреда на основе автоматизированных систем анализа последствий

действий виновных лиц. Это способствует более объективной.

В случаях крайней необходимости виновный, нанеся вред, угрожающую другим интересам, может избежать уголовной ответственности в соответствии с нормами крайней необходимости. Мобилизация к ответственности в таких случаях не способствует стимулу общества к предупреждению неблагоприятных последствий своих поступков и не соответствует идеи осознанного отречения и социальному смыслу этого института. Все же следует сказать, что добровольный отказ возможен в ситуации, если индивид создал опасность своими действиями или бездействиями, а в последствии отказался продолжать эти действия для достижения преступного результата. В случае, если лицо исполняет преступные действия, неся угрозу, а затем предпринимает действия по ликвидации последствий — например, угоняет авто, чтобы доставить тяжело раненного человека в больницу — возникает вопрос о правомерности такого раскаяния.

Будет такое участвующее вмешательство, считаться приступным или в приведённом примере смысл и значение теряют важность? Следует ли притеснять право лица причинившего вред преступной деятельностью, на применение крайней необходимости, если оно активно каяться и предпринимает меры по устранению опасности, что полностью соответствует условиям правомерного состояния крайней необходимости? Например, если для помощи жертвы по обращения виновного угоняют транспортное средство дикого лица.

Есть точкам зрения, что деятельное раскаяние, как исключительное смягчающее обстоятельство, которое дает возможность применять к санкции специальные льготные правила, предусмотренные статьей 62 УК РФ, может быть вновь принято во внимание. Это обусловлено тем, что исконно оно рассматривалось как обстоятельство исключительное преступность деяния, так как в своей сути оно носит общественно полезный характер.

В основном, деление крайней необходимости на некоторые виды является в значительной мере условным. В конкретной ситуации может образоваться совокупность признаков как личной, так и общей крайней необходимости. К примеру, лицо управляющее транспортным средством, выехавшее на встречную полосу, возникает ситуация не только для данного лица. но и для других участников дорожного движения. В приведенном примере следует согласно общим положениям о состоянии крайней необходимости [5].

Стало быть, нормы о крайней необходимости не могут распространяться на поступки, созданные человеком

с целью устранения опасности, которая была намеренно создана им для доказательства причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Третья ситуация соединена с нанесением ущерба человеку без его одобрения при выемке органов или тканей для пересадки с намерением спасения жизни и здоровья других лиц. В настоящем уголовном законодательстве это официально рассматривается как состояние крайней необходимости, что означает, что граждане не застрахованы от подневольного донорства органов или тканей. Не смотря на то что в теории права верно подмечается, что гражданин не может рассматриваться как объект правоотношений и его нельзя делить на части ради потребности других лиц, однако специфика уголовно-правовых отношений нуждается в уточнении этого положения. Признается верным закрепление в законе запрета причинения смерти или вреда здоровью человека в результате изъятия органов или тканей без его согласия с целью спасения жизни или здоровья других лиц [6].

Таким образом, включение в примечание к статье 39 УК РФ конкретных ситуаций, не отвечающих понятию крайней необходимости, позволяет более четко разграничить допустимые и недопустимые действия в рамках уголовного законодательства. Это способствует повышению ясности правовых норм, обеспечивая правильное применение закона и предотвращая неправомерное его расширение на ситуации, которые по своей сути не могут быть признаны оправданными состоянием крайней необходимости.

Подводя итог можно отметить, что крайняя необходимость выступает важнейшим институтом в системе права в целом и уголовного права в частности. Его применение имеет решающее значение в вопросах вины и степени общественной опасности деяния, ведь только так мы как юристы можем учесть принцип гуманизма и соразмерности вреда.

Дифференциация данного института позволяет наиболее полно регламентировать вопросы ответственности за деяния, совершенные в состоянии крайней необходимости, что направлено на справедливое осуществление правосудия.

Правоведы должны четко регламентировать подобные вопросы дабы обеспечить равновесие между общественной опасностью и правами индивида. Однако мнение о том, что институт крайней необходимости можно отрегулировать законодательными нормами раз и навсегда — ошибочно. Это сфера очень пластична и требует постоянного внимания законодателей в условиях постоянного развития общественной жизни в России.

Литература:

1. Ситникова А. И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // *Lex russica*. 2024. № 8. С. 48–61.
2. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. — М.: Норма, 1998. — С. 59, 23.

3. Нагорный А. П. Проблемы квалификации крайней необходимости в России // Ученые записки Крымского федерального университета. 2023. № 2. С. 55–60.
4. Драмарецкий Е. В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Научно-сфера. 2024. № 5. С. 62–66.
5. Кичатова А. А. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в системе уголовного права и законодательства // Право и правосудие в современном мире. 2024. С. 36–40.
6. Кондратьева М. А. К вопросу о крайней необходимости в российском законодательстве: условия правомерности // Вестник науки. 2024. № 1. С. 274–278.

Проблемы правового регулирования участия (членства) несовершеннолетних в деятельности потребительских кооперативов

Борисова Ирина Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский экономический институт

Проанализировано правовое регулирование участия (членства) несовершеннолетних в деятельности потребительских кооперативов. Обращено внимание на отдельные проблемы правового регулирования участия (членства) несовершеннолетних в деятельности потребительских кооперативов. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: потребительские кооперативы, участие несовершеннолетних.

Problems of legal regulation of participation (membership) minors in the activities of consumer cooperatives

Borisova Irina Olegovna, student master's degree

Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of law sciences, associate professor, head. department
Moscow Economic Institute

The legal regulation of the participation (membership) of minors in the activities of consumer cooperatives is analyzed. Attention is drawn to certain problems of legal regulation of the participation (membership) of minors in the activities of consumer cooperatives. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: consumer cooperatives, participation of minors.

Право на осуществление предпринимательской и иной незапрещенной законом деятельности является одним из основополагающих конституционных прав. Законом могут устанавливаться ограничения на осуществление предпринимательской деятельностью отдельных категорий граждан. Вместе с тем, в отношении несовершеннолетних императивных запретов на ведение предпринимательской деятельности в законодательстве не содержится. Несовершеннолетние в возрасте 14 лет могут самостоятельно участвовать в гражданском обороте, поскольку именно с этого возраста лицо становится деликтоспособным. Данная точка зрения находит подтверждение в законодательстве, поскольку Законом о регистрации установлена возможность несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 лет с согласия законных представителей регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей.

До настоящего времени остается неразрешенным вопрос, считается ли участие граждан в деятельности юри-

дических лиц формой осуществления предпринимательской или иной деятельности. Поскольку членство не во всех организационно-правовых формах юридических лиц направлено на получение прибыли.

Нередко правовое положение несовершеннолетних рассматривается в контексте их участия в деятельности юридических лиц, в нормативных правовых актах отсутствуют специальные условия, таким образом, применяются общие правила участия несовершеннолетних в гражданском обороте. За исключением участия несовершеннолетних в потребительских кооперативах, поскольку законом установлено, что такое участие возможно по достижению несовершеннолетним возраста 16 лет, следовательно, отсутствует необходимость получения разрешения от законных представителей.

Возможность участия несовершеннолетних в учреждении потребительских кооперативов предусматривается нормами Гражданского кодекса, а также иными

нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность отдельных видов потребительских обществ.

В доктрине вопрос об участии несовершеннолетних в потребительских кооперативах рассматривается поверхностно и сводится к цитированию законодательства. Лишь некоторые авторы дают расширенное толкование к своим выводам.

С. Н. Корнеев отмечает, что, «вступив в кооператив, несовершеннолетний приобретает все, в том числе имущественные, права и обязанности в этой организации и может самостоятельно их осуществлять» [1].

Позиция автора, на наш взгляд, является спорной, в действительности для приобретения членства несовершеннолетним в потребительском обществе нет необходимости в разрешении законных представителей. Однако возникает вопрос, как на самом деле лицо, не обладающее полной дееспособностью, может на практике реализовать субъективные права и юридические обязанности в полном объеме.

Другой автор отмечает, что в цивилистике участию несовершеннолетних в потребительских кооперативах отводится недостаточно внимание, в связи, с чем данные правоотношения считаются практически неизученными, пробельными [2, с. 55–57]. С данным выводом невозможно не согласиться, научной литературы по данной теме действительно недостаточно и практически вся она затрагивает данную проблему лишь в части.

Однако прежде чем затрагивать проблематику, стоит рассмотреть, как именно несовершеннолетние могут приобретать статус полноправного участника (пайщика) потребительского общества. В теории рассматриваются два возможных варианта. Первый связан, с институтом наследования, так если несовершеннолетний является наследником лица, являющегося членом потребительского кооператива, то после смерти наследодателя наследник получает право участия в нем, в результате универсального правопреемства. Вторым способом является непосредственное выражение воли лица, не достигшего совершеннолетия, направленной на получение статуса члена кооператива.

В качестве примера для исследования возьмем ситуацию, при которой несовершеннолетний пишет заявление о приеме в члены потребительского общества и вносит личные денежные средства в качестве взносов.

В отличие от производственного кооператива, участие в котором возможно не только посредством внесения имущественных взносов, но и осуществления трудовой деятельности, участие в потребительском кооперативе возможно только при внесении имущественных взносов. При этом не стоит забывать, что при неисполнении обязанностей, предусмотренных законодательством или Уставом потребительского кооператива, а именно при невнесении взносов, Правление потребительского кооператива имеет право исключить члена нарушающего положения закона и Устава. Таким образом, чтобы стать членом любого вида потребительского кооператива несо-

вершеннолетний должен не только внести вступительный взнос, членские, регулярные паевые, а также в случае необходимости дополнительные взносы. Из чего следует сделать вывод, что несовершеннолетнее лицо должно обладать постоянным «профицитным» доходом, так как в случае отсутствия у него возможности несения постоянных или дополнительных расходов, его могут исключить из общества с потерей денежных средств невозвратных сумм. Между тем возникает вопрос о наличии у несовершеннолетнего, не признанного полностью дееспособным, постоянного достаточного дохода. Вопрос о наличии денежных средств достаточных для покрытия всех необходимых расходов, не является единственным спорным моментом, связанным с реализацией лицами, не достигшими совершеннолетия права на участие в потребительском обществе.

Стоит также отметить, что защита интересов несовершеннолетнего является обязанностью его законных представителей. А значит в случае нарушения прав такого субъекта действиями Председателя, Правления и Общего собрания участников потребительского общества, содействовать в реализации права на защиту, в том числе судебную ему будут именно законные представители. Равным образом, как и в случае причинения вреда несовершеннолетним имуществу кооператива, имущественную ответственность нести, в случае отсутствия у него денежных средств будут лица, на которых государство возлагает обязанность воспитания.

Еще одним аспектом, на который следует обратить внимание при рассмотрении данных правоотношений, является тот факт, что отдельные виды потребительских кооперативов в целях удовлетворения потребностей своих участников, заключают дополнительные виды соглашений, которые в свою очередь не могут совершаться лицами в возрасте от 16 до 18 лет. К примеру, участники кредитных потребительских кооперативов, согласно Федеральному закону «О кредитной кооперации» от 18.07.2009 N 190-ФЗ имеют право получать займы на условиях, предусмотренных положением о порядке предоставления займов членам кредитного кооператива (пайщикам), утвержденным общим собранием членов кредитного кооператива. Однако, нормами гражданского законодательства несовершеннолетними фактически невозможно совершение крупных сделок, в том числе договора займа, то есть кредитный кооператив не может выдать таким лицам заем, если только оно не является полностью дееспособным, к примеру, эмансипированным.

Таким образом, законодатель предусматривает теоретическую возможность участия несовершеннолетнего в потребительском кооперативе, однако в действительности возникает ряд вопросов фактической возможности самостоятельного несения и осуществления несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет полного объема прав и обязанностей, возникающих в ходе членствования, без получения таким лицом полной дееспособности.

Литература:

1. Гражданское право: Учебник: В 2 т./Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т.1.-М.:Статут, 2021. 1208 с.
2. Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях/Тарасова А. Е.- М.: ВолтерсКлувер, 2018.- С. 55–57.

Механизмы защиты прав кредиторов при добровольной ликвидации юридического лица: пробелы законодательства и пути их устранения

Будаев Эдуард Эрикович, аспирант

Научный руководитель: Галазова Залина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются кредиторы при добровольной ликвидации хозяйственных обществ. Рассматриваются основные схемы злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, направленные на уклонение от погашения задолженности. Оценивается эффективность существующих правовых механизмов защиты, таких как оспаривание решений о ликвидации и привлечение к субсидиарной ответственности. Автор выявляет пробелы в законодательстве и предлагает конкретные меры по совершенствованию правового регулирования для обеспечения реальной защиты прав и законных интересов кредиторов.

Ключевые слова: ликвидация юридического лица, защита прав кредиторов, добровольная ликвидация, недобросовестный должник, вывод активов, субсидиарная ответственность, исключение из ЕГРЮЛ, злоупотребление правом.

Введение. Институт прекращения деятельности юридических лиц является неотъемлемым элементом экономического оборота. Однако в условиях экономической нестабильности процедура добровольной ликвидации все чаще используется не по прямому назначению, а в качестве инструмента для уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Правоприменительная практика свидетельствует, что предусмотренные законодателем гарантии защиты кредиторов зачастую носят декларативный характер и легко преодолеваются посредством формального соблюдения процедурных требований при фактическом сокрытии активов. Возникает коллизия между необходимостью упрощения процедур выхода из бизнеса и потребностью в создании эффективных барьеров для злоупотреблений.

Проблема заключается в том, что действующая модель добровольной ликвидации, регламентированная статьями 61–64.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), оказывается уязвимой перед продуманными действиями контролирующих должника лиц. Угроза для кредиторов исходит не столько из нарушения самой процедуры, сколько из действий, ей предшествующих (вывод активов) или параллельных (составление фиктивного баланса). Целью настоящей статьи является разработка предложений по совершенствованию гражданского законодательства, направленных на повышение уровня правовой защищенности кредиторов.

Институт прекращения деятельности юридических лиц является неотъемлемым элементом экономического

оборота. Однако в условиях экономической нестабильности процедура добровольной ликвидации все чаще используется не по прямому назначению, а в качестве инструмента для уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Правоприменительная практика свидетельствует, что предусмотренные законодателем гарантии защиты кредиторов зачастую носят декларативный характер и легко преодолеваются посредством формального соблюдения процедурных требований при фактическом сокрытии активов. Возникает коллизия между необходимостью упрощения процедур выхода из бизнеса и потребностью в создании эффективных барьеров для злоупотреблений.

Проблема заключается в том, что действующая модель добровольной ликвидации, регламентированная статьями 61–64.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), оказывается уязвимой перед продуманными действиями контролирующих должника лиц. Угроза для кредиторов исходит не столько из нарушения самой процедуры, сколько из действий, ей предшествующих (вывод активов) или параллельных (составление фиктивного баланса). Целью настоящей статьи является разработка предложений по совершенствованию гражданского законодательства, направленных на повышение уровня правовой защищенности кредиторов.

В своем доктринальном осмыслении институт добровольной ликвидации представляет собой ординарный механизм прекращения деятельности субъекта права. Законодатель, конструируя данную процедуру, исходил из

необходимости обеспечения баланса интересов ликвидируемого общества и его контрагентов, для чего был сформирован комплекс императивных предписаний.

Нормативная конструкция выстроена как последовательность взаимосвязанных этапов. Ключевым актом является обязанность ликвидационной комиссии опубликовать в «Вестнике государственной регистрации» сведения о принятом решении, что запускает течение минимального двухмесячного срока для заявления кредиторами своих требований [1, ст. 63, п. 1]. Параллельно закон возлагает на комиссию обязанность по персональному письменному уведомлению известных ей кредиторов. Центральным элементом, аккумулирующим информацию об имущественном состоянии должника, является промежуточный ликвидационный баланс. Если по его результатам выявляется недостаточность имущества для расчетов с кредиторами, на ликвидатора возлагается безусловная обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве [1, ст. 63, п. 4], что переводит защиту прав кредиторов в плоскость специального законодательства.

Несмотря на кажущуюся стройность, на практике описанная модель демонстрирует крайнюю уязвимость. Происходит системная девальвация гарантий, превращающая их в формальные ритуалы. Эффективность публичного оповещения крайне низка. Обязанность по персональному уведомлению легко обходится через субъективную формулировку «известных ему [ликвидатору] кредиторов». Недобросовестный ликвидатор, зачастую являющийся аффилированным лицом, может заявить об отсутствии сведений о кредиторе, перекладывая бремя доказывания обратного на слабую сторону.

Ключевая уязвимость системы кроется в фигуре самого ликвидатора. Назначаемый участниками общества, он порождает неустрашимый конфликт интересов: будучи по закону обязанным действовать в интересах кредиторов, де-факто он действует в интересах должника. Следствием этого становится превращение промежуточного ликвидационного баланса из объективного документа в инструмент манипуляции. Представление на утверждение «нулевого» баланса является кульминацией процесса по уклонению от долгов, при которой внешне процедура выглядит безупречно, но ее экономическое содержание полностью выхолощено.

Одной из наиболее распространенных стратегий является провоцирование собственного принудительного исключения из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ). Данный механизм, регламентированный статьей 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», был адаптирован для «тихой» ликвидации. Механизм злоупотребления заключается в умышленном прекращении сдачи отчетности и операций по счетам. По истечении двенадцати месяцев регистрирующий орган инициирует процедуру исключения, не предполагающую ни создания ликвидационной комиссии, ни выявления кредиторов. Правовая фикция

прекращения юридического лица (п. 2 ст. 64.2 ГК РФ) оставляет кредитора с нереализуемым требованием.

Классической стратегией является целенаправленное отчуждение ликвидного имущества на этапе, предшествующем ликвидации. Арсенал сделок широк: от продажи активов аффилированным структурам по заниженной стоимости до прощения дебиторской задолженности. Логическим завершением становится утверждение фиктивного «нулевого» баланса. Судебное оспаривание таких сделок для кредитора представляет собой чрезвычайно сложную задачу [см. 4, 7].

В ситуации, когда имущество у должника отсутствует, единственной возможностью является привлечение контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности. Однако на практике этот институт часто оказывается иллюзорной гарантией. Основная проблема заключается в крайне высоком бремени доказывания. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 53, кредитор должен доказать всю совокупность фактов: статус КДЛ, неразумность его действий и прямую причинно-следственную связь между этими действиями и невозможностью погашения требований. Для внешнего кредитора, не имеющего доступа к документации, доказывание этих обстоятельств превращается в практически невыполнимую задачу.

Критический анализ практики диктует необходимость перехода к формулированию предложений по реформированию законодательства. Дальнейшее развитие регулирования должно идти по пути создания превентивных барьеров.

Первоочередной задачей является реформирование процедуры административного исключения из ЕГРЮЛ. Следует закрепить обязанность регистрирующего органа публиковать сведения на Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (Федресурс). Параллельно необходимо создать «процессуальный мост» к банкротству: подача кредитором мотивированного возражения должна влечь за собой автоматический суспензивный эффект, то есть приостанавливать процедуру.

Следующим направлением должно стать нивелирование конфликта интересов, присущего фигуре ликвидатора. Целесообразно имплементировать механизм назначения независимого ликвидатора по ходатайству кредиторов. В дополнение следует наделить кредиторов правом требовать проведения обязательной аудиторской верификации промежуточного ликвидационного баланса.

Наконец, наиболее существенной модернизации требует институт субсидиарной ответственности. Кардинальным решением видится введение в законодательство системы опровержимых презумпций вины КДЛ. Суть подхода в том, что при доказанности истцом-кредитором факта совершения КДЛ одного из действий, объективно свидетельствующих о недобросовестности (в духе разъяснений, данных в Постановлении Пленума ВС РФ № 25), бремя доказывания своей добросовестности должно перекладываться на ответчика.

Заключение. Действующее правовое регулирование добровольной ликвидации не в полной мере отвечает вызовам современной практики. Наличие законодательных пробелов и формальный характер процедур создают почву для злоупотреблений, оставляя кредиторов без эффективных инструментов защиты. Предложенные меры, включающие реформирование процедуры исключения из

ЕГРЮЛ, введение института независимого ликвидатора и установление опровержимых презумпций вины КДЛ, направлены на создание более справедливого баланса интересов. Их реализация позволит повысить ответственность контролирующих лиц, усложнит применение схем по выводу активов и будет способствовать общему оздоровлению делового оборота в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора

Бурмакин Дмитрий Валентинович, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассмотрено одно из оснований преддоговорной ответственности — внезапное и неоправданное прекращение переговоров при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Анализируются критерии добросовестности, закрепленные в законодательстве, доктрине и судебной практике, а также сопоставляются субъективный и объективный подходы к ее оценке. Особое внимание уделено трем элементам, необходимым для привлечения к преддоговорной ответственности: внезапности, неоправданности прекращения переговоров и наличию обстоятельств, порождающих у другой стороны обоснованные ожидания заключения договора. На основе судебной практики и доктрины раскрываются подходы к оценке каждого из элементов.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, переговоры, прекращение переговоров, добросовестность ведения переговоров.

Переговоры представляют собой неотъемлемую часть процесса заключения договора, на стадии которых стороны согласовывают ключевые условия будущего соглашения. Включение соответствующих норм в Гражданский кодекс Российской Федерации подтверждает их правовое значение. Однако свобода ведения переговоров имеет пределы, за которыми наступает преддоговорная ответственность, в случае если одна из сторон действует недобросовестно, в частности, внезапно и неоправданно прекращает переговоры, создав у другой стороны обоснованные ожидания заключения договора.

Переговоры рассматриваются как стадия заключения договора, об этом свидетельствует включение нормы о переговорах в раздел 28 ГК РФ, в ходе переговоров стороны согласовывают условия будущего соглашения. Однако

в силу различных обстоятельств переговоры могут быть прерваны. В случае, если прекращение переговоров носит недобросовестный характер, наступает преддоговорная ответственность.

Законодательство, доктрина и судебная практика выделяют критерии, позволяющие определить наличие недобросовестности в действиях стороны, прервавшей переговорный процесс. Российский законодатель, формируя нормы о преддоговорной ответственности, опирается на принципы гражданского права: свобода договора, свобода переговоров и добросовестность. Участники переговоров как свободные субъекты самостоятельны в принятии решений о расходах, связанных с ведением переговоров. Более того, сам факт незаключения договора не влечет ответственности — стороны не обязаны достигать со-

глашения любой ценой. Однако свобода переговоров не безгранична. Закон устанавливает рамки, за пределами которых поведение участников переговоров может быть признано недобросовестным.

Обращаясь к концепции добросовестности, И. Б. Новицкий [3] выделял два ее аспекта. В одном случае добросовестность имеет объективный характер и выступает в роли внешнего критерия, используемого судом или законом при оценке поведения участников гражданского оборота. В другом — рассматривается как субъективное внутреннее состояние, связанное с осознанием или неведением определенных обстоятельств, что, в свою очередь, может повлиять на юридические последствия.

Применяя эту теоретическую основу к преддоговорной стадии, можно прийти к выводу, что субъективный подход позволяет считать недобросовестными лишь те случаи, когда изначально отсутствовало намерение заключать договор. Однако при объективном толковании добросовестности возможно признание недобросовестным и прекращение переговоров, если намерение было утрачено в процессе, несмотря на его наличие на начальном этапе. При оценке ответственности за прекращение переговоров предпочтение должно отдаваться именно объективному подходу. Подход, учитывающий «внешнюю оценку» поведения (а не скрытые мотивы), обеспечивает равную правовую защиту контрагентов. Объективный критерий позволяет сохранять свободу сторон договариваться (и разрывать переговоры), но предотвращает злоупотребления этой свободой. Объективная оценка позволяет учесть, понёс ли контрагент реальные затраты и имел ли он надёжные основания надеяться на сделку. В соответствии со ст. 15 ГК и постановлением Пленума ВС [11], «потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом». Именно объективные обстоятельства (затраты на подготовку, упущенная выгода) определяют размер компенсации. Субъективные мотивы ушедшего контрагента при этом не играют роли: важны последствия его действий.

Такой взгляд преобладает в ряде европейских правовых систем, где он используется при рассмотрении споров, связанных с возмещением убытков, понесенных на стадии переговоров. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами отдельных положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что при определении добросовестности либо недобросовестности поведения сторон необходимо ориентироваться на поведение, которого можно было бы ожидать от любого добросовестного участника гражданских правоотношений. Формулировка, использованная в постановлении — «поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота» [4], указывает на применение именно объективного подхода к оценке добросовестности.

Преддоговорная ответственность была закреплена в российском праве в 2015 году с введением статьи 434.1

Гражданского кодекса Российской Федерации. В абзаце 2 п. 2 ст. 431.1 ГК РФ перечисляются, какие действия участников переговоров считаются недобросовестными. Указанный перечень является исчерпывающим: «Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать» [5].

Исходя из легальной дефиниции, для привлечения к преддоговорной ответственности необходимо установить наличие трех элементов: внезапное и неоправданное прекращение переговоров и при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Рассмотрим элементы, выделенные законодателем.

Некоторые авторы полагают, что элементов условий два, поскольку «неоправданность соответствует такому критерию, как отсутствие разумных причин прекращения переговоров. Наличие обстоятельств, при которых контрагент не мог разумно ожидать прекращения переговоров, равнозначно уверенности в заключении договора» [6]. Неоправданность прекращения переговоров наступает, если участник не обосновал свои действия. Уверенность в заключении договора и отсутствие ожидания прекращения переговоров — разные состояния: участник может не ожидать прекращения, но ещё не быть уверенным в заключении сделки. Уверенность формируется благодаря осмысленным действиям контрагента. Даже при согласовании всех условий уверенность может отсутствовать, поэтому важно учитывать все три элемента.

Первый элемент — внезапность. Нормативное определение внезапности в законе отсутствует. Первоначальная редакция ст. 434.1 ГК РФ содержала другую формулировку: «внезапное и безосновательное прекращение переговоров о заключении договора без предварительного уведомления стороны». Однако редакция не была принята, поскольку это бы означало, что простое уведомление даже при иных обстоятельствах, свидетельствующих о проявлении явного недобросовестного поведения, могли бы освободить от ответственности. Согласно классическому пониманию, внезапность — это «неожиданность, непредвиденность (поступка, события и т. п.)» [7]. О. В. Мазур [8] полагает, что внезапное прекращение может иметь место без неблагоприятных последствий для стороны, прервавшей переговоры в случае, если это произошло на ранней стадии переговоров при указании основания такого поведения. Также автор делает выводы, вытекающие из первого тезиса, что если прерывание переговоров происходит на поздней стадии, то не каждое основание для их прекращения может быть надлежащим.

М. Н. Малеина под внезапностью прекращения переговоров понимает «отсутствие предупреждения о прекращении переговоров» [9, с. 42]. То есть при прекращении переговоров без предупреждения, без явных разумных на то причин, внезапность явствует. Однако возможны ситуации, когда контрагент резко прекращает коммуницировать и участвовать в обсуждении условий сделки без предупреждения, данные действия также подходят под элемент «внезапности».

В Определении СКЭС ВС РФ от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 указано, что «в силу принципа свободы договора по общему правилу стороны самостоятельно несут риск того, что переговоры не завершатся заключением договора, то есть ни одна из сторон не вправе требовать от другой стороны возмещения понесенных в процессе переговоров расходов в случае их безрезультатности» [10]. В Постановлении Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 отмечается: «само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны» [11]. То есть сам факт прекращения переговоров без объяснения причин не является доказательством недобросовестности.

Некоторые исследователи, например, А. Г. Карапетов [12; с. 916], связывают внезапность прекращения переговоров с их стадией: чем позже сторона выходит из переговоров, тем более внезапным и недобросовестным это считается. В частности, недобросовестным признается прекращение переговоров на поздней стадии, когда основные условия уже согласованы и осталось лишь уточнить второстепенные детали. Такой подход основан на идее, что на поздних этапах переговоров у контрагента формируются обоснованные ожидания заключения договора, и внезапное прекращение переговоров в такой ситуации может причинить ему значительные убытки.

Однако в судебной практике закреплена иная позиция, гражданское законодательство не ограничивает преддоговорную ответственность только этапом переговоров [10]. Завершение переговоров на позднем этапе само по себе не влечет автоматической ответственности, также, как и полное согласование всех условий договора не всегда является обязательным критерием для ее наступления. Суды указывают, что при определении внезапности нужно ориентироваться не на длительность переговоров, а на его прогресс. Чем дальше зашли переговоры, тем уважительней должна быть причина выхода [13]. Однако на практике причины выхода анализируются редко.

Таким образом, внезапность это один из элементов основания ответственности за прекращение переговоров. Преобладающая позиция определяет внезапность как отсутствие своевременного предупреждения о прекращении переговоров, то есть уведомления, сделанного в разумный срок, однако, прекращение переговоров без указания причины не может свидетельствовать о недобросовестности стороны, поскольку, как следует из ГК РФ и позиции ВС РФ, стороны имеют право отказаться от переговоров без всякой мотивации своего поступка, по-

этому внезапность — это лишь один из элементов основания, который может наличествовать в данном составе, а может и отсутствовать. Для принятия решения о наличии основания ответственности, необходим анализ всех элементов.

Следующий элемент — неоправданный отказ от прекращения переговоров. П. Д. Чистяков указывает, «неоправданность соответствует такому критерию, как отсутствие разумных причин прекращения переговоров» [6, с. 92]. Н. С. Малеина предлагает подход, согласно которому «неоправданное прекращение представляется в такой ситуации, когда между сторонами не было существенных разногласий, обязанности сторон на предшествовавшем этапе переговоров исполнены, назначены даты начала следующего этапа переговоров или подписания основного договора и одновременно отсутствовали уважительные причины срыва переговоров» [9, с. 42].

Верховный Суд РФ данный элемент оценивает, как немотивированный выход из переговоров. «Представляется, что мотивированность и оправданность выступают различными категориями. Не все что имеет мотив оправдано. В Гражданском кодексе РФ зафиксирована именно неоправданность, когда отсутствуют добросовестные причины не продолжать переговоры. Об этом сторона переговоров должна сообщить другому участнику, чтобы у него не возникло оснований для разумных ожиданий или предположений о недобросовестном поведении партнера. С точки зрения закона недостаточно какой-то причины для прекращения переговоров, она должна иметь весомое значение (экономическое, например)» [14, с. 98].

Отсутствие уважительных причин для выхода из переговорного процесса — прекращение переговоров может быть признано добросовестным, если имеются объективные основания для отказа от сделки (например, ухудшение финансового положения компании, изменение рыночных условий, выявленные риски по сделке и т. д.). Судебная практика показывает, что оценка уважительности причин может вызывать сложности: в деле № А40-197890/2019 [15] Арбитражный суд г. Москвы рассматривал ситуацию, в которой компания отказалась от заключения договора, сославшись на изменение стратегии бизнеса. Суд признал этот аргумент недостаточным и указал, что контрагент мог обоснованно рассчитывать на подписание договора.

«В деле «Декорт против Ашан» [16] суд допустил, что отказ учредителей в одобрении сделки может служить уважительной причиной для прекращения переговоров, если контрагент знал или должен был знать о необходимости такого одобрения. Аналогичной причиной прекратить переговоры может служить отказ третьего лица в обязательном одобрении сделки. В деле Ашана ответчик, знавший о фактическом одобрении сделки банком, не мог ссылаться на отсутствие надлежаще оформленного одобрения как на уважительную причину выхода» [17]. Таким образом, даже не оформленный документально, но

имевший место фактический отказ в одобрении сделки признается достаточным основанием для прекращения переговоров, в том числе на завершающей стадии.

К числу уважительных причин также относятся новые, появившиеся в ходе обсуждения обстоятельства, значительно затрудняющие исполнение предполагаемого договора. Например, в деле № А56–87432/2020 [18] суд признал уважительной причиной прекращения переговоров внезапное изменение валютного курса, которое сделало сделку экономически нецелесообразной. Суд указал, что в данном случае отказ от переговоров соответствовал принципу добросовестности.

Таким образом, уважительными причинами для выхода из переговоров являются:

1. возникновение неподконтрольных обстоятельств, делающих заключение договора на согласованных условиях невозможным;
2. обнаружение новых фактов, существенно увеличивающих риски, затраты или обязательства стороны.

Третий элемент — прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Для защиты своих интересов сторона, получившая отказ, должна доказать обоснованность своих ожиданий заключения договора.

Подтверждающими факторами могут служить: существенное продвижение в переговорах (например, согласование ключевых условий); прямые заверения контрагента о готовности заключить сделку; фактические действия по подготовке к исполнению договора (например, резервирование средств, начало работ).

Эта уверенность может возникнуть вследствие:

1. продолжительных переговоров с обсуждением ключевых условий сделки;
2. предоставления письменных или устных заверений другой стороны о готовности к заключению договора;
3. фактических действий по подготовке к исполнению договора (например, аренда помещений, закупка материалов, изменение штатного расписания и т. д.) [6, с. 87].

Как указывает А. Г. Карапетов, «вышедшая из переговоров сторона ранее на той или иной стадии переговоров своими прямыми заявлениями или конклюдентным поведением либо а) уверила другую сторону в предельной серьезности своих намерений и готовности прилагать все усилия к нахождению компромисса, либо б) в случае, когда текст договора уже в целом согласован и откладывается лишь окончательное сделочное волеизъявление, уверяла партнера в том, что ранее согласованный проект договора будет обязательно ею подписан» [12, с. 918]. А. Г. Карапетов подчеркивает, что разумная уверенность в заключении договора возникает при прямых заверениях одной стороны о неизбежности сделки. Они формируют у контрагента обоснованные ожидания и могут повлиять на выбор партнера для переговоров, поскольку создают доверие к исходу переговорного процесса.

Заверения могут быть как прямыми, так и косвенными. Например, в процессе переговоров о долгосрочной аренде помещения, когда стороны уже согласовали коммерческие условия и обсуждают лишь юридические аспекты (например, штрафные санкции или условия расторжения договора), арендатор, исходя из высокой вероятности заключения сделки, может попросить арендодателя не рассматривать предложения от третьих лиц и начать подготовку к перепланировке. Если арендодатель соглашается, но затем арендатор неожиданно прекращает переговоры без уважительных причин, такое поведение может быть расценено как противоречащее созданным им же ожиданиям. Даже при отсутствии прямого обещания заключить сделку, подобные действия формируют разумное предположение, что сторона не прекратит переговоры без серьезных оснований.

Также разумные ожидания исполнения договоренностей могут проявляться в том, что «контрагент сообщает партнеру по итогам длительных согласований проекта договора о том, что он наконец готов подписать договор, и назначает дату и место подписания, и последний в расчете на это покупает билеты и прилетает в отдаленный регион для проставления подписей на договоре, но в последний момент узнает о том, что контрагент неожиданно передумал, можно говорить о наличии оснований для применения данной нормы» [12, с. 1006–1007], если при этом, отсутствуют уважительные причины для выхода из переговоров.

Разумная уверенность может возникать в результате одобрения действий по подготовке к исполнению или исполнению будущего договора. Рассмотрим дело № А07–23998/2020 [19], где суд признал недобросовестным поведение заказчика, который в течение 3,5 месяцев не сообщал об отказе от закупки, создавая у поставщика разумные ожидания исполнения договоренностей. Суд указал, что неоправданность прекращения переговоров выразилась в отсутствии своевременного уведомления об отказе, что привело к убыткам истца.

В деле № А41–90214/2016 [20] Арбитражный суд Московской области рассмотрел ситуацию, в которой истец понес расходы на подготовку к сделке (расторг договор с арендаторами, подготовил склад), однако ответчик в последний момент отказался подписывать договор. Суд признал такое поведение недобросовестным и обязал ответчика возместить убытки. В приведенных примерах раскрывается еще один случай, когда возникает разумная уверенность, в случае если есть одобрение действий по подготовке к исполнению или к исполнению договора. Стороны могут согласовать начало подготовки или частичного исполнения до заключения договора, особенно в сделках, требующих длительной организации. Обычно такие действия осуществляются на свой риск и не гарантируют заключение договора. Однако при согласовании этих мер с контрагентом у стороны возникают законные основания ожидать подписания соглашения.

Разумная уверенность может возникать в случае значительного продвижения в переговорах. Д. Е. Богданов [21],

анализируя судебную практику Нидерландов, приводит пример дела *Plaz v. Valburg* (1982), в котором суд *Hoge Raad* выделил три стадии преддоговорных отношений:

Первая стадия: стороны сохраняют полную свободу действий и могут прекратить переговоры без каких-либо имущественных последствий.

Вторая стадия: стороны все ещё вправе отказаться от переговоров, но в случае их прекращения должны возместить контрагенту затраты, понесённые в процессе переговоров (*reliance damages*).

Третья стадия: если одна из сторон достигла такой степени уверенности в будущем соглашении, что ее отказ от переговоров воспринимается как недобросовестный, возникает обязанность возместить ущерб, связанный с утраченными выгодами от несостоявшегося договора (*expectation damages*), в том числе в виде упущенной выгоды (*performance interest*).

При этом в более позднем решении *De Ruiters v. Ruiters* (1996) суд *Hoge Raad* несколько смягчил этот подход, указав, что при наличии веских причин даже на третьем этапе переговоров прекращение соглашения может не влечь преддоговорной ответственности. В Германии действует схожий подход, чем ближе заключение договора, тем больше вероятность привлечения к преддоговорной ответственности [22, с. 61]. Однако данный подход не применим к правопорядку РФ, стадии переговоров в российском законодательстве не выделяются, поскольку в принципе не закреплено содержание переговоров. При вступлении в процесс переговоров ни одна из сторон не обязана инициировать направление оферты другой стороне. Переговоры рассматриваются вне процесса заключения договора. Некоторые исследователи указывают, что

«переговоры не имеют юридического значения и не обязывают вступивших в них» [1, с. 194]. В 2015 году, когда законодатель установил общую модель добросовестного поведения при проведении переговоров, было обозначено, что участники переговоров «не отвечают за то, что соглашение не достигнуто» (п. 1 ст. 434.1 ГК РФ), то есть законодательно подтверждается тезис Г. Ф. Шершеневича, о том, что «проведение переговоров о заключении договора юридически безразлично относительно того, будет или нет в итоге заключён договор» [2, с. 42]. Закрепление понятия «переговоры о заключении договора» без установления содержания привело к тому, что существо переговоров осталось открытым вопросом. Поскольку проведение переговоров сводилось к фактическим действиям без поражения правовых последствий. Кроме того, разумные ожидания могут возникнуть ранее стадии подписания договора, поэтому при анализе данного элемента, необходимо учитывать вовлеченность и динамику переговорного процесса. Ответственности просто в силу факта выхода из переговоров на поздней их стадии быть не должно, иначе это будет грубым попираем принципа автономии воли.

Таким образом, практика применения и теоретические подходы противоречивы. Закон, формулируя норму, в конструкции основания ответственности указывает три элемента: внезапность, неоправданность и разумную уверенность. Однако на практике некоторые элементы не анализируются судами, внезапность и неоправданность смешиваются, некоторые теоретики указывают, что в данном основании необходимо выделять два элемента, где основным элементом является разумная уверенность. Законодательно необходимо определить содержание всех элементов основания.

Литература:

1. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — 6-е изд. — СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1907. — 815 с.
2. Соломин, С. К. Переговоры о заключении договора / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2023. — Т. 20. — № 3. — С. 41–50.
3. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права, № 1.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами отдельных положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст.3301 (с послед. изм.).
6. Чистяков, П. Д. Выход из переговоров как основание преддоговорной ответственности в российском и зарубежном праве / П. Д. Чистяков. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 11. — С. 83–98.
7. Даль, В. И. Толковый словарь великого русского языка / В. И. Даль. — в 4 т.: Т. 1.: А–З. М., РИПОЛ классик, 2006.
8. Мазур, О. В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения / О. В. Мазур. — Текст: непосредственный // Закон. — 2012. — № 5. — С. 197–205.
9. Малеина, М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) / М. Н. Малеина. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2016. — № 10. — С. 36–46.
10. Определении СКЭС ВС РФ от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19–19395 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
12. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — 1425 с.
13. Постановление АС УО от 20.01.2020 по делу № А47–88/2019 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
14. Долгополов, М. Н. Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора в российском частном праве / М. Н. Долгополов. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2022. — № 8. — С. 97–102.
15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11 ноября 2019 г. по делу № А40–197890/2019 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
16. Определение Верховного Суда РФ от 22.05.2018 N 305-ЭС18–1723 по делу № А41–90214/2016 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
17. Лащ, А. С. Недобросовестное прекращение переговоров. Признаки, уважительные причины прекращения и защита слабой стороны / А. С. Лащ — URL: <https://femida-science.ru/home/publikatsii-molodykh-uchenykh/item/296-nedobrosovestnoe-prekrashchenie-peregovorov-priznaki-uvazhitelnye-prichiny-prekrashcheniya-i-zashchita-slaboj-storony?tmpl=component&print=1>
18. Постановление Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56–87432/2020 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
19. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2021 г. № 18АП-10863/21 по делу № А07–23998/2020 // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
20. Решение Арбитражного суда Московской области от 4 апреля 2016 г. по делу № А41–90214/2016// КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
21. Богданов, Д. Е. Справедливость как основное начало определения размера преддоговорной ответственности / Д. Е. Богданов. — Текст: непосредственный // Адвокат. — 2014. — № 4. // КонсультантПлюс: справочная правовая система — URL: <http://www.consultant.ru>
22. Гнищевич, К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: culpa in contrahendo: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гнищевич Константин Викторович; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2009. — 209 с. — Текст: непосредственный.

Особенности сделок с предпочтением в банкротстве

Ворона Денис Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский экономический институт

Проанализированы виды сделок с предпочтением в банкротстве и определение их критериев. Обращено внимание на отдельные проблемы сделок с предпочтением в банкротстве и определение их критериев. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: сделки в банкротстве, сделки с предпочтением, критерии сделок с предпочтением.

Features of preferred bankruptcy transactions

Vorona Denis Vasilyevich, student master's degree

Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of law sciences, associate professor, head. department
Moscow Economic Institute

The types of bankruptcy preference transactions and the definition of their criteria are analyzed.. Attention is drawn to the individual problems of bankruptcy preference transactions and the definition of their criteria.. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: bankruptcy transactions, preference transactions, criteria for preferred transactions.

Определение понятия сделки с предпочтением установлено в ч. 1 ст. 61.3 1. Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которой «сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований», кроме того указаны условия, признания данной сделки действительной, по которым сделка:

1. «направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки;
2. привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки;
3. привела или может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил, одних кредиторов при наличии не исполненных в установленный срок обязательств перед другими кредиторами;
4. привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве)». [1]

В соответствии с ч. 2 настоящей статьи «сделка, указанная в пункте 1 настоящей статьи, может быть признана арбитражным судом недействительной, если она совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом».

Согласно ч. 3 указанной статьи «сделка, указанная в пункте 1 настоящей статьи и совершенная должником в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, может быть признана арбитражным судом недействительной, если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 настоящей статьи, или если установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества. Предполагается, что заинтересованное лицо знало о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества, если не доказано обратное».

Представляется необходимым обратиться к позициям правовой доктрины.

Д. А. Рыков, раскрывая структуру положений Закона о банкротстве, касающихся сделок с предпочтением, утверждает, что «положения Закона о банкротстве в части признания недействительными подозрительных сделок должника сформулированы законодателем с учетом двух подходов: — объективного и субъективного. Аналогичная конструкция использована при изложении оснований для оспаривания сделок должника по основанию предпочтительного удовлетворения. Принципы объективной теории сформулированы в п. 2 ст. 61.3, а принципы субъективной теории — в п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Так, в соответствии с объективной теорией (п. 2. ст. 61.3 Закона о банкротстве) сделка, указанная в пункте настоящей статьи, может быть признана арбитражным судом недействительной, если она совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Если же исходить из субъективной теории (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве), то сделка, указанная в пункте 1 настоящей статьи и совершенная должником в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, может быть признана арбитражным судом недействительной, если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 настоящей статьи, или если установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества. Из текста Закона о банкротстве следует, что во втором случае появляется уже знакомый нам субъективный критерий, а именно, осведомленность о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, свидетельствующих о таких признаках. Таким образом, для признания недействительной сделки, совершенной должником в отношении отдельного кредитора после принятия заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до его принятия, необходимо доказать только обстоятельства, указанные в п. 1. ст. 63.1 Закона о банкротстве, при этом для установления предпочтения достаточно хотя бы одного из этих обстоятельств. Пункт 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве содержит четыре самостоятельные правовые нормы, раскрываемые в абзацах втором — пятом. При этом очевидно, что в зависимости от оснований заявленных требований различается и круг обстоятельств, подлежащих установлению судом и доказыванию сторонами (предмет доказывания) в целях принятия правильного решения (ст. 65 АПК РФ). Таким образом, для признания сделки недей-

ствительной в соответствии с п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве необходима ссылка на одно из условий (конкретный абзац), каждому из которых будет соответствовать свой предмет доказывания» [2, с. 83–84].

Указанная позиция была также поддержана В. П. Быковым, который утверждал, что «заявление финансового управляющего о признании сделки, совершенной индивидуальным предпринимателем, подлежит удовлетворению, если заявитель доказал, а арбитражный суд установил наличие хотя бы одного из условий, приведенных в абз. 2–5 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве» [3].

Что касается положений правоприменительной практики, пунктом 29.3. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» было указано, что при оспаривании сделок с предпочтением по удовлетворению требования, обеспеченного залогом имущества должника, необходимо учитывать, что «такая сделка может быть признана недействительной на основании абзаца пятого пункта 1 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, лишь если залогодержателю было либо должно было быть известно не только о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества заемщика, но и о том, что вследствие этой сделки залогодержатель получил удовлетворение большее, чем он получил бы при банкротстве по правилам статьи 138 Закона о банкротстве, а именно хотя бы об одном из следующих условий, указывающих на наличие признаков предпочтительности: а) после совершения оспариваемой сделки у должника не останется имущества, достаточного для полного погашения имеющихся у него обязательств, относящихся при банкротстве к первой и второй очереди, и (или) для финансирования процедуры банкротства за счет текущих платежей, указанных в статье 138 Закона о банкротстве; б) оспариваемой сделкой прекращено, в том числе обеспеченное залогом обязательство по уплате неустоек или иных финансовых санкций, и после совершения оспариваемой сделки у должника не останется имущества, достаточного для полного погашения имеющихся у должника обя-

зательств перед другими кредиторами в части основного долга и причитающихся процентов» [4].

В Постановлении от 27.09.2021 по делу № А52–492/2018 Арбитражный суд Северо-Западного округа, установив, что «ФНС России обратилась в суд с заявлением о признании ... сделок недействительными на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, поскольку на момент совершения зачетов у должника имелись неисполненные обязательства перед иными кредиторами, срок исполнения которых наступил до совершения оспариваемой сделки; кредитор получил удовлетворение своих требований за счет должника во внеочередном порядке вне рамок дела о банкротстве», пришел к выводу о том, что «наличие в открытом доступе сведений о возбужденных исполнительных производствах по взысканию налогов и сборов, а также страховых взносов, доказывает осведомленность ... о наличии ... признаков неплатежеспособности» [5].

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 18.03.2021 № 308-ЭС20–20893 по делу № А32–41264/2017 указал, что при оспаривании сделок с предпочтением, «совершенных третьим лицом в пользу контрагента должника, необходимо проверить, принадлежало ли переданное по сделке имущество должнику либо подлежало ли это имущество предварительной передаче должнику» [6].

Таким образом, можно сказать, что сделки с предпочтением представляют собой сделку влекущую за собой приоритетное удовлетворение требований (или обогащение) конкретного кредитора в ущерб имущественным правам остальных кредиторов.

Среди критериев сделок с предпочтением следует выделить объективный критерий, заключающийся в сроке совершения сделки, а именно, после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до этого, и субъективный критерий, который состоит в том, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». 28.10.2002. № 43. ст. 4190.
2. Рыков Д. А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03; [Место защиты: Байкал. гос. ун-т]. — И. 2019. С. 83–84.
3. Оспаривание сделок индивидуальных предпринимателей, влекущих за собой оказание предпочтения одному кредитору перед другими кредиторами / В. П. Быков [и др.] — 2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // «Вестник ВАС РФ». 2011. № 3.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.09.2021 по делу № А52–492/2018 — Документ опубликован не был // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2021 № 308-ЭС20–20893 по делу № А32–41264/2017 — Документ опубликован не был // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Особенности субъектного состава дистрибьюторского договора

Выборнова Наталья Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский экономический институт

Проанализированы особенности субъектного состава дистрибьюторского договора. Обращено внимание на проблемы определения субъектного состава дистрибьюторского договора. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: дистрибьюторский договор, субъекты дистрибьюторского договора.

Features of the subject composition of the distribution agreement

Vybornova Natalya Sergeevna, student master's degree
Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of law sciences, associate professor, head. department
Moscow Economic Institute

The features of the subject composition of the distribution agreement are analyzed. Attention is drawn to the problems of determining the subject matter of the distribution agreement. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: distribution agreement, subjects of the distribution agreement.

В дистрибьюторских договорах участие принимают две стороны, каковые обычно принято именовать поставщиком и дистрибьютором.

Во исполнение анализируемого договора в целях реализации товаров сторонами могут заключаться договоры поставки. По данным договорам передача товаров осуществляется непосредственно дистрибьютору либо третьему лицу. В ст. 506 ГК РФ закреплено, что сторонами договора поставки являются осуществляющий предпринимательскую деятельность поставщик-продавец и покупатель, товар которому передается для использования его в предпринимательской деятельности. Следовательно, т. к. для обеспечения исполнения обязанностей по договору дистрибуции сторонами заключаются договоры поставки, а, согласно вышеназванной статье, договор поставки заключается между осуществляющими предпринимательскую деятельность лицами, то стороны договора дистрибуции также являются субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность — индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. На практике в качестве сторон обычно выступают лишь юридические лица, являющиеся коммерческими организациями.

В качестве наименований сторон анализируемого договора В. Ю. Доронькина предлагает следующие: дистрибьютор и принципал [1, с. 42].

Под принципалом понимается такой субъект предпринимательской деятельности, который либо самостоятельно изготавливает, либо приобретает товары у производителей с целью их дальнейшей передачи дис-

трибьютору, который непосредственно распространяет товары на товарных рынках. В имеющихся на настоящий момент актах как МТП, так и в Модельных правилах европейского частного права содержится наименование указанного выше субъекта — «поставщик». С названием «поставщик», по мнению В. Ю. Доронькиной, нельзя согласиться, поскольку «поставщиком» согласно ст. 506 ГК РФ именуется сторона в договоре поставки. Поскольку в отношениях связанных с дистрибуцией товаров договор поставки как правило заключается после заключения дистрибьюторского договора, то несмотря на свою прямую взаимосвязь с исследуемым договором, именовать субъекта, изготавливающего или приобретающего товары у иных производителей, поставщиком выглядит некорректным.

Подчеркнем, что наименование «поставщик» в качестве стороны рассматриваемого договора обязательным для применения не является, поскольку акты, в которых содержится такое наименование, обладают рекомендательным характером.

Автор настоящего научного исследования считает возможным согласиться с мнением В. Ю. Доронькиной, что использование по аналогии с агентским договором термина «принципал» не свидетельствует о смешанном характере исследуемого договора и не влечет квалификацию дистрибьюторского договора как агентского, поскольку, как мы указывали в главе 1 настоящего исследования, дистрибьютор может не являться агентом, если иное не предусматривается условиями договора дистри-

бьюции. Наименование лица, которое производит либо закупает товар для передачи его дистрибьютору, обосновывается обязанностью дистрибьютора реализовывать товар. В частности, товар передается принципалом дистрибьютору, а последний обязуется реализовывать полученный товар в дальнейшем. Вместе с тем, по договору поставки поставщик не обладает возможностью обременять дистрибьютора поручением о реализации товара, а также указывать дистрибьютору на то, каким именно образом и на какой территории надлежит реализовывать товар. В этой связи термин «принципал» представляется более удачным в сравнении с термином «поставщик», т. к. он соотносится с юридической природой обязанности дистрибьютора реализовывать товар в дальнейшем. Однако далее нами будет употребляться преимущественно термин «поставщик» в связи с тем, что именно такой термин прочно устоялся в гражданско-правовой доктрине.

Контрагентом поставщика по исследуемому договору выступает дистрибьютор, каковым выступает субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, реализующий товары, предоставленные поставщиком, третьим лицам — субдистрибьюторам, а также оказывающий услуги и выполняющий поручения поставщика.

Отличием дистрибьютора от агента (при квалификации исследуемого договора в качестве смешанного договора с элементами агентского договора или агентским договором) является то, что при осуществлении своих обязанностей в рамках исследуемого договора дистрибьютор действует от своего имени и за свой счет. Дистрибьютор напрямую отвечает за все действия в рамках распространения продукции поставщика, не являясь при этом представителем, представительством или филиалом поставщика. Сотрудники дистрибьютора не являются работниками поставщика, не смотря на прохождение обучения в целях расширения рынков сбыта товаров поставщика. При этом зависимость дистрибьютора выражается только в необходимости закупки необходимого объема продукции именно у этого поставщика.

А. Ю. Бушев указывает, что посредник способствует установлению правовых отношений между клиентом и третьими лицами посредством поиска контрагентов, совершения сделок и других юридических действий. [2, с. 448] В данной ситуации дистрибьютор осуществляет свою деятельность и заключает договоры с третьими лицами в своих интересах, не способствуя при этом установлению правовых отношений между поставщиком и третьими лицами.

В рамках исследования субъектного состава дистрибьюторского договора исследователь необходимо также рассмотреть соотношение понятий дистрибьюторского и дилерского договоров.

По нашему мнению, существенных различий между дилерским и дистрибьюторским договором — нет. Практическое разграничение между дистрибьютором и дилером можно провести именно по субъектному составу договора.

Согласно устоявшейся в предпринимательской сфере негласной традиции, дистрибьюторский договор заклю-

чается между изготовителем и оптовым продавцом продукции. В свою очередь дилерский договор заключается между дистрибьютором и стоящим ниже по вертикальной сбытовой цепочке лицом — дилером. Дилер, как правило, действует на менее значительной территории нежели дистрибьютор (но в пределах утвержденной для дистрибьютора территории) и реализует товары в меньшем объеме. Объем предоставляемых дистрибьютору прав значительно уступает правам дистрибьютора несмотря на то, что они действуют в рамках аналогичных обязательств по распространению продукции поставщика.

Считаем возможным согласиться с Г. Н. Орловым полагающим, что «вертикальное разграничение между дистрибьюторским и дилерским договорами носит совершенно условный характер и основывается исключительно на обычаях делового оборота. Учитывая, что в настоящее время отсутствует какая-либо нормативно установленная терминология, стороны таких договорных отношений вольны самостоятельно выбрать вид заключаемого между ними договора. В связи с этим сегодня, по мнению исследователя, не имеет смысла разграничивать дистрибьюторский и дилерские договоры». [3, с. 21]

Наглядно демонстрирует вертикальное разделение дистрибьютора и дилера Закон РФ «О защите прав потребителей». [4] Наряду с потребителем образуют субъектный состав правоотношения, возникающие в сфере защиты прав физического лица при приобретении им товара ненадлежащего качества, также изготовитель, продавец и импортер товара (работы или услуги).

В отношении исследуемого договора дистрибьюторский договор может быть заключен между производителем и импортером продукции, а дилерский договор — между импортером (дистрибьютором) и оптовым продавцом продукции (дилером). В практике встречаются и следующие договорные конструкции: дистрибьюторский договор заключается между производителем и продавцом товара, при этом между продавцом товара (дистрибьютором) и импортером (дилером) заключается дилерский договор в условиях которого жёстко прописывается возможность продажи импортируемого товара исключительно дистрибьютору.

По мнению Г. Н. Орлова «выбор договорной модели в виде дистрибьюторского или дилерского договора для построения договорных отношений между субъектами предпринимательства не является существенным в целях правового регулирования. Существенными будут являться лишь условия договора, которые любая из сторон считает значимыми для достижения собственной экономической цели. Именно совокупность таких договорных условий определяет нормы правового регулирования заключенного дистрибьюторского либо дилерского договора». [3, с. 21]

Возвращаясь к особенностям субъектного состава анализируемого договора, необходимо отметить, что часто встречающееся в эксклюзивных дистрибьюторских договорах условие о запрете для дистрибьютора продавать

товар хозяйствующего субъекта, являющегося конкурентом поставщика, является близким по содержанию к условию картельного соглашения об отказе от заключения договора с определенными хозяйствующими субъектами.

Для таких договорных конструкций существует риск признания их картельными соглашениями. Однако отличие «вертикальных» соглашений от картельных соглашений состоит в том, что к «вертикальным» соглашениям, не имеющим признаков картеля, могут применяться положения о допустимости «вертикальных» соглашений, предусмотренные ст. 12 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5], а также общие положения

о допустимости действий, имеющих признаки антиконкурентных, регламентированные ст. 13 указанного Закона. Если «вертикальное» соглашение по субъектному составу подпадает под критерии картельного соглашения, с учетом того, что по своему содержанию норма п. 2 ч. 2 ст. 11 Закона о защите конкуренции представляет собой частный случай запрета, предусмотренного в отношении картеля (п. 5 ч. 1 ст. 11), на такое соглашение должен распространяться правовой режим запретов *per se*, характерный для любого картельного соглашения. В этом случае допустимость подобного соглашения не должна являться предметом рассмотрения в правоприменительном процессе.

Литература:

1. Доронькина В. Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2016.
2. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. Т.2. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016.
3. Орлов Г. Н. Получил ли дистрибьюторский договор достаточное правовое закрепление? // Юрист. 2018. № 8.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. N 3. ст. 140.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. N 31 (1 ч.). ст. 3434.

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям

Герасимова Кюндюяна Семеновна, студент магистратуры
Научный руководитель: Лиликин Артем Александрович, преподаватель
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Приведены исторические факты о формировании института приостановления уголовного дела. Дана краткая характеристика оснований. Сделаны выводы о важности данного института.

Ключевые слова: основания, прекращения, нереабилитирующие, процессуальный порядок.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования уголовно-процессуального закона о соблюдении законности при прекращении уголовного дела. В большинстве случаев уголовное дело на стадии предварительного расследования завершается составлением обвинительного заключения и передачи дела в суд. Однако в некоторых случаях дело прекращается ввиду наличия особых оснований.

Институт прекращения уголовного дела прошел длительный путь. Уже в ранних кодификациях (Русская правда, Судебники, Соборное уложение) были предприняты попытки прекратить производство в отношении конкретного лица при наличии определенных оснований. Впервые основания прекращения уголовного дела как процессуальный институт нашли закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

В течении XX века институт прекращения уголовного дела активно исследовался, разрабатывались основания

прекращения уголовного дела, а также формировался процессуальный порядок его осуществления. Практически во всех кодексах, принятых в советский период, были предусмотрены отдельные обстоятельства, направленные на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 года институту прекращения уголовного дела и уголовного преследования посвящена глава 4, которая регламентирует основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования. В ней выделены в качестве видов реабилитирующие и нереабилитирующие основания. Обратимся к изучению последней группы оснований.

Нереабилитирующие основания составляют особую группу оснований, позволяющих освободить лицо от уголовной ответственности несмотря на то, что факт совершения преступления этим лицом был доказан. Осо-

бенность применения данного вида оснований состоит в необходимости получения согласия освобождаемого лица. Дав согласие, оно признает, что преступление было совершено и этот факт доказан.

Одним из оснований прекращения уголовного дела является истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Продолжительность этих сроков и основные принципы их применения определены в статье 78 УК РФ. Лицо освобождается от ответственности, если после совершения преступного деяния прошло: а) два года для преступлений небольшой тяжести; б) шесть лет для преступлений средней тяжести; в) десять лет для тяжких преступлений; г) пятнадцать лет для особо тяжких преступлений. Категории преступлений установлены в статье 15 УК РФ.

Сроки давности отсчитываются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу. При совершении лицом нового преступления, сроки давности исчисляются отдельно для каждого преступления. Для длящихся преступлений отсчет начинается с момента явки лица с повинной или его задержания, а для продолжаемых преступлений — с момента совершения последнего действия, составляющего это преступление. Для несовершеннолетних сроки давности, установленные статьями 78 и 83 УК РФ, сокращаются вдвое при освобождении от уголовной ответственности. [1]

Уголовные дела, приостановленные из-за неустановления лица, которое должно быть привлечено в качестве обвиняемого, прекращаются по истечении сроков давности, указанных в статье 78 УК РФ, на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ.

Вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, решает суд. Следовательно, прекращение дела на стадии предварительного расследования в отношении этих лиц невозможно. Если суд сочтет возможным освободить лицо от ответственности в связи с истечением сроков давности, смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются. Сроки давности не применяются к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, перечисленные в статьях 353, 356, 357 и 358 УК РФ.

Статья 25 УПК РФ предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Освобождение от уголовной ответственности на основании примирения с потерпевшей стороной допустимо исключительно в случае, если преступление, совершенное впервые, относится к категории небольшой или средней тяжести. Помимо этого, обязательным условием является примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим.

Примирение должно сопровождаться компенсацией виновным причиненного потерпевшему вреда. Под компенсацией вреда подразумевается возмещение убытков, а также принятие иных мер, направленных на восста-

новление прав и законных интересов пострадавшего, нарушенных в результате преступления. Способы компенсации вреда, которые должны соответствовать закону и не нарушать права третьих лиц, а также размер возмещения определяются потерпевшей стороной. Это возможно при соблюдении следующих условий:

- 1) преступление относится к категории небольшой или средней тяжести (части 2 и 3 статьи 15 УК РФ), максимальное наказание за которое не превышает пяти лет лишения свободы;
- 2) установлено лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления;
- 3) уголовное преследование против данного лица осуществляется впервые;
- 4) потерпевший примирился с подозреваемым или обвиняемым;
- 5) лицо, совершившее преступление, загладило причиненный вред;
- 6) потерпевший подал заявление с просьбой о прекращении дела в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Амнистия является особым основанием для прекращения уголовного преследования. Согласно положениям статьи 103 Конституции РФ и статьи 84 УК РФ, объявление амнистии находится в компетенции Государственной Думы Федерального Собрания РФ и распространяется на неопределенный круг лиц, соответствующих условиям амнистии.

В соответствии с актом об амнистии, лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. В отношении осужденных лиц могут быть применены такие меры, как освобождение от наказания, сокращение срока наказания, замена наказания на более мягкое или освобождение от дополнительного вида наказания. Амнистия также может предусматривать снятие судимости с лиц, отбывших наказание [3].

В ходе досудебного производства уголовное дело не возбуждается или прекращается, если акт об амнистии предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности. Если же амнистия предполагает сокращение срока наказания или замену его на более мягкое, либо освобождение от дополнительного наказания, то производство по делу продолжается в обычном порядке.

Решение о применении или отказе в применении амнистии принимается индивидуально в отношении каждого лица и оформляется соответствующим постановлением. Освобождению от наказания подлежат только лица, в отношении которых вынесены приговоры до вступления в силу постановления об амнистии.

Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, согласно статье 28 УПК РФ, требует предварительного возбуждения дела, так как обстоятельства, свидетельствующие о раскаянии, должны быть установлены и оценены. Прекращение дела следователем возможно с разрешения руководителя следственного органа, а дознавателем — с согласия прокурора.

Для прекращения дела по статье 28 УПК РФ необходимо одновременное наличие следующих условий: совершение преступления впервые, отнесение преступления к категории небольшой или средней тяжести, добровольная явка с повинной, содействие раскрытию преступления, возмещение ущерба или заглаживание вреда, и утрата общественной опасности вследствие раскаяния. Отсутствие хотя бы одного из этих условий исключает возможность прекращения дела по данному основанию [2].

Ст. 28.1 УПК РФ предусмотрено освобождение от уголовного преследования по делам о налогах и сборах. Прекращения уголовного преследования по данному основанию для рассматриваемого случая:

- 1) основания: подозрение или обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 198–199.1 УК; совершение преступления впервые;
- 2) юридические условия:
 - а) уголовно-материальные (ч. 2 ст. 75, п. 2 примечаний к ст. 198 и 199 УК) — полное возмещение ущерба;
 - б) процессуальные: разъяснение подозреваемому или обвиняемому основания прекращения уголовного

преследования и права возражать против его прекращения по этому основанию; отсутствие возражения подозреваемого или обвиняемого (наличие согласия отражается в постановлении (ч. 3 ст. 213 УПК РФ); полное возмещение ущерба до окончания предварительного следствия; вынесение постановления уполномоченным лицом в пределах компетенции, установленной УПК (ч. 2 ст. 151 УПК РФ); соблюдение процессуальной формы (постановление).

Таким образом, нереабилитирующие основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования — это те, которые не влекут реабилитацию лица (восстановление в правах). Эти основания предполагают доказанность совершения обвиняемым (подозреваемым) деяния, которое содержит признаки состава преступления. При этом важно отметить, что вопрос о виновности обвиняемого (подозреваемого) как основании уголовной ответственности остается открытым. В этом смысле прекращение дела по нереабилитирующим основаниям означает отказ государства от уголовного преследования.

Литература:

1. Гаджиева А. А., Караев К. Ш. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: проблемы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 7. С. 218–223.
2. Дмитриева В. А. Прекращение уголовного дела и прекращение производства по уголовному делу // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А. Г. Кощаев. 2019. С. 1149–1151.
3. Мельников В. Ю., Долгополов К. А. Проблемные вопросы уголовного права и процесса Ростов-на-Дону, 2021.

Сравнительный аспект кассационного производства по гражданским делам в России и за рубежом

Глазкова Анастасия Павловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится сравнительный анализ состояния кассационного обжалования по гражданским делам в России и в зарубежных странах. Для сравнения автором взяты передовые европейские страны, которые впервые стали прародителем кассации. Сравнительный анализ автором проводится по следующим критериям: количество судов кассационной инстанции, определяемые территориальными особенностями стран; содержание кассационного производства, система правового регулирования, вид кассационного производства. На основе проведенного анализа автор делает вывод об эффективности кассации по гражданским делам в России и за рубежом, обозначает существенную разницу между рассматриваемым институтом в разных странах, а также недостатки в его функционировании. Кроме того, выделяется проблематика, возникающая при кассационном обжаловании гражданских дел в России, предлагаются пути ее решения.

Ключевые слова: обжалование, кассация, решение, контроль, правопреемственность, правосудие, опосредованная кассация.

Comparative aspect of cassation proceedings in civil cases in Russia and abroad

The article provides a comparative analysis of the state of cassation appeal in civil cases in Russia and in foreign countries. For comparison, the author uses advanced European countries, which for the first time became the progenitor of cassation. The

comparative analysis is carried out by the author according to the following criteria: the number of courts of cassation, determined by the territorial characteristics of the countries; the content of cassation proceedings, the system of legal regulation, the type of cassation proceedings. Based on the analysis, the author draws a conclusion about the effectiveness of cassation in civil cases in Russia and abroad, and also identifies a significant difference between the institution in question in different countries, as well as shortcomings in its functioning.

Keywords: *appeal, cassation, decision, control, succession, justice, indirect cassation.*

Первоначально следует отметить, что во многом образом кассации в России послужили институты кассационного обжалования в зарубежных странах. Значимой страной в данной связи является Франция, в которой впервые появляется кассация как способ обжалования судебных актов [4, с. 231]. Изначально с 1790 г. кассационный суд Франции сформировался в качестве одной из секций королевского совета, который выполнял роль контролирующего органа, который обеспечивал неукоснительное соблюдение законов. Указанный судебный орган сохранил свое единоначалие и в дальнейшем вплоть до современного времени [8, с. 295].

Такая особенность отличает кассацию во Франции и в России, где присутствует 9 основных кассационных судов, которые распределены по многочисленным регионам, удаленным друг от друга территориально [10], а также кассация осуществляется в Верховном Суде РФ (вторая кассация). В данном случае следует говорить о том, что такая разрозненная система судоустройства в России обусловлена ее огромной территориальной протяженностью.

Различается также цель российской и французской кассации. Согласно ст. 604 ГПК Франции, кассационное обжалование нацелено на проверку судебного постановления на предмет его соответствия правовым нормам [9]. Объектом французского кассационного обжалования в силу ст. 605 ГПК РФ является постановления, вынесенные в последней судебной инстанции.

В России кассационный суд проверяет законность и обоснованность судебных решений, вступивших в законную силу. Примечательно, что французская кассация не исследует новые доказательства, как и ранее полученные доказательства. Обжалуемое судебное решение рассматривается кассационными судами Франции только на предмет соответствия нормам права. Согласно ст. 619 ГПК Франции новые доводы при кассационном обжаловании приводить запрещено, то есть французская кассация по гражданским делам ограничена лишь проверкой права. Кассационное обжалование в России отягощено такой оценочной категорией как «существенность нарушения норм процессуального и (или) материального права».

Российская судебная практика в данном контексте не отличается единообразием и четким представлением о рассматриваемой категории. Так, в одном из судебных решений существенность выразилась одновременно в нарушении норм материального и процессуального права, а именно: судом установлено, что не обеспечена реализация принципа доказывания ответчиком отсутствия

его вины в причинении вреда. Наряду с этим, как установил суд, в данном случае нарушены нормы материального права, устанавливающие правовую возможность требования о возмещении вреда, причиненного из-за недостатков товара (работы, услуги), со стороны любого потерпевшего, даже не состоявшего в договорных отношениях с продавцом [2].

В другом случае существенность выразилась в нарушении материальных норм трудового законодательства, а именно в неверном применении нормы об изменении даты увольнения. Последствием такого неверного применения нормы послужило незаконное увольнение заявителя без предоставления ей положенных гарантий и выплат [3].

Можно видеть, что российские суды формально указывают на существенность нарушенных правовых норм, не раскрывая конкретные нарушения и их характер, ограничиваясь лишь формулировкой «существенные». На наш взгляд, указанная оценочная и неопределенная по содержанию формулировка должна быть исключена из ст. 390.14 ГПК РФ, что исключит не вызванную необходимостью градацию нарушений правовых норм на существенные и несущественные

Что касается срока подачи кассационной жалобы, то в странах он различается, для России он составляет 2 месяца, во Франции он чуть больше — 3 месяца. Российский гражданско-процессуальный закон позволяет заинтересованным в подаче кассационной жалобы лицам подать ее в нарушение срока подачи при наличии уважительных причин. В Франции такое право также присутствует, однако сотрудники прокуратуры могут обжаловать судебное решение свободно в рамках нарушенного срока подачи даже при отсутствии уважительных причин [7, с. 193].

Кроме того, процедура восстановления пропущенного срока на подачу кассационной жалобы в Верховный Суд РФ отягощена законодательным указанием на такую категорию как «исключительных случаев» содержание которой наряду с категорией «уважительные причины» не раскрывается в законодательстве. В данной связи предлагается либо исключить категорию «исключительных случаев» из абз. 2 ч. 6 ст. 112 ГПК РФ, чтобы не усложнять правоприменение в данной области лишними оценочными категориями.

В российском гражданском процессе присутствует четко ограниченный список лиц, которые могут подать кассационную жалобу в суд, а именно участники гражданского дела, иные лица, чьи права и законные интересы на-

рушены судебными постановлениями; должностные лица органов прокуратуры, если ранее в рассмотрении дела участвовал прокурор. Во Франции круг лиц, правомочных подать кассационную жалобу не ограничен. Как представляется, указанная зарубежная практика может быть приемлема для российской кассации, к примеру, за рамками закона остались законные представители лиц, чьи права нарушены судебными постановлениями. В этой связи целесообразно дополнение перечня лиц, которые могут подать жалобу в кассационный суд.

Порядок подачи кассационной жалобы в гражданском процессе Франции носит двухэтапный характер, что обусловлено особым письменным и длительным характером гражданского процесса в данной стране. Только обмен различными процессуальными бумагами перед назначением жалобы к рассмотрению длится 8 месяцев. Для российского гражданского процесса подобная длительность неприемлема, по мнению же французских юристов правосудие не требует спешки [4, с. 126].

Интерес представляет структура кассационного суда Франции, являющегося высшей судебной инстанцией в республике. В него входят: три палаты по гражданским делам, палата по торговым и финансовым делам, палата по социальным делам, палата по уголовным делам. Каждую палату возглавляет председатель. Кроме того, палаты разделяется на секции, внутри которых работают судебные группы с варьирующимся количеством членов.

Для российской системы гражданского судопроизводства такой многочисленный состав кассационного суда незнаком. Если сравнивать кассационный суд Франции и вторую кассацию в России, осуществляемую Верховным Судом РФ, то в последнем случае дело рассматривается судебной коллегией в составе нескольких постоянно действующих судей без привлечения к постоянному участию иных лиц, участники определяются исходя из содержания конкретного спора. В целом необходимо отметить, что институт кассационного обжалования во Франции призван вырабатывать эталонные решения с целью стандартизировать судебную деятельность [4, с. 119]. Такое предназначение, как представляется, отлично от сущности и значения российской кассации.

Обратимся к специфике кассационной инстанции в стране, принадлежащей к англосакской правовой семье — Великобритании. В данной стране кассация отправляется судом апелляционной инстанции и считается по своей сути второй апелляцией. В рамках английского кассационного обжалования проверяется лишь юридическая сторона решения [7, с. 93.]

Кассационное обжалование судебных решений в Великобритании, аналогично кассационному обжалованию во Франции осуществляется в едином Верховном суде королевства, функционирующем с 1873 г., который на настоящий момент продолжил свое функционирование после Палаты Лордов. Чтобы обжаловать судебное решение в кассации должно быть соблюдено довольно жесткое основание для предоставления разрешения на

такое обжалование, то есть снова просматривается исключительность функционирования кассационной инстанции. Рассмотрение дела в кассации допускается только в случае, если это важно для развития права, единого правоприменения, а также защиты собственных интересов [4, с. 127].

Что касается системы правового регулирования, то в Великобритании кассационное обжалование регламентируется только положениями «Правил гражданского судопроизводства» [9, с. 193]. Порядок подачи кассационной жалобы в Великобритании является разрешительным, то есть для возникновения процессуальных правоотношений в суде кассационной инстанции требуется получение разрешения, которое выдает суд второй (апелляционной) инстанции, либо непосредственно судом кассационной инстанции, которой фактически нет в стране. В то же время в рассматриваемой стране допустимо подать жалобу без обращения в апелляцию, но это происходит сугубо по инициативе суда без участия гражданина [4, с. 99].

В Великобритании кассационная жалоба подается в течение довольно короткого срока (не более 28 дней), указанного нижестоящим судом. Если такой срок не обозначен, то жалоба должна быть подана в течение 21 дня с момента вынесения обжалуемого постановления. Восстановление пропущенного срока кассационного обжалования судом носит более упрощенный порядок, чем в России или во Франции и осуществляется по инициативе суда, у граждан нет правовой возможности восстановить пропущенный срок [9, с. 194].

Что касается лиц, которые имеют право подать кассационную жалобу, то английское процессуальное законодательство подобно российскому законодательству, определяет строгий перечень правомочных субъектов, в числе которых: истец, ответчик, заявитель, иное лицо без конкретного статуса по гражданскому делу, но чьи права и интересы затрагиваются вынесенным решением или определением.

В рамках кассационного обжалования стороны не могут предоставлять и исследовать новые доказательства, которые ранее не рассматривались судом низшей инстанции, объектом исследования могут быть только ранее изученные доказательства. Подобный порядок действует во Франции. В России суды наделены в данном аспекте более широкими полномочиями и могут выносить новые судебные решения. Об указанном преимуществе рассуждают многие ученые процессуалисты [8, с. 295].

В Великобритании присутствует интересная практика, необычная для российской системы судопроизводства, а именно гражданин, подающий кассационную жалобу, должен предоставить проект желаемого решения [9, с. 194.]. Целесообразность данной практики ставится под сомнение, учитывая, что граждане обращаются в суд для разрешения спора, кроме того, многие граждане не обладают должным уровнем правосознания. Вероятно, имеется виду, что гражданин должен указать конкретное

решение, которое должен принять суд, рассмотрев его кассационную жалобу.

Следует отметить, что для европейских стран присуща традиция при формировании кассационного обжалования гражданских дел. В России отсутствует традиционная правопреемственность норм о кассации в отличие от европейских стран, отсюда, как отмечают теоретики, прослеживается ряд неразрешенных на сегодняшний момент правовых проблем как теоретического, так и практического характера [4, с. 122].

Подводя итог проведенному сравнительному анализу особенностей кассационного производства, следует отметить, что отличие в кассационном обжаловании в России и за рубежом просматривается в целом в сущности и понятии кассации, в организации кассационных судов, в процедуре рассмотрения гражданских дел в объеме полномочий судей. Необходимо отметить, что институт кассации по гражданским делам в России близок к кассации в странах континентальной правовой семьи, но отличается от нее в части отдельных процедур и организационно, в частности, присутствием в гражданско-процессуальном законодательстве сложных категорий.

Так, кассационное обжалование в России в отличие от зарубежной кассации отягощено такой оценочной категорией как «существенность нарушения норм процессуального и (или) материального права, которая создает проблематику в виде неединообразной судебной практики, трудностей в правоприменении. На наш взгляд, указанная оценочная и неопределенная по содержанию формули-

ровка должна быть исключена из ст. 390.14 ГПК РФ, что исключит не вызванную необходимостью градацию нарушений правовых норм на существенные и несущественные

Кроме того, процедура восстановления пропущенного срока на подачу кассационной жалобы в Верховный Суд РФ отягощена законодательным указанием на такую категорию как «исключительных случаев» содержание которой наряду с категорией «уважительные причины» не раскрывается в законодательстве. В данной связи предлагается либо исключить категорию «исключительных случаев» из абз. 2 ч. 6 ст. 112 ГПК РФ, чтобы не усложнять правоприменение в данной области лишними оценочными категориями.

Отмечается в качестве проблемы присутствие в гражданско-процессуальном законодательстве четко ограниченного круга лиц, которые могут подать кассационную жалобу. В зарубежной кассации стран континентальной правовой семьи указанный перечень не ограничен и открыт. Указанная зарубежная практика может быть приемлема для российской кассации, в частности, за рамками закона остались законные представители лиц, чьи права нарушены судебными постановлениями. В этой связи целесообразно дополнение перечня лиц, которые могут подать жалобу в кассационный суд. В качестве недостатка российской кассации по гражданским делам отмечается тот факт, что в России отсутствует традиционная правопреемственность норм о кассации в отличие от европейских стран, что создает проблемы в эффективности ее реформирования.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. ст. 4532.
2. Определение СК гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. № 18-КГ22-159-К4 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406542861/> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2022 № 16-КГ22-22-К4. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31102022-n-16-kg22-22-k4/> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Борисова Е. А. Кассация по гражданским делам: Монография. М.: Издательский Дом «Городец», 2020. — 208 с.
5. Маняк Н. И. Организация правосудия во Франции // Научная сеть «Современное право». — 2012. — № 9. — С. 140–144.
6. Полувешкина А. С. Сравнительное исследование института кассации в гражданском, арбитражном, административном процессе Российской Федерации и зарубежных стран / А. С. Полувешкина // Экономико-правовые и социологические дискуссии в условиях глобализации: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 18 мая 2023 года. — Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2023. — С. 231–235.
7. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / З. Х. Баймолдина, Т. А. Белова, А. Берлингуэр [и др.]; под ред. Е. А. Борисовой. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Норма, 2012. — 768 с.
8. Путренко А. Н., Пошивайлова А. В. Соотношение классического кассационного производства и современного кассационного производства в гражданском процессе Российской Федерации / А. Н. Путренко А. В. Пошивайлова // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 2 (206). — С. 294–296.
9. Родионова Н. Н. Сравнительный анализ кассационного обжалования гражданских дел в Российской Федерации, Великобритании и Франции / Н. Н. Родионова // Наука молодых: вызовы и перспективы: Сборник мате-

риалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции в рамках мероприятий «Дни науки — 2022 год», Великий Новгород, 11–15 апреля 2022 года. — Великий Новгород, 2022. — С. 190–195.

10. Bellet Pierre. Grandeur et servitudes de la Cour de cassation. // *Revue internationale de droit comparé*, 1980. Vol. 32 N°2, Avril-juin. pp. 293–301.

Проблемы разграничения мнимой обороны и самообороны

Горбатенко Антон Андреевич, студент
Челябинский государственный университет

В статье будут разобраны проблемы разграничения самообороны и мнимой обороны, что позволит наиболее точно определять, будет ли попадать то или иное действие, которое связано с обороной, под конкретный состав преступления.

Ключевые слова: оборона, посягательство, защита, опасность, пределы, ответственность.

В судебной практике особое внимание уделяется спорным аспектам, касающимся границ допустимой самообороны. Специалисты в области права утверждают, что защита от противоправных действий считается правомерной, если она не превышает уровень угрозы или если предотвратить нападение без причинения более серьезного вреда было невозможно. Ключевыми факторами при определении допустимого ущерба являются степень опасности и характер угрозы. Чем серьезнее потенциальные последствия, тем шире рамки допустимого вреда. Однако это не означает, что защищающийся вправе наносить любой ущерб нападающему, даже если посягательство затрагивает жизнь, имущество и другие значимые ценности.

Точная оценка обстоятельств конкретного дела позволяет определить, были ли соблюдены границы необходимой обороны, а также установить, имел ли обвиняемый реальную возможность отразить угрозу менее радикальными методами. Как отмечается в юридической литературе, именно степень опасности и специфика нападения определяют допустимые пределы защиты. Таким образом, причиненный вред будет считаться правомерным только в том случае, если он соразмерен угрозе и способу противодействия [1, с. 432].

При рассмотрении вопроса о пределах необходимой обороны правоохранительные органы должны учитывать совокупность факторов:

- орудия и методы, использованные нападавшим;
- объект нападения и его значимость для общества;
- скорость и способ совершения противоправных действий;
- физические возможности, возраст и состояние обороняющегося;
- применяемые средства защиты [3, с. 191].

Данные факторы являются важными с точки зрения оценки необходимой обороны, но не стоит забывать и про психоэмоциональное состояние человека. Оно играет важную роль при оценке состояния человека, который

был подвержен нападению. По этому поводу законодатель даёт следующие разъяснения.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ, действия обороняющегося не считаются превышением пределов необходимой обороны, если из-за внезапности нападения он не смог адекватно оценить степень угрозы [2, с. 59]. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 сентября подчеркивается, что применение данной нормы требует учета времени, места, обстановки, способа посягательства, а также эмоционального состояния защищающегося (страх, паника, растерянность и т. д.) [4]. Классическим примером внезапного нападения может служить ночное вторжение в жилище, когда испуг лишает обороняющегося возможности трезво оценить опасность ситуации.

Из данного суждения можно понять, что законодатель рассматривает нарушение пределов необходимой обороны как менее тяжкое преступление по сравнению с аналогичными деяниями, совершенными вне таких обстоятельств, поскольку защищающийся действовал в условиях правомерной обороны, но вышел за ее допустимые рамки.

Данная позиция подтверждается п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, где в перечне смягчающих обстоятельств указано совершение преступления «при нарушении условий правомерности необходимой обороны» [2, с. 94].

Таким образом, законодатель, с одной стороны, признает превышение пределов необходимой обороны уголовно наказуемым деянием, а с другой — предусматривает более мягкое наказание за причинение тяжкого вреда здоровью или даже убийство в таких условиях. Отсюда и следует важность правильного разграничения необходимой обороны от мнимой. В первом случае лицо отражает реальную угрозу, но ошибочно оценивает ее степень или характер. Если же обороняющийся, исходя из сложившейся обстановки, добросовестно заблуждался относительно наличия нападения и не осознавал ошибочности своих действий, то его поведение квалифицируется как необходимая оборона [1, с. 433].

Таким образом, ключевое отличие заключается в восприятии угрозы: при превышении пределов обороны опасность реальна, но ответные меры несоразмерны, тогда как при мнимой обороне само посягательство отсутствует, но защищающийся искренне верит в его существование.

Опираясь на всё вышесказанное, думается, что данная проблема имеет огромное значение в современном законодательстве РФ. Она сложна и требует комплексного подхода. Автором статьи представлено несколько предложений, которые помогут устранить проблемы разграничения мнимой обороны от самообороны:

1. Введение «презумпции обоснованности обороны» путём законодательного закрепления презумпции обоснованности действий обороняющегося, если нападение было реальным (например, есть док-во угрозы) или обороняющийся не возможность дать точную оценку степени опасности действия нападающего в момент посягательства. Презумпцию следует включить в Постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

2. Предложение по введению обязательной психолого-психиатрической экспертизы в тех случаях, когда есть спорные вопросы, связанные с квалификацией тех деяний, которые признаются как необходимая. Данная экспертиза позволит оценить действия обороняющегося и его адекватность восприятия угрозы, а также позволит ответить на главный вопрос «Был ли возможен альтернативный выход из ситуации?». Соответственно после введения данного правового института, следует также определить круг участников такой экспертизы и их правовой статус. Необходимо разъяснить и закрепить на правовом уровне их права, полномочия и обязанности с целью принятия объективного решения по вопросам, связанным с разграничением мнимой обороны от самообороны.

Литература:

1. Хорьков, С. А. Превышение пределов необходимой обороны и отличие от мнимой обороны / С. А. Хорьков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 21 (259). — С. 432–433.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст по состоянию на 11 апреля 2025 года. — М.: Проспект. — 2024. — 11 апреля. — Текст: непосредственный.
3. Тишкевич С. И. Условия и пределы необходимой обороны / Тишкевич, С. И. — Москва: Юрид. лит., 1969. — 191 с. — Текст: непосредственный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 11.05.2025).

Гражданское оружие как объект наследственных прав

Гуцунаев Тамерлан Таймуразович, студент магистратуры
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В статье рассматриваются права участников наследственных правоотношений на гражданское оружие. Проведена дифференциация разновидностей гражданского оружия в зависимости от тактико-технических характеристик, а также описано влияние данной классификации на права наследников. Делается вывод, что гражданское оружие может переходить в рамках универсального правопреемства к наследникам, данный переход прав происходит в зависимости от вида и статуса оружия, а также правового положения наследника.

Ключевые слова: гражданское оружие, огнестрельное оружие, наследство, наследственные права, универсальное правопреемство, наследственная масса, наследник, наследодатель.

Введение. Объектом исследования являются имущественные отношения, связанные с переходом прав и обязанностей в рамках наследования, в отношении гражданского огнестрельного оружия. Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие наследственное правопреемство, а также законодательство, регламентирующие порядок возникновения, изменения

и прекращения прав граждан в отношении гражданского оружия. В рамках исследования были применены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, дедукция, индукция и классификация. В рамках исследования также применен исторический метод. Правовой характеристике гражданского оружия как объекта гражданских прав посвящено не так много работ, одной из которых является

работа А. Л. Пушкарева «Гражданское оружие как объект гражданских прав». Я предлагаю рассмотреть данный объект гражданских прав с позиции наследственного правопреемства.

Основная часть. Основы оружейного законодательства Российской Федерации составляет Федеральный закон от 13 декабря 1996г. ФЗ № 150 «Об оружии». Он закрепляет правовой режим оружия, в том числе, гражданского. Пользование оружием как объектом гражданских прав, его транспортировка, ношение, совершение в отношении него гражданско-правовых сделок, передача в рамках наследования, безусловно, опираются на положения, установленные Федеральным законом «Об оружии».

В статье второй данного Федерального закона дана классификация оружия на гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое. В основу данного разделения ложатся несколько принципов. Классификация оружия на соответствующие виды произведена в первую очередь в зависимости от целевого использования оружия. Под целевым использованием здесь предполагается то, какие задачи и функции будет выполнять лицо, пользующееся оружием. Гражданское оружие используется гражданами с целью охоты, самообороны и стрелкового спорта. Пользование служебным оружием осуществляется государственными служащими, в целях исполнения ими поставленных законом задач, а так же самообороны. Боевое оружие предназначено для ведения военными служащими, а так же сотрудниками специальных подразделений, боевых действий и специальных военных операций. Второй принцип данной классификации вытекает из основных параметров и характеристик оружия. Каждое оружие сконструировано специальным образом и имеет тактико-технические характеристики, необходимые для удовлетворения потребностей граждан, а так же выполнения задач уполномоченными лицами. Данная классификация имеет непосредственное отношение к исследуемому вопросу, так как переходить в рамках наследственного правопреемства может только гражданское оружие, которым физические лица обладают на праве собственности.

Гражданское оружие имеет свойственные ему технические характеристики. ФЗ «Об оружии» устанавливает 3 основных ограничения для оружия, которое могут иметь в собственности граждане РФ:

1. Оружие, предназначенное, для его использования гражданами не должно иметь возможности вести автоматическую стрельбу.
2. Вместимость магазина гражданского оружия не может превышать 10 патронов.
3. Оружие ограниченного поражения должно иметь дульную энергию при выстреле не более 91 Дж.

Относимости гражданского оружия к объектам гражданских прав посвящено мало внимания в отечественной литературе. Михайленко Е. М. относит к объектам гражданских прав «блага, по поводу которых возникают гражданские правоотношения, и в отношении

которого существуют субъективное право и соответствующая ему обязанность» [5, с. 176]. Гражданский кодекс в статье 128 содержит перечень объектов гражданских прав, к которому относятся вещи и другие материальные и нематериальные блага. В отечественной литературе под вещами признают материальные объекты, обладающие физическими свойствами. Законодатель в ФЗ «Об оружии» в статье 1 определяет оружие как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой цели, подачи сигналов. Исходя из смысла закона, оружие является вещью. На то указывает и статья 1180 Гражданского кодекса, которая регулирует наследование ограниченно оборотоспособных вещей, содержащая в этом перечне оружие как объект гражданских прав. В отношении оружия его собственник обладает правами. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ» гражданин имеет право продавать свое оружие, дарить и передавать по наследству, хранить, носить и использовать, а также транспортировать и перевозить.

Данные правомочия характеризуют гражданское оружие как объект гражданских прав. Собственник оружия обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему гражданским оружием, а также несет ответственность за его ненадлежащее использование и хранение. В Гражданском кодексе законодатель проводит классификацию объектов гражданских прав. Данной классификации подлежит и оружие. Гражданское оружие можно смело отнести к ограниченным в обороте объектам прав. На то прямо указывает статья 1180 ГК. Также об этом свидетельствует порядок получения права на оружие. Статья 6.1 ФЗ «Об оружии» накладывает обязанность на владельцев оружия, а так же граждан, желающих его приобрести в собственность, пройти медицинское освидетельствование. Статья 9 закона устанавливает обязательное лицензирование приобретения оружия. Данные лицензии в соответствии с законом выдает ЛРО Федеральной службы войск национальной гвардии. Ограничение оружия в обороте прямо сказывается на порядке наследования данного объекта прав. Исходя из характеристик гражданского оружия его можно отнести к движимым, неделимым, не потребляемым вещам. Наличие индивидуальных номеров на оружии и его составных частях свидетельствует о том, что гражданское оружие относится к индивидуально определенным вещам.

Статья 1112 Гражданского кодекса содержит определение наследства. Так как в состав наследства входят вещи, разумно предположить, что гражданское оружие, принадлежавшее наследодателю на момент открытия наследства, попадает в наследственную массу. Как отмечает Абраменков М. С. «квалификация наследования как правопреемства означает так же, что в данных отношениях имеет место замена одного субъекта (правопреемника) другим (правопреемником)» [4, с. 81]. Статья 1180

ГК регулирует наследование вещей, ограниченных в обороте. Из ее смысла следует, что оружие входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях. Однако для того чтобы фактически завладеть гражданским оружием, необходимо выполнить установленные ФЗ «Об оружии» требования. В случае невыполнения требований, установленных законом, наследник утрачивает право собственности на Гражданское оружие. При этом наследник имеет право на соразмерную компенсацию, взамен утраченному имуществу. В соответствии со статьей 238 ГК, имущество, которое не может принадлежать, в данном случае наследнику, оно подлежит изъятию компетентными органами. В данном случае таким органом является лицензионно разрешительный отдел войск национальной гвардии. Компетентный орган продает данное оружие, а вырученные деньги полагаются наследнику в качестве компенсации.

Наследование оружия регулируется статьей 29 Постановления Правительства № 814. Данная норма предусматривает случаи наследования Гражданского оружия юридическими лицами и гражданами. Так как юридические лица могут наследовать только по завещанию, следует вывод, что гражданское оружие может быть завещано. Нет в законе так же препятствий для наследования гражданского оружия в рамках наследственного договора. Таким образом, наследники могут принять оружие в наследство по всем возможным основаниям наследования. Наследник вне зависимости от основания наследования гражданского оружия обязан уведомить компетентные органы о факте принятия в наследство оружия и патронов к нему. Законом предусмотрена определенная форма принятия в наследство оружия. Так наследник должен представить заявление в соответствующий орган. Помимо заявления у наследника должна быть лицензия на соответствующий вид гражданского оружия.

Из этого следует, что предусмотрены два варианта наследования гражданского оружия. Первый вариант — наследник имеет на момент открытия наследства лицензию на приобретение соответствующего вида оружия. В таком случае наследнику остается только уведомить

компетентные органы о факте смерти наследодателя, составить заявление в Федеральную службу войск национальной гвардии и принять оружие в наследство. Второй вариант — наследник принимает в наследство оружие, но не имеет соответствующей лицензии. В таком случае оружие должно быть сдано на ответственное хранение в органы Росгвардии. Хранить унаследованное оружие без полагающейся лицензии неправомерно и может повлечь негативные юридические последствия. Пока оружие находится на ответственном хранении, наследник может заниматься получением лицензии.

Важное значение при наследовании имеет классификация гражданского огнестрельного оружия. Можно выделить три основных вида гражданского оружия: гладкоствольное длинноствольное, нарезное длинноствольное, ОООП. Закон предусматривает различные требования к гражданину для приобретения оружия соответствующего вида. Так для приобретения огнестрельного нарезного длинноствольного оружия гражданину нужно не только предоставить компетентным органам соответствующие справки, но и иметь 5 лет стажа владения огнестрельным длинноствольным гладкоствольным оружием. Таким образом, не имея стажа, приобрести в наследство нарезное оружие сразу не получится. Другое дело обстоит с оружием ограниченного поражения. Для приобретения лицензии на ОООП не требуется получения охотничьего билета. Соответственно наследнику легче получить лицензию на ОООП, чем длинноствольное нарезное оружие.

Выводы. Гражданское оружие подлежит переходу в рамках универсального правопреемства по всем возможным основаниям наследования. Однако наследники, приобретая права на наследуемое имущество, приобретают также обязанности. Так как гражданское оружие признано законодателем источником повышенной опасности, его наследование протекает в строго установленном законом порядке. Наследники, принимая в составе наследственной массы гражданское оружие, несут ответственность за соблюдение порядка оборота гражданского оружия.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ
2. Федеральный закон от 13.12.96 г. № 150-ФЗ «Об оружии»
3. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»
4. Абраменков, М. С. Наследственное право: учебник для вузов / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев; ответственный редактор В. А. Белов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 376 с. — (Высшее образование).
5. Михайленко, Е. М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов / Е. М. Михайленко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 390 с. — (Высшее образование).

Проблемы и перспективы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации

Денисов Артём Валерьевич, студент магистратуры

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются актуальные проблемы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, связанные с отсутствием единого подхода к её предоставлению, недостаточной информированностью населения о своих правах, а также низким качеством оказываемых услуг. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики авторы предлагают пути совершенствования системы бесплатной юридической помощи, включая унификацию нормативного регулирования, повышение уровня правовой грамотности населения и усиление контроля за качеством оказываемых услуг. Особое внимание уделяется роли адвокатуры и государственных юридических бюро в обеспечении доступности правосудия для социально незащищённых категорий граждан.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь, доступность правосудия, адвокатура, государственные юридические бюро, правовое просвещение, социальная защита.

Problems and prospects of providing free legal assistance in the Russian Federation

The article examines the current problems of providing free legal assistance in the Russian Federation, related to the lack of a unified approach to its provision, insufficient awareness of the population about their rights, and the low quality of services provided. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, the authors propose ways to improve the system of free legal assistance, including the unification of regulatory frameworks, increasing the level of legal literacy of the population, and strengthening control over the quality of services provided. Special attention is paid to the role of the bar and state legal bureaus in ensuring access to justice for socially vulnerable categories of citizens.

Keywords: free legal assistance, qualified legal assistance, access to justice, bar, state legal bureaus, legal education, social protection.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому гражданину право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, такая помощь оказывается бесплатно (ст. 48 Конституции РФ). Однако, несмотря на законодательное закрепление этого права, его реализация на практике сталкивается с рядом проблем, которые препятствуют эффективному доступу граждан к правосудию. В данной статье рассматриваются основные проблемы оказания бесплатной юридической помощи в России, а также предлагаются пути их решения.

Одной из ключевых проблем является отсутствие единого подхода к регулированию вопросов оказания бесплатной юридической помощи на уровне субъектов Российской Федерации. Как отмечается в статье П. Е. Коротковой, в разных регионах страны действуют различные модели предоставления такой помощи, что приводит к неравенству граждан в доступе к правовым услугам. В одних субъектах РФ бесплатную юридическую помощь оказывают только адвокаты, в других — государственные юридические бюро, а в третьих — и те, и другие. Это создаёт правовую неопределённость и затрудняет реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Кроме того, многие понятия, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи, такие как «квалифицированная юридическая помощь», «трудная жизненная ситуация», «социальная защита», не имеют чёткого зако-

нодательного закрепления. Это приводит к тому, что граждане, обращающиеся за помощью, могут столкнуться с отказом в её предоставлении из-за субъективной оценки их ситуации со стороны органов власти.

Ещё одной серьёзной проблемой является низкое качество оказываемой бесплатной юридической помощи. Квалифицированная юридическая помощь должна оказываться специалистами, имеющими высшее юридическое образование и соблюдающими профессиональные стандарты. Однако на практике многие адвокаты, участвующие в государственной системе бесплатной юридической помощи, не всегда добросовестно выполняют свои обязанности, что приводит к неудовлетворённости граждан результатами оказанных услуг.

Кроме того, значительная часть населения не знает о своих правах на получение бесплатной юридической помощи. Это связано с недостаточным уровнем правовой грамотности и отсутствием эффективной системы информирования граждан о возможностях получения таких услуг. В результате многие социально незащищённые категории граждан, такие как малоимущие, пенсионеры, инвалиды, не могут воспользоваться своим правом на бесплатную юридическую помощь.

Важной проблемой является также недостаточное финансирование системы бесплатной юридической помощи. Адвокаты, оказывающие бесплатную помощь, сталкиваются с трудностями при получении компенсации своих расходов. Это снижает мотивацию адвокатов к участию

в государственной системе бесплатной юридической помощи и приводит к тому, что многие из них стараются минимизировать свои усилия при оказании таких услуг.

Для решения указанных проблем необходимо, прежде всего, унифицировать нормативное регулирование вопросов оказания бесплатной юридической помощи на федеральном уровне. Это позволит установить единые стандарты качества услуг и обеспечить равный доступ граждан к правовой помощи независимо от их места жительства.

Кроме того, необходимо усилить контроль за качеством оказываемой помощи и ужесточить ответственность адвокатов за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Это может быть достигнуто путём введения системы мониторинга и оценки качества услуг, оказываемых в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.11.2024.
2. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.11.2024.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.11.2024
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.11.2024.

Развитие трудового права России: этапы и преемственность

Джанмирзаев Руслан Омариевич, студент

Научный руководитель: Тимофеева Алла Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

Трудовое право является одной из важнейших отраслей правовой системы, регулирующей трудовые отношения между работниками и работодателями, обеспечивающей социальные гарантии, защиту прав трудящихся и баланс интересов сторон. Развитие трудового законодательства в России прошло сложный и многогранный путь, охватывающий периоды имперского, советского и постсоветского регулирования. Исторический анализ показывает, что эволюция трудового права тесно связана с политическими и социально-экономическими изменениями в государстве.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью глубокого изучения становления и развития трудового законодательства России, его преемственности и трансформации в различных исторических условиях.

В настоящее время трудовое законодательство формируется как самостоятельная отрасль права, развитие ко-

торой тесно связано с принятием ключевых нормативных актов, в частности, Кодексов законов о труде. Их содержание менялось под влиянием экономической ситуации, социальной политики государства и стратегий экономического развития. Институты современного трудового права России во многом опираются на законодательные решения, принятые в разные исторические периоды. Принято считать, что становление науки трудового права и появление первых трудовправовых норм относится не ранее XIX века. [1] Принято выделять четыре этапа формирования трудового права в России:

Оказание бесплатной юридической помощи является важным элементом обеспечения доступности правосудия для всех граждан Российской Федерации. Однако для эффективной реализации этого права необходимо решить ряд проблем, связанных с нормативным регулированием, качеством услуг, финансированием и информированностью населения. Унификация законодательства, усиление контроля за качеством услуг и повышение уровня правовой грамотности граждан позволят сделать систему бесплатной юридической помощи более эффективной и доступной для всех категорий населения.

1. Период до фабричного законодательства (XI век — 1861 год);

2. Фабричное законодательство (1861–1917 годы);

3. Советское трудовое законодательство (1917–1991 годы);

4. Постсоветский период (1991 год — настоящее время) [2]

В Древней Руси правовые нормы, связанные с личным наймом, впервые зафиксированы в «Русской Правде». Они регулировали отношения между нанимателем и нанятым работником, который мог стать зависимым от работодателя, если соглашение не предусматривало определенных условий.

Договор личного найма также регулировался Псковской судной грамотой (1397–1467), которая предусматривала возможность заключения контракта между господином и работником как на определенный срок, так и до завершения конкретной работы. Юридическое закрепление крестьян началось с Судебников 1497 и 1550 годов. В XII–XV веках личный наем постепенно эволюционировал: если в ранних законах невыполнение обязательств вело к потере личной свободы (работник становился холопом), то к концу XV века Судебник 1497 года уже предусматривал лишь материальные санкции за нарушение условий найма без обращения работника в полную зависимость от нанимателя. [3]

С XVIII века, в связи с реформами Петра I, начался процесс становления фабричной системы, что потребовало новых правовых норм регулирования труда. Реформы Петра I оказали глубокое влияние на систему государственного управления, что, в свою очередь, способствовало постепенному формированию трудового законодательства в России. В ходе преобразований начала XVIII века произошла трансформация традиционного уклада жизни, а идеи формирования «регулярного государства» повлекли за собой развитие правовых норм, регламентирующих трудовую деятельность государственных служащих и военных. Эти изменения стали основой для дальнейшего развития трудового права в России. [4] Одним из ключевых шагов в формировании трудового законодательства петровской эпохи стало принятие «Табели о рангах» (1722 г.), в которой были четко определены принципы служебной иерархии. В документе закреплялось деление дворянства на потомственное и личное, а продвижение по службе увязывалось с заслугами перед государством, а не с происхождением. Реформы Петра I изменили восприятие государственной службы, превратив её в ключевой элемент социальной стратификации. В условиях формирующегося бюрократического государства должностные лица и военные были обязаны служить государству, а их деятельность оценивалась через призму «общего блага». Помимо государственных служащих, изменения коснулись и трудового статуса крестьян. Несмотря на сохранение крепостного права, в армии и на флоте была введена практика обязательной службы, что явилось предшественником принципов трудовой повинности, установленных позднее в советском законодательстве. Помимо этого, значимыми документами периода стали Воинский устав (1716 г.) и Морской устав (1720 г.), которые не только закрепляли военные положения, но и формировали новый тип трудовой этики, основанный на дисциплине и подчинении государственным интересам. Во времена Петра I впервые вводятся нормы рабо-

чего времени. Так, в Регламенте Адмиралтейства (1722 г.) установлено, что весной и летом рабочий день длился 13 часов 30 минут, включая короткие перерывы, а в зимний период рабочее время сокращалось.

Фабричное законодательство XIX — начала XX века: регулирование наемного труда и социальная защита рабочих.

XIX век стал периодом активного становления фабричного законодательства, регулирующего трудовые отношения в Российской империи. Хотя полноценное трудовое право еще не существовало, государство начало постепенно внедрять нормативные акты, касающиеся защиты наемных работников, условий труда и прав фабрично-заводских рабочих. В этот период были заложены основы будущего трудового законодательства, а к началу XX века появилась система правового регулирования, включавшая вопросы найма, рабочего времени и компенсации за несчастные случаи.

Первым нормативным актом, определяющим правовой статус наемных работников, стало **«Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми» от 24 мая 1835 года**. Этот документ, состоявший из 10 статей, регулировал взаимоотношения между работодателями и рабочими, однако акцент в нем делался преимущественно на защите интересов фабрикантов.

Оно было направлено на упорядочение найма рабочих, закрепление их прав и обязанностей, а также определение правил разрешения трудовых споров.

Постепенно правовое регулирование стало усложняться. В **решении Гражданского департамента Правительствующего Сената № 537 1875 года** было впервые дано определение договора личного найма: это соглашение, по которому работник принимает на себя обязательства выполнять определенные личные работы, связанные с физическим или умственным трудом. Однако это определение еще не носило универсального характера и применялось преимущественно к служебному персоналу и ремесленникам.

Значительным законодательным актом этого периода стал Закон от 1 июня 1882 года «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [5]. Он устанавливал запрет на привлечение к труду детей младше 12 лет и обязывал предпринимателей предоставлять малолетним рабочим возможность получения начального образования. Важным нововведением стало создание фабричной инспекции, которая должна была следить за соблюдением законодательства.

Для обеспечения контроля за исполнением закона было принято «Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета» от 5 июня 1884 года, которое предусматривало наказание для фабрикантов, нарушавших трудовое законодательство: арест на срок до одного месяца или штраф в размере до 100 рублей. Это был первый случай установления санкций за нарушение прав рабочих в Российской империи.

В связи с накоплением большого количества нормативных актов в 1899 и 1915 годах были изданы кодифицированные сборники законов:

- «Устав о промышленности» (1899),
- «Устав о промышленном труде» (1915).

Эти документы обобщали фабричное законодательство и вводили новые принципы регулирования трудовых отношений. В частности, в «Уставе о промышленном труде» были зафиксированы положения о заработной плате, продолжительности рабочего дня, условиях труда и социальной защите рабочих. Помимо официальных сборников, начали появляться специальные издания, подготовленные чиновниками Министерства финансов, экономистами и историками, что свидетельствовало о росте академического интереса к проблеме регулирования труда.

В течение 1882–1900 гг. создавался базовый механизм реализации трудового законодательства, включавший:

1. Определение компетенций новых государственных учреждений,
2. Формирование структуры фабричной инспекции,
3. Введение первой системы страхования.

В период 1901–1914 гг. происходило дальнейшее развитие этих механизмов в условиях:

1. Рост промышленного производства,
2. Социальной нестабильности,
3. Ужесточения контроля со стороны государства.

Главным результатом систематизации фабрично-заводского законодательства стало принятие в 1913 году Устава о промышленном труде (УПТ), который носил инкорпорационный характер и представлял собой обобщение действующих правовых норм, регулирующих наемный труд. Важной особенностью данного акта являлась систематизация трудового законодательства, позволившая упорядочить и сконцентрировать основные правовые положения, касающиеся работы на фабриках и заводах, а также четко выделить ключевые институты трудового права.

Формирование системы советского трудового права: первые кодификации 1918 и 1922 годов.

После Февральской революции 1917 года в России активизировалась деятельность по реформированию трудового законодательства. Это было обусловлено революционным свержением самодержавия, изменением политического режима, усилением рабочего и профсоюзного движения, а также давлением революционных сил. Реформы в этой области в основном отражали требования рабочего движения и необходимость промышленного развития страны. Временное правительство предприняло ряд мер по либерализации трудовых отношений. Было заключено соглашение между Петроградским советом рабочих депутатов и обществом фабрикантов и заводчиков о введении 8-часового рабочего дня, а также 7-часового рабочего дня накануне воскресений без уменьшения заработной платы. В этот же период были созданы фабричные комитеты и примирительные

камеры, что позволило рабочим получить больше возможностей для защиты своих прав. В апреле 1917 года было принято постановление о собраниях и союзах, которое предоставляло гражданам право образовывать общественные объединения, если их деятельность не противоречила уголовным законам. 23 апреля было издано постановление «О рабочих комитетах в промышленных заведениях», а в августе — Положение о примирительных камерах и третейских судах, регулирующее процесс разрешения трудовых конфликтов. 25 августа было принято Положение о биржах труда, а 11 октября — постановление о запрете наложения денежных взысканий на рабочих по усмотрению администрации предприятий. В мае 1917 года было создано Министерство труда, которое должно было осуществлять надзор за безопасностью труда, регулировать трудовые споры и проводить реформу трудового законодательства. В составе министерства была сформирована комиссия, куда вошли представители рабочих, работодателей, профсоюзов, а также специалисты в области трудового права. Комиссия разработала проекты законов о трудовом договоре, коллективных соглашениях, стачках и внесла предложения по изменению Устава о промышленном труде. Однако предложенные реформы так и не были реализованы. Медленные и нерешительные преобразования не смогли существенно улучшить положение рабочих. После Октябрьской революции 1917 года советская власть провозгласила кардинальное изменение принципов организации трудовых отношений, сделав их основой новой социалистической экономики. Важнейшей задачей государства стало законодательное оформление трудовых прав рабочих и крестьян, что нашло отражение в первых советских декретах, а затем в принятом в 1918 году Кодексе законов о труде (КЗОТ). Это был первый в мире свод нормативных актов, регулирующих трудовые отношения в условиях социалистического строя. Его положения закрепляли всеобщую трудовую повинность, 8-часовой рабочий день, социальное обеспечение работников и активную роль профсоюзов в управлении трудовыми процессами.

В основу зарождающегося социалистического трудового законодательства впервые в истории были заложены принципы всесторонней охраны труда, сформулированные в первой Программе партии большевиков. В отличие от предшествующих правовых систем, которые ограничивались лишь частичным регулированием трудовых отношений, советская власть с первых дней своего существования провозгласила необходимость государственного контроля за условиями труда и защиты интересов трудящихся.

29 октября 1917 года, уже через три дня после установления советской власти, был издан первый декрет в сфере трудового законодательства — Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О восьмичасовом дне» [6]. Данный нормативный акт распространял свое действие «на всех лиц, занятых работой по найму, и на все пред-

приятия и хозяйства, независимо от их размера и от того, кому они принадлежат». Это стало первым шагом к обеспечению прав работников на справедливые условия труда и установлению государственного контроля за продолжительностью рабочего дня. Декрет о восьмичасовом рабочем дне стал основой для дальнейшего развития социалистического трудового законодательства. Значительная роль в регулировании трудовых отношений отводилась коллективному договору, который получил правовое закрепление в Положении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 июля 1918 года «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда». В этом акте регламентировалось содержание коллективного договора, включая порядок приема и увольнения рабочих, нормирование рабочего времени, а также оплаты труда работников с учетом их квалификации, сложности и тяжести выполняемой работы. Теперь о Кодексе законов о труде (КЗоТ) 1918 года:

Он был принят 10 декабря 1918 года и стал первым кодифицированным нормативным актом Советского государства, регулирующим трудовые отношения. Этот документ закрепил социалистические принципы трудового права и полностью отказался от норм дореволюционного законодательства. Кодекс вводил обязательность труда для всех трудоспособных граждан, устанавливало 8-часовой рабочий день и гарантировал социальные права рабочих [7].

Кодекс законов о труде 1918 года содержал следующие ключевые положения:

1. Введение всеобщей трудовой повинности, обязывающей всех граждан в возрасте от 16 до 50 лет работать в интересах государства. Это положение подчеркивало отказ советской власти от концепции свободного труда, свойственной капиталистическим странам.

2. Установление гарантированного права на труд, что означало, что безработица формально устранялась как социальное явление.

3. Введение коллективных договоров, регулирующих условия труда и оплаты, а также установление государственной системы нормирования труда.

4. Ограничение продолжительности рабочего дня — рабочее время не могло превышать 8 часов в сутки, за исключением отдельных отраслей (например, железнодорожного транспорта), где вводился 10-часовой рабочий день.

5. Обязательное социальное страхование всех работников за счет работодателя, включая страхование на случай болезни и производственных травм.

6. Запрещение использования детского труда, введение специальных норм защиты труда подростков и женщин

Следующим важным этапом в развитии трудового права стало принятие ВЦИК Кодекса законов о труде РСФСР 1922 года. Новый Кодекс, как и его предшественник 1918 года, был разработан с учетом политико-

экономических условий того времени, в частности, проводимой новой экономической политики (НЭП). Влияние НЭП существенно отразилось на целях и содержании этого нормативно-правового акта. КЗоТ 1922 года отменил систему трудовой повинности, характерную для периода военного коммунизма, и ввел трудовой договор как основную форму регулирования трудовых отношений. Одним из значимых нововведений стало право на создание трудовых артелей, что свидетельствовало о либерализации трудовых отношений.

Следующим этапом развития трудового законодательства стало принятие КЗоТ 1971 года, который закрепил сложившуюся систему социалистического регулирования труда, установил четкие правила трудовых правоотношений и систематизировал нормы, действовавшие на протяжении десятилетий. В этот период трудовое законодательство стало важнейшим инструментом обеспечения гарантированной занятости, охраны труда и социальной защиты работников, однако сохраняло жесткую централизацию и привязку к плановой экономике. Особое внимание в КЗоТ 1971 года было уделено труду женщин и несовершеннолетних. Были закреплены социальные гарантии для беременных женщин, кормящих матерей и женщин с малолетними детьми, а также защита прав несовершеннолетних работников. КЗоТ 1971 года стал итогом эволюции советского трудового права, объединив в себе все достижения в этой сфере на тот момент. Он закрепил обязанность трудиться, что позже было зафиксировано в Конституции РСФСР 1977 года

С конца 1980-х годов в СССР был взят курс на демократизацию политической системы, что повлекло за собой реформы социалистической экономики. В ноябре 1986 года и в мае 1988 года были легализованы частная предпринимательская деятельность и кооперативный сектор. Это привело к быстрому развитию частного бизнеса, но также дало толчок для расцвета теневой экономики. Политическая система также претерпела изменения: КПСС взяла курс на «социалистический реформизм», из Политбюро были удалены консервативные лидеры, а руководящие органы пополнились новыми людьми. С 1988 года начался рост числа неформальных политических групп, которые активно включились в общественную деятельность.

Эти политические изменения не могли не затронуть трудовое законодательство. В КЗоТ СССР были внесены значительные поправки:

основной формой трудового соглашения стал трудовой договор;

изменился порядок разрешения трудовых споров;

заключение коллективных договоров теперь регламентировалось федеральными законами. В 1989 году был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)», который впервые детально регулировал механизмы урегулирования трудовых конфликтов между работниками и работодате-

лями. Однако начало рыночных реформ привело к росту безработицы и отмене уголовной ответственности за бродяжничество и тунеядство, что вызвало острую необходимость законодательного регулирования рынка труда. В 1991 году был принят Закон РФ «О занятости населения», который стал первым актом, направленным на защиту безработных граждан, легализацию системы центров занятости и предоставление государственных гарантий в сфере трудоустройства.

Правовое регулирование труда в современной России: принципы и методы.

Современное трудовое право России является результатом многолетней эволюции, отражая как исторические традиции, так и современные тенденции регулирования трудовых отношений. В его основе лежат принципы, направленные на защиту прав работников, обеспечение справедливых условий труда и создание эффективных механизмов взаимодействия между работниками и работодателями. После распада СССР и перехода к рыночной экономике произошли значительные изменения в трудовом законодательстве, что потребовало пересмотра основополагающих принципов правового регулирования в сфере труда. Основными этапами развития трудового законодательства России стали принятие Конституции РФ 1993 года, закрепившей основные трудовые права граждан, и вступление в силу нового Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) в 2002 году, который объединил ранее действующие нормы и адаптировал их к условиям рыночной экономики.

В Конституции Российской Федерации заложены основные принципы трудового права, которые обеспечивают защиту прав работников и работодателей, а также устанавливают социальные гарантии и механизмы правового регулирования трудовых отношений.

В соответствии со статьей 37 Конституции РФ, труд в Российской Федерации свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен, за исключением случаев, установленных федеральным законодательством.

Согласно статье 2 Трудового кодекса РФ, основными принципами трудового права являются:

1. Свобода труда, включая право каждого гражданина на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается.

2. Запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда;

3. Запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда означает, что никто не может быть принужден к выполнению работы против своей воли, за исключением предусмотренных законом случаев.

4. Защита от безработицы и содействие в трудоустройстве; Защита от безработицы и содействие в трудоустройстве предусматривает, что государство должно обеспечивать гражданам возможность трудоустройства и поддерживать безработных.

5. Равенство прав и возможностей работников; Равенство прав и возможностей работников заключается в том, что каждый человек имеет равные возможности для получения работы, карьерного роста и профессионального развития, независимо от личных характеристик.

6. Обеспечение права на справедливые условия труда; Обеспечение права на справедливые условия труда включает в себя достойную заработную плату, соответствующую уровню квалификации и объему выполняемых обязанностей, а также обеспечение работников необходимыми ресурсами и комфортной рабочей средой.

Правовое регулирование труда в современной России основано на сочетании жестких государственных норм и гибких механизмов социального партнерства. Важную роль играет система методов правового регулирования, которая включает в себя императивный, диспозитивный, договорный, рекомендательный, стимулирующий и метод ответственности.

В современной России правовое регулирование труда осуществляется как государственными, так и негосударственными механизмами. Среди государственных механизмов важную роль играют федеральные органы власти, такие как Министерство труда и социальной защиты РФ, Роструд и судебная система. Государственная инспекция труда занимается проверками работодателей и применяет меры ответственности за нарушение трудового законодательства. Судебные органы и комиссии по трудовым спорам (КТС) рассматривают трудовые конфликты и обеспечивают защиту прав работников.

Негосударственные механизмы включают профсоюзы, объединения работодателей, а также третейские суды и медиацию. Профсоюзы представляют интересы работников, ведут переговоры с работодателями, заключают коллективные договоры и оказывают юридическую помощь. Объединения работодателей разрабатывают корпоративные стандарты регулирования труда и взаимодействуют с профсоюзами в рамках социального партнерства. В некоторых случаях трудовые споры разрешаются с участием независимых посредников без обращения в государственные суды.

Таким образом, правовое регулирование труда в современной России основано на сочетании жестких норм и гибких механизмов социального партнерства.

В заключение хочется сказать, что история формирования трудового законодательства России представляет собой сложный и многоуровневый процесс, развитие которого находилось под воздействием множества факторов — социально-экономических, политических, военных и административных. Эволюция правового регулирования трудовых отношений проходила через несколько ключевых этапов, начиная от норм, зафиксированных в «Русской Правде», до формирования специализированных фабричных законов и появления полноценного трудового законодательства в XIX–XX веках.

Литература:

1. Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. Правовое регулирование труда в Российской империи. — СПб., 1999. Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX — начало XX в.). — Ярославль, 2001. Лушников А. М., Лушникова М. В. Очерки теории трудового права. — СПб., 2006.
2. Оганесян Р. Г. Эволюция трудового законодательства в истории отечественного права // Вопросы трудового права. — 2021. — № 4. URL: <https://panor.ru/articles/evolyutsiya-trudovogo-zakonodatelstva-v-istorii-otechestvennogo-prava/66276.html#> (дата обращения: 30.01.2025).
3. Формирование законодательства о труде в XIX — начале XX веков // Файловый архив студентов. Нижегородский Государственный Университет им. Н. И. Лобачевского. URL: <https://studfile.net/preview/9943227/page:6/> (дата обращения: 30.01.2025).
4. Овчинникова Н. В., Артемов О. Ю., Овчинников С. А. Особенности регламентации порядка работы и норм поведения государственных служащих в эпоху Петра I // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2022. — № 2. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-17-28.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. — СПб., 1886. — Т. 2. — № 931.
6. Волкова О. История развития советского трудового законодательства: Учеб.пособ. — М.: ВЮЗИ, 1986.
7. Губжокова Л. А. Значение Кодекса законов о труде 1918 г. в становлении трудового права в России // Общество и право. 2006. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kodeksa-zakonov-o-trude-1918-g-v-stanovlenii-trudovogo-prava-v-rossii> (дата обращения: 30.01.2025).

Правовая политика Российской Федерации в области деофшоризации

Дзида Илья Васильевич, студент

Научный руководитель: Астахова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует законодательные методы борьбы Российской Федерации с выводом бизнеса российских резидентов в офшоры.

Ключевые слова: деофшоризация, репатриация, редоцимилляция.

Тенденции развития Российского законодательства в области регулирования международных экономических отношений в последние годы во многом сводятся к репатриации финансовых активов Российской Федерации и ее резидентов и в проведении «деофшоризации» российского бизнеса. В связи с этим, видится первое препятствие при раскрытии данной темы, а именно — отсутствие целостности понятийного аппарата в указанной сфере правоотношений.

Несмотря на активное использование термина «деофшоризация» в ряде документов федерального и международного значения (Министерства Экономического Развития РФ [1], Министерства Финансов РФ [2], Федеральной Налоговой Службы РФ [3]), в контексте экономической политики Российской Федерации, законодательно закрепленное определение данного понятия отсутствует по сей день. Сам термин «деофшоризация» стал активно применяться в России с 2013 года. Впервые определение этого понятия предложил российский эксперт в сфере международного налогового права Александр Захаров. По его словам, «деофшоризация» — это «проведение государством комплекса мероприятий в законодательной, право-

применительной и информационной областях для снижения или исключения вовлеченности в национальный хозяйственный оборот резидентов под видом иностранных лиц или с использованием иностранных правовых конструкций, преследующих преимущественно незаконные или недобросовестные цели.

В различных отраслевых документах «деофшоризация» употребляется в весьма узком смысле с целью обозначить совокупность мер, принимаемых каждым государственным органом в рамках своей юрисдикции. Например, в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике на 2021–2023 гг. [4] и 2022–2024 гг. [5] данный термин используется в рамках вопроса о совершенствовании политики налогообложения. Этот же документ, но на 2020–2022 гг. [6], применяет данный термин в контексте совершенствования политики по репатриации активов и редоцимилляции компаний в национальной юрисдикции, выражаемой в совокупности мер по стимуляции инвестиционной активности.

Для целей определения дефиниции «деофшоризации», более подходящим можно считать этот же документ за

2019–2021 гг.^[7]. Так, Министерством Финансов деофшоризация упоминается в качестве совокупности мер по обеспечению возврата российского капитала и сокращения его вывоза за рубеж. Минэкономразвития единодушно применяет термин «деофшоризация» для описания принимаемых мер по пресечению вывода средств из российской юрисдикции [8].

Ранее, термин «деофшоризация» использовался как мера, направленная на борьбу с уклонением от налогообложения, посредством ненациональных юрисдикций. [9]

Весьма удачно о данном процессе рассуждает С. Ю. Глазьев: «Осуществление суверенной денежно-кредитной политики невозможно без деофшоризации нашей экономики, т. е. без перевода конечными бенефициарами регистрации прав собственности на российские активы в российскую же юрисдикцию, возвращения капиталов в отечественные банки, прекращения использования офшоров» [10]. Из указанного подхода следует, что можно выделить преследуемые цели проведения данной политики:

1. Репатриация активов.
2. Борьба с уклонением от уплаты налогов, посредством офшорных юрисдикций.

В качестве одного из конкурентных достоинств офшорного бизнеса следует назвать низкую налоговую ставку, в частности, небольшие государства со слабой экономикой предлагают мизерные налоговые ставки для бизнеса, тем самым привлекая в свою юрисдикцию большой объем финансов, чем активно пользуются бизнесмены по всему миру, избегая, тем самым, высоких налогов, установленных в их государствах.

Соответственно, первостепенной задачей деофшоризации должно стать пресечение возможности использования офшоров для уклонения от уплаты налогов с целью снизить или прервать отток капитала из страны и повысить наполняемость бюджета за счёт тех средств, что могли уйти за рубеж [11].

Но более комплексный подход к решению ситуации с распространённостью офшоров предоставляет А. С. Кондукторов, а именно: «... данная задача обращена в будущее — к доходам, которые только предстоит подвергнуть налогообложению. Вместе с тем не следует забывать и об активах, уже находящихся за пределами РФ. Из этого закономерно следует, что процесс деофшоризации должен быть направлен и в прошлое — он также призван обеспечивать возвращение в РФ денежных средств, ранее размещённых на счетах компаний, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях».

В таком случае, видится необходимость в создании благоприятных условий, в которых безопасно инвестировать и аккумулировать капитал. Кондукторов полагает, что достижение успеха в этом начинании возможно при снижении валютных рисков.

Исходя из названных целей деофшоризацию можно определить, как организационный финансово-правовой процесс, обеспечивающий: недопустимость уклонения от

надлежащего налогообложения с использованием иностранных низконалоговых/безналоговых юрисдикций; репатриацию в РФ активов, контролируемых российскими бенефициарами; использование рубля в качестве валюты международных расчётов и средства накопления/сохранения капитала частными субъектами.

В данной связи видится необходимым определить основные векторы развития правовой политики Российской Федерации в отношении офшорного бизнеса в современных условиях:

1. Ликвидация возможностей для уклонения от налогов в офшорах.
2. Возвращение активов из-за рубежа.
3. Обеспечение привлекательности российской валюты.

В рамках реализации первого вектора, государственный регулятор проводит политику в области совершенствования соглашений об избежании двойного налогообложения, а также реализует инициативы ОЭСР о введении глобального минимального корпоративного налога.

В рамках первого механизма — совершенствования СИДН, Россия принимает меры по ликвидации причин использования данной системы с целью избежания налогообложения. Ключевой причиной в этом вопросе является положение о налогообложении трансграничных процентов, дивидендов и роялти не в государстве источника выплаты, а в государстве нахождения их получателя. Эта норма сконструирована ОЭСР в Модельной конвенции, которая является базисом для формирования СИДН, соответственно данное положение лежит в основе соответствующих двусторонних соглашений.

Государствами-участниками данного соглашения принимаются поправки, устанавливающие 15-ти процентный налог для резидентов одного государства на проценты, дивиденды и роялти, выплачиваемые резидентами другого государства — источника выплаты. В настоящий момент Россией заключено 45 СИДН из них 17 в соответствии с новыми рекомендациями ОЭСР [12].

Однако, в связи с этим возникает казус: Российская Федерация имеет множество договоров об избежании двойного налогообложения, при этом, использование СИДН было приостановлено в 38 юрисдикциях Указом Президента РФ от 08.08.2023 № 585. Но внесение изменений в межправительственные соглашения, для разрешения этой проблемы, видится возможным лишь при активном межправительственном взаимодействии

Кроме того, исполнение предписания ОЭСР может ударить по интересам добросовестных иностранных инвесторов, которые фактически переводятся в правовой режим двойного налогообложения со всеми негативными экономическими последствиями.

Второй целью политики по ликвидации возможностей для уклонения от налогов в офшорах является введение глобального минимального корпоративного налога — в соответствии с рекомендацией ОЭСР.

До 2022 года Российская Федерация сотрудничала с Организацией экономического сотрудничества и развития,

не являясь ее участником. В то время как МИД и МЭР выступали координаторами деятельности органов государственной власти по взаимодействию России и ОЭСР. Тем не менее, принимаемые этой организацией международно-правовые документы находят своё отражение в Российском правовом поле. Так, например, Россия присоединилась к «Statement on a Two-Pillar solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy»^[13]. В соответствии со вторым компонентом, участники стремятся выработать механизм определения эффективной налоговой ставки. Так, выработывается правило, при котором страна, являющаяся источником выплаты, уполномочивается обложить налогом доход нерезидента, находящегося в юрисдикции со ставкой налога на прибыль менее 15 процентов, таким образом, чтобы суммарная налоговая нагрузка составила 15 процентов. В глобальном масштабе эта норма приводит к усредненному общемировому налогу на прибыль в размере 15 процентов от прибыли.

В рамках реализации второго вектора развития правоотношений можно выделить последовательную политику по редомициляции, которая заключается в изменении юрисдикции компании, при котором сохраняется структура бизнеса и его внутренние и внешние отношения. Редомициляция в РФ осуществляется на основе Федерального закона РФ от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах».

В соответствии с определением А. С. Кондукторова, редомициляция — «это комплексный организационно-правовой процесс, предусматривающий смену национальной правовой принадлежности юридического лица (с иностранной на российскую), сопровождающуюся присвоением специфического статуса международной компании». [11].

Задумка законодателя в этом случае заключается в том, чтобы вызвать интерес у российских бенефициаров в возврате, выведенного за рубеж, капитала.

В рамках реализации третьего вектора деофшоризации производится разработка мер по обеспечению привлека-

тельности российской валюты. Инициатором выступает Центральный Банк Российской Федерации в документе «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов» изложены способы обеспечения безопасного и выгодного размещения активов в Российской Федерации, как указано в разделе 3, п. 4 «Банк России совместно с Правительством Российской Федерации и участниками рынка проводит активную работу с зарубежными регуляторами и участниками рынка, исходя из приоритета построения внешнеэкономической деятельности на рыночных принципах, в части финансового обслуживания деятельности, отдавая приоритет использованию российского рубля и других национальных валют в международных расчетах».

Данная мера имеет протекционистскую цель во внешнеэкономических отношениях резидентов Российской Федерации, которые, в настоящее время, не могут рассчитывать на надежность сохранности активов за пределами России. В дополнении к этому, привычные для международного оборота валюты, такие как доллар США и евро становятся менее актуальным для использования их в качестве офшорных валют [14].

Одним из действующих нормативно-правовых актов в этом векторе является Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа». Еще одна протекционистская мера в рамках политики укрепления благонадежности российской валюты.

Подводя итоги исследования проблемы, можно сделать вывод о всестороннем подходе законодателя к решению вопроса о деофшоризации российского бизнеса. Совокупность принимаемых мер направлена на создание приемлемых экономических условий для сохранения активов внутри страны, обеспечение безопасности собственности российских предпринимателей, повышение числа международных платежей в российской валюте как со стороны резидентов РФ, так и со стороны иностранного бизнеса.

Литература:

1. Торосов, И. Э. ожидаем к концу 2023 года 250 компаний в российских САР / И. Э. Торосов. — Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://economy.gov.ru/material/news> (дата обращения: 05.06.2025).
2. Сазанов, А. В. Минфин продолжит совершенствовать налоговый режим для дальнейшей деофшоризации российской экономики / А. В. Сазанов. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства Финансов Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://minfin.gov.ru/ru/press-center> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Что такое налоговый закон о деофшоризации?. — Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=131644 (дата обращения: 02.06.2025).
5. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=131644 (дата обращения: 25.05.2025).

6. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=131644 (дата обращения: 02.06.2025).
7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=131644 (дата обращения: 03.06.2025).
8. Письмо Минэкономразвития «Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших Минэкономразвития России, и принимаемых мер» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Основные направления налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов // СПС «КонсультантПлюс».
1. Информация о статусе международных договоров об избежании двойного налогообложения между Российской Федерацией и другими государствами по состоянию на 07.04.2025 (для информационных целей) / Information on the status of the Tax Agreements for the Avoidance of Double Taxation between the Russian Federation and other States as of 07.04.2025 (for information purposes). — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307315-info_rmatiya_o_statuse_mezhdunarodnykh_dogovorov_ob_izbezhanii_dvojnogo_nalogooblozheniya_mezhdu_rossiiskoi_federatsie_i_drugimi_gosudarstvami_po_sostoyaniyu_na_07.04.2025_dlya_informatsionnykh_tselei_information_on_the_status_of_the_tax_agreements_for_the_avoidance_of_double_taxation_between_the_russian_federation_and_other_states_as_of_07.04.2025_for_information_purposes (дата обращения: 03.06.2025).
2. Кондукторов А. С. Деофшоризация финансовой системы Российской Федерации: понятие, цели, актуальные направления реализации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 6. — С. 37–51
1. Глазьев С. Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013–2014 гг.) // Российский экономический журнал. 2013. № 3 С. 25.
2. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. — Текст: электронный // Официальный сайт OECD: [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации. — Текст: электронный // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ofnmarket/ (дата обращения: 01.06.2025).

Ограждение многоквартирного дома как способ реализации права введения ограничений пользования земельным участком

Дорошенко Ирина Викторовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает особенности законодательного регулирования права введения ограничений использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом (МКД). В контексте градостроительной политики и жилищных отношений возникает правовая коллизия, при которой реализация правомочий одних собственников (например, возведение ограждений, реконструкция общего имущества МКД) может ограничивать права других пользователей на благоприятную среду проживания.

Ключевые слова: земельный участок под многоквартирным домом, сервитут, ограждение многоквартирного дома, шлагбаум, решение об установлении пределов использования земельного участка под многоквартирным домом.

Рост городов — естественное следствие концентрации ресурсов, возможностей и человеческого капитала. Этот процесс, известный как урбанизация, стал характерной чертой современности: по данным ООН, к 2050 г. около 68 % населения Земли будет проживать в городах

[1]. Согласно тенденциям пространственного развития Российской Федерации, «население продолжает концентрироваться в относительно крупных городах и городских агломерациях при сокращении доли жителей малых городов, средних городов и сельской местности в населении

Российской Федерации. Данная тенденция обусловлена неравномерным развитием социальной инфраструктуры и иными условиями, влияющими на уровень и качество среды для жизни населения. Высокий уровень внутри-региональных социально-экономических различий приводит к оттоку населения из сельских населенных пунктов, малых и средних городов в административные центры субъектов Российской Федерации и городские агломерации» [2]. Увеличение темпов роста городской застройки обуславливает повышение плотности населения. В условиях дефицита земельных ресурсов в черте города часто возникают правовые споры, связанные с установлением пределов использования земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома. При установке ограждающих конструкций на придомовой территории возникает конфликт интересов: с одной стороны, жители многоквартирного дома хотят закрыть свою территорию от несанкционированного доступа третьих лиц, с другой стороны — ограничивается свобода передвижения других граждан. Особенно остро проблема проявляется в районах со старой застройкой, где дворы традиционно используются как проходные зоны. Закон разрешает собственникам благоустраивать свою территорию и устанавливать ограничения пользования земельным участком под многоквартирным домом, но на практике установка ограждений часто нарушает права соседей и других жителей. Например, перекрытие прохода через двор может создать неудобства для людей, которые годами пользовались этим маршрутом. Данный вопрос находит широкое отражение в современных юридических, градостроительных и управленческих исследованиях, что обусловлено его высокой социальной значимостью и наличием множества нерешенных правовых коллизий. В исследовании О. В. Вагиной и Т. В. Ширяевой проведен комплексный анализ института публичного сервитута, предоставляемый в целях прохода/проезда по территории земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом. Авторы обоснованно констатируют, что установление данного вида сервитута относится к исключительной компетенции органов публичной власти [3]. В рамках своей научной концепции О. А. Гусев предлагает принципиально новый подход к пониманию правового режима зон прохода и проезда, аргументируя необходимость их выведения за рамки классического сервитутного регулирования [4]. Проведенный анализ правовой литературы свидетельствует, что большинство ученых предлагают сервитут как основной инструмент регулирования вопросов проходов/проездов по территории многоквартирного дома. Однако существуют и другие правовые подходы к решению этих вопросов, которые также заслуживают внимания, особенно в контексте необходимости выработки единого подхода при изучении, преподавании и правоприменительной практике в земельно-имущественной сфере [5].

Согласно действующему законодательству Российской Федерации земельный участок, находящийся под много-

квартирным домом, на праве общей долевой собственности принадлежит собственникам помещений. Принятие решений о пределах использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в том числе введение ограничений пользования им, относится к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме [6]. Собственники помещений в МКД вправе определять порядок пользования общим имуществом, ограничивать доступ на придомовую территорию, устанавливая шлагбаумы и иные ограждающие конструкции. Решение вопроса об установке ограждения относится к компетенции общего собрания собственников помещений многоквартирных домов. Ограждение придомовой территории многоквартирного дома регулируется федеральными и региональными нормативными правовыми актами, Правилами благоустройства территорий муниципальных образований Российской Федерации. В Москве жители многоквартирных домов могут установить шлагбаум на придомовой территории в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства города Москвы от 02.07.2013 № 428-ПП «О порядке установки ограждений на придомовых территориях в г. Москве», в пределах общего имущества многоквартирного дома, т. е. на придомовой территории, границы которой определяются на основании требований земельного и градостроительного законодательства [7]. Важно подчеркнуть, с мая 2025 г. в Москве действует упрощенный порядок согласования установки шлагбаума [8]. Теперь для установки шлагбаума во дворе многоквартирного дома достаточно подать заявление через личный кабинет на официальном портале городских услуг. Сотрудники московского паркинга проверят возможность установки шлагбаума во дворе и подготовят схему размещения. После проведения голосования в приложении «Электронный дом», при согласии большинства жителей, «Московский паркинг» самостоятельно согласует схему размещения с городскими структурами. Данная процедура согласования позволяет значительно ускорить процесс согласования с органами исполнительной власти и минимизировать бюрократические процедуры. Таким образом, новый цифровой формат делает процесс более прозрачным и удобным для жителей.

Установка ограждающих устройств (заборов, шлагбаумов) обусловлена желанием жителей создать более комфортную и защищенную среду для жителей, предотвратить порчу элементов благоустройства (детских площадок, парковок, зон отдыха), необходимостью решения проблем на внутридомовых проездах (не относящихся к территориям общего пользования), ограничения сквозного движения автотранспорта через придомовую территорию многоквартирного дома, регулирования парковочного пространства. Подобные ограничительные меры, направленные на минимизацию несанкционированного доступа третьих лиц к частной территории, спровоцировали возникновение конфликтов относительно правомерности установленных ограждающих конструкций, о чем

свидетельствует многочисленная судебная практика [9, 15].

Анализ судебных решений по вопросам установленных ограждений позволил определить, что основными причинами обращений в суд являются препятствование проходу/проезду жителей, нарушение прав истцов, их арендаторов, посетителей, клиентов, контрагентов, увеличение транспортной нагрузки на смежные улицы, нарушение требований доступности среды и др. В большинстве случаев исковые требования предъявляются собственниками помещений соседних многоквартирных домов к органам исполнительной и муниципальной власти об установлении права ограниченного пользования земельным участком (сервитута) и о признании незаконными решений относительно монтажа или демонтажа ограждающих конструкций. При этом наблюдаются противоречивые позиции в судебных актах в вопросе обязательного согласования с органами власти проекта установки ограждающих устройств, отсутствует единообразие применения норм законодательства. В частности, в апелляционном определении СК по гражданским делам Брянского областного суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 33–1447/2019 установлено, что «отсутствие согласования проекта установки ограждения многоквартирного дома само по себе не может служить основанием для его демонтажа» [10]. Однако в определении Верховного суда РФ от 13 марта 2024 г. № 44-КАД23–19-К7 указано, что «установление металлического ограждения без соответствующих разрешений, в том числе на находящемся в собственности земельном участке, само по себе является основанием для признания данного ограждения самовольно установленным и незаконно размещенным движимым объектом» [11].

Процесс организации ограждения придомовых территорий многоквартирных жилых комплексов представляет собой сложную управленческую задачу, требующую соблюдения баланса между соблюдением интересов собственников недвижимости в многоквартирном доме и правом жителей на благоприятную и комфортную среду проживания. Решение проблемы регулирования установки ограждений территорий многоквартирных домов требует комплексного подхода.

Актуальность проблемы подтверждает опубликованное 4 марта 2025 г. письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской

Федерации № 5620-ОГ/04, что отражает переход проблемы из локальной в институциональную плоскость [12]. Отсутствие единого правового акта, регулирующего установку ограждающих конструкций, приводит к различному толкованию правовых норм, противоречивым судебным решениям по аналогичным делам [13, 16]. Совершенствованию законодательства по регулированию права введения ограничений пользования земельным участком, на котором расположен многоквартирный дом, возможно начать с внесением изменений в ЖК РФ, статью 36 дополнить пунктом о введении ограничений пользования таким земельным участком. С 2025 г. в России реализуется национальный проект «Инфраструктура для жизни», включающий федеральный проект «Региональная и местная дорожная сеть» [14]. Его ключевая задача — развитие дорожно-уличной сети в городах для повышения транспортной доступности. Особую актуальность этот проект приобретает в контексте современных тенденций благоустройства придомовых территорий — массовой установки ограждающих устройств на территории многоквартирных домов, что оказывает существенное влияние на внутриквартальные транспортные потоки. Как было сказано выше, установка ограждающих устройств на территории многоквартирного дома способствует появлению «тупиковых» зон, затрудняющих движение транспорта, увеличению протяженности маршрутов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости принятия единого правового акта, регулирующего порядок установления ограничений пользования земельным участком, на котором расположен многоквартирный дом. Принятие решения об установке ограждения и/или шлагбаума собственниками помещений многоквартирного дома прежде всего обусловлено стремлением ограничить несанкционированный доступ третьих лиц, в том числе с целью парковки, на территорию, поэтому в рамках реализации федерального проекта «Региональная и местная дорожная сеть» приоритетным направлением следует обозначить строительство дополнительных парковочных стоянок, планирование проездов и пешеходных связей с учетом ограждений многоквартирных домов, пересмотр схем организации дорожного движения по внутриквартальным проездам, а также строительство новых дорог и дублирующих проездов для компенсации возникших ограничений.

Литература:

1. 68% of the world population projected to live in urban areas by 2050, says UN // Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН). — URL: <https://www.un.org/ru/desa/68-world-population-projected-live-urban-areas-2050-says-un> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 17.05.2025).
3. Вагина, О. В. Правовые проблемы, связанные с обременением сервитутом земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом, для целей прохода и проезда / О. В. Вагина, Т. В. Ширяева // Бизнес, менеджмент и право. — 2024. — № 1. — С. 84.

4. Гусев, О. А. Право прохода и проезда в Санкт-Петербурге // Арбитражные споры. — 2019. — № 2. — С. 90.
5. Бородин, А. В. Развитие юридического и управленческого образования в имущественных отношениях / А. В. Бородин, И. А. Данилов // Право и образование. — 2023. — № 1. — С. 53–59. — EDN VRIBIS.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).
7. Постановление Правительства Москвы от 02.07.2013 № 428-ПП (ред. от 05.03.2024) «О Порядке установки ограждений на придомовых территориях в городе Москве».
8. Хотите установить шлагбаум во дворе? Отправьте заявку в Московский паркинг через Единый транспортный портал! // Московский транспорт. — URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/124547 (дата обращения: 26.05.2025).
9. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2020 № 88а-26000/2020 по делу № 2а-398/2019.
10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Брянского областного суда от 10.04.2019 по делу № 33–1447/2019.
11. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2024 № 44-КАД23–19-К7.
12. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 04.03.2025 № 5620-ОГ/04.
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2020 по делу № 33–4167/2020.
14. Постановление СФ ФС РФ от 27.11.2024 № 530-СФ «О национальном проекте „Инфраструктура для жизни“».
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.02.2025 по делу № 33–2547/2025 (УИД 77RS0017–02–2022–019879–53).
16. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.01.2021 по делу № 33–3462/2021.

Средства и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации

Думенко Виктор Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский экономический институт

Проанализированы средства и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Обращено внимание на особенности средств и способов защиты чести, достоинства и деловой репутации. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: средства защиты чести, достоинства и деловой репутации, способы защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Means and methods of protecting honor, dignity and business reputation

Dumenko Viktor Aleksandrovich, student master's degree
Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of law sciences, associate professor, head. department
Moscow Economic Institute

The means and methods of protecting honor, dignity and business reputation are analyzed. Attention is drawn to the specifics of the means and methods of protecting honor, dignity and business reputation.. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: means of protecting honor, dignity and business reputation, ways to protect honor, dignity and business reputation.

Для начала определимся, что под средством правовой защиты в исследовании понимается то, каким образом обладатель права добивается целей защиты. Применяемые средства зачастую обусловлены избранным способом защиты, поэтому носят вспомогательный характер. А способ — это то, какие конкретно действия субъект

предпринимает для достижения целей защиты. Способы защиты в рассматриваемом контексте стоит рассмотреть посредством классификации, так, в зависимости от участников способы бывают внесудебные, а именно:

1. направление администратору сайта в сети Интернет требования об удалении информации (на основании

пункта 5 статьи 152 ГК РФ), так, если администратор сайта мог определить недостоверность информации, то «на него не может быть возложена ответственность за отказ удалить соответствующую информацию до принятия судебного решения»;

2. направление операторам поисковых систем требований о прекращении выдачи ссылок в сети «Интернет» (в порядке части 2 статьи 10.3 Закона об информации): операторы систем могут добровольно прекратить выдачу ссылок, при этом обязаны прекратить выдачу ссылок только на основании решения суда, поскольку оператор вправе ответить на такое требование, направив мотивированный отказ от исполнения его требований, который может быть обжалован в суд;

3. обращение в прокуратуру с требованием об ограничении доступа к информации в сети «Интернет» (на основании статьи 15.3 Закона об информации);

4. обращение в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, если в результате таких действий был причинен вред чести, достоинству или деловой репутации.

И судебные, среди которых выделяют следующие способы:

1. иск о признании информации не соответствующей действительности, порочащей деловую репутацию компании, о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, и компенсации морального вреда;

2. иск о прекращении выдачи ссылок, однако при этом обязателен досудебный порядок урегулирования спора в виде обращения с требованием к оператору поисковой системы в сети «Интернет», при этом необходимо учитывать требования статьи 222 ГПК РФ и статьи 148 АПК РФ, согласно которым в требовании следует перечислить все ссылки, выдачу которых необходимо запретить, поскольку включить новые ссылки в иск будет невозможно;

3. заявление в порядке особого производства о признании информации, распространенной в сети «Интернет», информацией, распространение которой запрещено.

Новыми способами защиты чести, достоинства и деловой репутации для российского законодательства являются удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений, поэтому стоит обратить внимание на некоторые аспекты их реализации.

К условиям реализации удаления информации, пресечения или запрещения дальнейшего распространения сведений как способов защиты чести, достоинства и деловой репутации нужно отнести:

— ряд общих условий для статьи 152 ГК РФ, рассмотренных выше — наличие факта распространения порочащих, не соответствующих действительности сведений и прочее;

— сведения стали широко известны, что является оценочной категорией и определяется, исходя из судейского усмотрения;

— опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, иными словами, неэффективность опровержения иными способами;

— причинно-следственная связь между перечисленными условиями.

Перейдем к рассмотрению разграничения этих способов защиты, поскольку, ввиду наличия такого общего способа защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, содержащийся в статье 12 ГК РФ, они могут выглядеть слишком схожими: пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений, в отличие от удаления соответствующей информации, подразумевает определенный законодателем механизм реализации: изъятие и уничтожение происходит без компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно. Пресечение дальнейшего распространения сведений, таким образом, представляет собой создание условий, чтобы спорные сведения больше не распространялись. А под запрещением дальнейшего распространения сведений понимается возложение на лицо обязанности больше не распространять спорные сведения. В то время как удаление информации — это ее уничтожение в целях невозможности ознакомления с ней. В зависимости от конкретного случая, удаление информации возможно с помощью типографского ретуширования предложения, чтобы с его содержанием невозможно было ознакомиться, или удаление спорной информации со страницы сайта в сети «Интернет» или книги. При этом вызывает дискуссии вопрос об удалении части информации или всей в рамках произведения: Д. А. Григорьев пишет, что «верным подходом будет удаление телепрограммы в целом, поскольку удаление части информации из программы нарушало бы интеллектуальное право автора телепрограммы, которая является объектом авторского права, на неприкосновенность авторского произведения, закрепленную статьей 1266 ГК РФ» [1, с. 94]. О. Ш. Аюпов же считает, что это зависит от того, как именно спорные сведения найдут свое отражение в информации, от чего будет в свою очередь зависеть эффективность метода удаления: «Если сведения, к примеру, выразятся в конкретных фразах и словах, то проблема разрешится весьма просто. Достаточно будет удалить такие словесные конструкции. Если же сведения выходят не напрямую, а из смысла всей информации, то она подлежит удалению в необходимых пределах. В частности, если такой информацией является текст статьи, размещенной на сайте в сети Интернет, то может быть удален весь текст или его часть (абзац, раздел и т. д.)» [2, с. 95]. Практика же разделяет точку зрения О. Ш. Аюпова, например, часто в решениях можно найти формулировки, обязывающие удалить определенную часть произведения: «обязать ... удалить из телепрограммы ... сведения ..., на-

чиная с 12 мин. 37 сек. до 13 мин. 26 сек., начинающиеся с фразы ... и заканчивающиеся фразой ...» [3].

Есть также нюансы и в вопросе разграничения таких способов, как удаление соответствующей информации (пункт 4 статьи 152 ГК РФ) и удаление информации в Интернете (пункт 5 статьи 152 ГК РФ), что можно увидеть при рассмотрении условий их реализации:

— для реализации удаления информации в Интернете широкая известность сведений необязательна в отличие от удаления соответствующей информации;

— при удалении информации в Интернете информация должна оказаться после ее распространения доступной в сети, однако есть случаи, когда спорные сведения оказались после их распространения доступными в Интернете, а потом стали широко известны, в связи с чем опровержение невозможно довести до всеобщего сведения — представляется, что корректным будет применение нормы пункта 4 статьи 152 ГК РФ, поскольку изначально имело место действие-основание данного пункта.

Можно заключить, что в случае удаления соответствующей информации уничтожается сама информация, содержащая спорные сведения, а не экземпляры материальных носителей, а механизм реализации данного способа защиты отсутствует, в отличие от пресечения или запрещения. А отличие между пресечением и запрещением фактически отсутствует, поскольку запрещение можно рассматривать в качестве разновидности пресечения. Вторым выводом по итогам рассмотрения способов защиты чести, достоинства и деловой репутации следует назвать то, что, как и по общему правилу, внесудебные способы следует рассматривать скорее, как факультативные, поскольку основными способами защиты считаются судебные.

Применительно к средствам защиты чести, достоинства и деловой репутации можно выделить следующие особенности для выявления разницы между способом и средством защиты чести, достоинства и деловой репутации:

1. имеют специально-юридическую природу, поскольку базируются на нормах права, применение которых влечет правовые последствия, при этом зависят от конкретных обстоятельств дела;

2. инструмент восстановления нарушенного права;

3. обусловлены особенностями применимого судебного способа защиты;

4. в отличие от способов защиты имеют динамический характер, поэтому реализуются в основном в рамках процессуальной формы.

Литература:

1. Григорьев Д. А. Защита деловой репутации компании. Новые возможности ГК РФ // Арбитражная практика. 2013. № 12. С. 94–97.
2. Аюпов О. Ш. Модернизация статьи 152 ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 90–95.
3. Решение АС Кемеровской области от 18 сентября 2013 г. по делу № А27–3840/2013 // СПС «Консультант Плюс».

В настоящее время не только суды рассматривают споры, касающиеся защиты чести, достоинства и деловой репутации — наравне с этим существует механизм урегулирования таких случаев с помощью медиации. Опыт урегулирования и разрешения споров показал, что не существует единого способа достижения компромисса: в Древней Греции стороны могли требовать частных слушаний, а в Китае стороны иногда использовали посредника, чтобы помочь им прийти к решению, которое бы урегулировать спор. В некоторых средневековых европейских монархиях король решал исход разногласий между двумя враждующими подданными. Иными словами, медиация (или ее протомодели) используется с тех пор, как существуют конфликты, но, как правило, до недавнего времени она ограничивалась местными (коммерческими) спорами. Однако развитие глобального рынка и спрос на еще более быстрые, менее дорогие и менее состязательные процедуры разрешения споров привели к новому использованию медиации, а именно в связи с защитой чести, достоинства и деловой репутации. В правовой системе РФ процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Важной для понимания этой процедуры в рамках РФ является Справка о практике применения ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», утвержденная Президиумом ВС РФ 6 июня 2012 г. на основании анализа судебной практики, из данного документа следует, что к категории дел о защите деловой репутации применяется медиация преимущественно в ходе рассмотрения их в АС. Перспектива использования медиативных процедур достаточно широка. На настоящий момент процедура медиации может использоваться при рассмотрении споров, возникающих из гражданских правоотношений (в частности, с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности), а также из семейных, трудовых правоотношений. Положительным представляется расширение спектра случаев применения такого вида примирения, как медиация, по отношению к защите чести, достоинства и деловой репутации ввиду того, что, во-первых, в перечень урегулирования посредством медиации добавляются споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, что соответствует межотраслевому характеру рассматриваемых явлений, и, во-вторых, ввиду наличия обязательного внесудебного порядка по некоторым категориям дел, что говорит об эффективности этого вида способов.

К вопросу о мерах гражданской процессуальной ответственности

Евлампыева Алина Владимировна, студент магистратуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор исследует меры гражданской процессуальной ответственности, их классификацию и отличие от иных мер, которые применяются в гражданском процессе (например, от мер защиты). Автором проведен сравнительно-правовой анализ мер гражданской процессуальной ответственности в российской правовой системе и правовых системах зарубежных стран.

Ключевые слова: юридическая ответственность, меры гражданской процессуальной ответственности, меры защиты, судебный штраф.

О. С. Иоффе [7] писал, что не все санкции можно рассматривать в качестве меры ответственности, поскольку санкция не всегда связана с лишениями, которые вынужден претерпевать нарушитель. Действительно, для того чтобы выступать в качестве меры юридической ответственности (в нашем случае — гражданской процессуальной ответственности), санкция должна предполагать либо возложение дополнительных обязанностей на нарушителя, либо лишения его субъективных прав (материального характера), применяться исключительно в процессе рассмотрения дела в суде и быть предусмотренной действующим процессуальным законодательством.

Для того, чтобы определить перечень мер, которые можно отнести к мерам гражданской процессуальной ответственности, обратимся к юридической доктрине. М. Л. Гальперин указывает на то, что единственной мерой гражданской процессуальной ответственности, предусмотренной действующим процессуальным законодательством (ГПК РФ и АПК РФ), является судебный штраф [3].

Согласно позиции Е. В. Чукловой [14], меры гражданской ответственности можно разделить на имущественные и неимущественные. К первой группе относятся, непосредственно, меры, предусмотренные ст.ст. 99 ГПК РФ, 111 АПК РФ, ч. 2 ст. 284 ГПК РФ, ч. 2 ст. 319 ГПК РФ, то есть все санкции, которые предполагают взыскания имущественного характера с лица, совершившего гражданское процессуальное нарушение. К таким санкциям относятся судебные штрафы, компенсация за потерю времени, отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, и т. д. К неимущественным мерам ответственности автор относит предупреждения, которые выносит суд нарушителям порядка в судебном заседании, удаление из зала судебного заседания, то есть все санкции, которые содержатся в ст.ст. 159 ГПК РФ и 154 АПК РФ. В другой работе Е. В. Чукова относит к мерам гражданской процессуальной ответственности также и уплату исполнительского сбора [13].

Аналогичной классификации придерживается и А. В. Цихоцкий [15]. Отличим его позиции от позиции Е. В. Чуковой является то, что к мерам имуще-

ственной ответственности он не относит судебные расходы. В литературе можно встретить предложения [11] о расширении перечня мер ответственности, предложенного А. В. Цихоцким, включением в данный перечень взыскания судебных расходов за недобросовестное поведение в процессе.

Ряд ученых в качестве мер гражданской процессуальной ответственности выделяют только две меры — взыскание компенсации за фактическую потерю времени и судебный штраф [6].

В изучении вопроса относительно того, что мы можем отнести к мерам ответственности следует обратить внимание на то, что в институте гражданской процессуальной ответственности невозможно найти санкции, которые были бы заимствованы из других отраслей права [9]. То есть меры ответственности, которые принадлежат исключительно институту гражданской процессуальной ответственности, не могут носить гражданско-правового или административно-правового характера, вопреки мнению ряда ученых [10].

Следует также проводить четкое разграничение между мерами ответственности и иными мерами (защиты и пресечения) государственного принуждения, которые могут применяться в гражданском процессе в качестве санкции. Когда судом применяются иные меры государственного принуждения, он не возлагает на нарушителя дополнительных обязанностей или ограничивает его субъективные права: наоборот, суд, применяя такие меры, побуждает лицо надлежащим образом исполнить его процессуальные обязанности. С мерами ответственности, на наш взгляд, подобные меры не имеют ничего общего.

Что представляют из себя меры защиты? Прежде всего приведем позицию В. В. Бутнева, который отмечает, что «поскольку предупреждение не связано ни с лишением процессуальных прав, ни с возложением дополнительных обязанностей, то его следует относить к мерам гражданской процессуальной защиты» [2]. Действительно, меры гражданской процессуальной защиты направлены на восстановление нарушенного правопорядка, применяются в случае несоблюдения лицом установленной процессуальной формы и влияют на форму гражданского процесса в целом. Меры защиты воздействуют на лицо

с целью принуждения его к исполнению им установленным процессуальным законом обязанностей, причем такое лицо не обязательно выступает именно в качестве правонарушителя. Меры ответственности, в свою очередь, направлены на возложение дополнительной обязанности на лицо, допустившее нарушение, они применяются при наличии правонарушения. Соответственно, мы разделяем меры защиты и меры гражданской процессуальной ответственности, поскольку по своей правовой природе, а также по воздействию на нарушителя и на сам процесс в целом они имеют существенные различия. Вопрос соотношения мер защиты и мер ответственности полноценно рассмотрен в работе И. А. Табак и А. Г. Бояркиной [12].

Данный вопрос интересен также и в сравнительно-правовом аспекте. Например, в гражданском судопроизводстве Китая принудительный привод ответчика в судебное заседание в случае его двукратной неявки в суд без уважительной причины является мерой гражданской процессуальной ответственности [5], а не мерой защиты.

Достаточно обширный перечень мер гражданской процессуальной ответственности представлен в законодательстве иностранных государств. В китайском гражданском судопроизводстве присутствуют меры гражданской процессуальной ответственности, которые либо отсутствуют в соответствующих процессуальных кодексах России, либо они относятся к мерам защиты. Например, за нарушение порядка в судебном заседании лицо может быть подвергнуто порицанию. Примечательно, что в гражданском судопроизводстве Китая меры, применяемые к нарушителям в гражданском процессе, могут носить не только имущественный, но и личный характер, что не свойственно российской правовой действительности. Так, например, за ряд действий, не образующих состава преступления, суд может подвергнуть участника процесса аресту: например, за воспрепятствование рассмотрению дела, нарушение порядка в зале судебного заседания, оскорбление, клевету, невыполнение вступившего в законную силу решения или определение суда [5]. При этом, исходя из содержания Гражданского процессуального кодекса Китая, арест является самой суровой мерой гражданской процессуальной ответственности, и он может налагаться в ситуациях, когда нарушение носит существенный характер и связано с применением насилия, угрозы, подстрекательства и т. п., без признаков уголовно-наказуемого деяния.

Интересным также представляется изучение мер гражданской процессуальной ответственности в Англии. Так, гражданскому процессу Англии также свойственен штраф как мера ответственности за процессуальные нарушения. Кроме того, за невыполнение требований суда в Англии к нарушителю могут быть применены такие меры ответственности, как тюремное заключение и конфискация имущества (имущество может быть конфисковано как у физических, так и у юридических лиц) [16].

Например, в деле *Lexi Holdings plc v Shaid Luqman* [2008] лицо было подвергнуто тюремному заключению на 18 месяцев за непредоставление доказательств и совершение действий вопреки наложенному запрету суда [17]. Примечательно, что данные меры являются принудительными мерами, которые применяются к сторонам за неисполнение их законных процессуальных обязанностей, то есть являются мерами гражданской процессуальной ответственности. К ответственности могут быть также привлечены лица, не являющиеся сторонами в гражданском процессе, если они проявляют тем или иным образом неуважение к суду.

Отдельный раздел, посвященный мерам процессуального воздействия, закреплен в новом Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь, который вступит в силу с 01.01.2026 [8]. Например, в качестве мер гражданской процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами возможно (ст. 123): ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова; предупреждение; удаление из зала судебного заседания; привод; возложение судебных расходов на недобросовестных участников гражданского судопроизводства. При этом такие меры, как ограничение выступления (ст. 125) и удаление из зала судебного заседания (ст. 126) применяются к лицам, нарушающим порядок судебного заседания. Привод является мерой ответственности, применяемой к сторонам и иным участникам гражданского судопроизводства в случае неявки ими в судебное заседание без уважительной причины (ст. 127).

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно природы и системы мер гражданской процессуальной ответственности. Во-первых, в российской правовой системе к мерам процессуальной ответственности следует относить только те санкции, которые:

- 1) связаны с возложением дополнительных обязанностей или лишением субъективных прав материального характера;
- 2) применяются исключительно в рамках судебного процесса;
- 3) прямо предусмотрены нормами процессуального законодательства.

Во-вторых, среди ученых отсутствует единое мнение относительно перечня таких мер. Если одни исследователи (М. Л. Гальперин) ограничивают их только судебным штрафом, то другие (Е. В. Чуклова) включают в этот перечень и иные имущественные взыскания. При этом принципиально важно разграничивать меры ответственности и меры защиты.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ демонстрирует существенные различия в подходах к процессуальной ответственности в разных правовых системах. Если в России преобладают имущественные санкции, то в китайском и английском гражданском процессе допускаются более строгие меры, включая лишение свободы.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: от 24.07.2002 № 95-ФЗ в редакции от 01.04.2025]. — СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность: монография / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1999. — 62 с.
3. Гальперин, М. Л. Гражданский процесс. Ответственность в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для вузов / М. Л. Гальперин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 196 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: от 14.11.2002 № 138-ФЗ в редакции от 01.04.2025]. — СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. / под ред. С. А. Халатова. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — 144 с.
6. Иванников, А. И. Меры ответственности в Российской цивилистике / А. И. Иванников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2017. — № 4(31). — С. 29–30.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. М.: Юридическая литература, 1975. — 880 с.
8. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь. 11 марта 2024 г. № 359-З. Принят Палатой представителей 31 января 2024 г. Одобрен Советом Республики 19 февраля 2024 г. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&rp0=Nk2400359> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Кузнецов Н. В., Новиков А. Г. Некоторые вопросы гражданской процессуальной ответственности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2002. № 2. С. 12–14.
10. Нохрин Д. Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2006. — 29 с.
11. Путилова, О. С. Теоретические проблемы гражданской процессуальной ответственности в Российской Федерации / О. С. Путилова, А. А. Жуков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — Т. 6, № 1. — С. 90–93.
12. Табак И. А., Бояркина А. Г. Ответственность в гражданско-процессуальном праве в контекстуальности видов юридической ответственности // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 597–602.
13. Чуклова, Е. В. Меры гражданской процессуальной ответственности / Е. В. Чуклова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 4(19). — С. 120–122.
14. Чуклова Е. В. О понятии, признаках и мерах гражданской процессуальной ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-priznakah-i-merah-grazhdanskoj-protsessualnoj-otvetstvennosti> (дата обращения: 07.03.2025).
15. Цихоцкий А. В. Процессуальное принуждение в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-prinuzhdenie-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 07.03.2025).
16. Эндрюс, Нил. Система гражданского процесса Англии: судеб. разбирательство, медиация и арбитраж / Нил Эндрюс; пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина; Кембриджский ун-т. — М.: Инфотропик Медиа, 2012.
17. Lexi Holdings Plc v Shahid Luqman (2008). URL: <https://vlex.co.uk/vid/lexi-holdings-plc-v-793744341> (дата обращения: 12.03.2025).

Совместное завещание супругов: понятие, сущность, зарубежный опыт проблемы правоприменения

Житенёв Дмитрий Андреевич, студент

Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Практика применения супружеских совместных завещаний сталкивается с рядом проблем, которые требуют дополнительного исследования и изучения. Как сравнительно новое явление в российском законодательстве, институт совместного завещания продолжает формироваться, что подчеркивает актуальность проблем, связанных с его использованием для распоряжения имуществом и имущественными спорами. Исследование фокусируется на проблемах, связанных с совместным владением имуществом супругами, анализируются судебная практика в части отмены совместного завещания супругов после расторжения брака.

Автором предлагаются оптимальные варианты совершенствования существующих правовых норм, обозначается необходимость пересмотра статьи 1118 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: совместное завещание супругов, завещание, наследственная масса, наследник, наследодатель, имущество, имущественные права.

Вступление нового правового института «совместное завещание супругов» в отечественное наследственное право произошло с принятием Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ, которым были дополнены ст. 256 ч. 1 и ч. 3 ГК РФ [1]. Спустя несколько лет после законодательного нововведения можно говорить о его востребованности: по данным нотариальной статистики, за 2024 г. число удостоверенных совместных завещаний превысило показатель аналогичного периода 2023 г. на 23 %. Российский законодатель позаимствовал эту конструкцию из зарубежной практики. Она давно и успешно применяется в ряде континентально-европейских стран (Италия, Австрия, Германия и др.), а также в государствах со смешанной или англосаксонской системой права (США, Англия). Например, в Германии соответствующие положения содержались уже в редакции Гражданского уложения 1899 г. и до сих пор остаются базой для многих правоприменительных актов Западной Европы. Германское право знает различные разновидности совместной диспозиции на случай смерти супругов: собственно совместные, взаимозависимые и взаимные завещания.

В Италии, в отличие от Австрии и Германии, институт совместного завещания категорически запрещен. Это положение закреплено в Гражданском кодексе Италии (Codice Civile), в частности, в статье 589, которая гласит: «Завещание является односторонним актом, который не может быть совершен совместно двумя или более лицами в одном и том же документе, ни в пользу друг друга, ни в пользу третьих лиц» [4, с. 105].

Основания для такого запрета уходят корнями в стремление законодателя обеспечить полную свободу завещателя при распоряжении своим имуществом. Считается, что совместное завещание может оказывать неправомерное влияние на волю одного из завещателей со стороны другого, тем самым ограничивая его свободу выбора и возможность изменения завещания в будущем. Итальянское право отдает приоритет принципу *revocabilità del testamento*, то есть возможности отмены или изменения завещания в любой момент жизни завещателя. Совместное завещание, по мнению итальянских юристов, создаёт проблемы связанности воли и препятствует реализации этого принципа.

В области итальянского законодательства, любые соглашения о наследовании, включая те, которые заключаются между супругами, рассматриваются как *nulli* (ничтожные). Целью данного подхода является защита личной автономии и недопущение ситуаций, когда наследственные права становятся предметом договорных обязательств.

В отличие от Италии, австрийское право допускает совместные завещания, но с существенными ограничениями. Наиболее распространенным и допустимым

видом совместного завещания в Австрии является супружеское совместное завещание (*Ehegattentestament*).

Согласно австрийскому Гражданскому кодексу (*Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch, ABGB*) [2], супруги имеют право составить совместное завещание, в котором они взаимно назначают друг друга наследниками. Такое завещание, как правило, включает в себя положения о том, кто станет наследником после смерти пережившего супруга (*Nacherbe*). Это может быть общий ребенок, другой родственник или третье лицо.

Важным аспектом австрийского права является то, что супружеское совместное завещание, после смерти одного из супругов, становится *irrevocabile* (безотзывным) для пережившего супруга в отношении положений, касающихся назначения *Nacherbe*. Это означает, что переживший супруг не может изменить завещание в части, касающейся наследника после его смерти, если иное не было предусмотрено в самом завещании.

Допустимость супружеского совместного завещания в Австрии основана на признании особой близости и доверия между супругами. Законодатель полагает, что в рамках брака совместное планирование наследства является естественным и оправданным, но при этом необходимо обеспечить защиту интересов наследников и предотвратить злоупотребления.

Германское наследственное право (*Erbrecht*) занимает промежуточное положение между итальянским и австрийским, предлагая более гибкий подход к институту совместного завещания. Германия допускает не только супружеские совместные завещания (*gemeinschaftliches Testament von Ehegatten*), но и, в определенных случаях, совместные завещания между зарегистрированными партнерами (*eingetragene Lebenspartner*).

Наиболее распространенной формой является так называемое «берлинское завещание» [3] (*Berliner Testament*), которое аналогично супружескому совместному завещанию в Австрии. В берлинском завещании супруги взаимно назначают друг друга единственными наследниками, а после смерти пережившего супруга наследниками становятся их общие дети.

Ключевым аспектом германского права является различие между связующими (*bindende*) и не связующими (*nicht bindende*) положениями в совместном завещании. Связующие положения, как правило, касаются назначения наследников после смерти пережившего супруга и не могут быть изменены пережившим супругом после смерти первого супруга. Не связующие положения, напротив, могут быть изменены пережившим супругом.

Германское право также предусматривает возможность расторжения совместного завещания при жизни обоих супругов. Расторжение может быть осуществлено путем составления нового совместного завещания или

путем одностороннего заявления, которое должно быть нотариально заверено и вручено другому супругу.

Таким образом, институт совместного завещания демонстрирует значительные различия в своем применении в Италии, Австрии и Германии. Италия полностью запрещает совместные завещания, отдавая приоритет принципу абсолютной свободы завещателя. Австрия допускает супружеские совместные завещания, но ограничивает возможность их изменения после смерти одного из супругов. Германия предлагает наиболее гибкий подход, допуская различные формы совместного завещания и предусматривая механизмы для их расторжения или изменения.

Эти различия отражают различные подходы к балансу между свободой завещания, защитой интересов наследников и признанием специфики семейных отношений. Таким образом выбор той или иной модели законодательного регулирования совместного завещания является комплексной задачей зависящей как от специфики правовой системы, так и особенностей каждого государства.

Для России институция ещё «молода», что обуславливает появление практических вопросов, вызванных как лакунами законодательства, так и отсутствием накопленного опыта. Ниже рассмотрены ключевые проблемы применения совместных завещаний и даны возможные рекомендации по их разрешению.

Понятие, субъекты и свобода распоряжения

Совместное завещание представляет собой взаимозависимое волеизъявление супругов относительно судьбы принадлежащего им имущества после смерти одного из них. Составить такой документ могут только лица, состоящие в зарегистрированном браке (п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Расторжение или признание брака недействительным — как при жизни, так и посмертно — прекращают действие завещания. Супруги вправе:

- назначить наследниками друг друга и/или иные лица;
- предусмотреть подназначение наследников, завещательные отказы, возложения, исполнителя завещания;
- включить в круг наследников как граждан, так и юрлиц либо публично-правовые образования.

При этом совместное завещание не может быть закрытым и не составляется в чрезвычайном порядке, что объясняется его переговорным характером. Вопрос: допустимо ли оформление такого завещания, если оба супруга находятся, к примеру, в больнице или пенитенциарном учреждении? Ряд авторов считает целесообразным расширить законодательство и на эти случаи.

Стоит отметить, что расторжение брак не влияет на отмену совместного завещания заключенного до расторжения брака. Указанное подтверждается судебной практикой В определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2024 N 88–31231/2024 отмечается «из буквального толкования условия завещания,

воля наследодателя И. в момент его составления была направлена на завещание всего принадлежащего ему имущества М. вне зависимости от расторжения брака между ними в будущем, таких условий завещание не содержит, в последующем завещание не было отменено или изменено в порядке ст. 1130 Гражданского кодекса Российской Федерации длительное время, новое завещание не составлялось, в связи с чем является действующим, порождает права и обязанности, связанные с наследованием, а М. является наследником имущества И. по завещанию» [5].

Односторонняя или двусторонняя сделка

По смыслу п. 5 ст. 1118 ГК РФ завещание — односторонняя сделка, для совершения которой достаточно воли одного лица. Однако совместное завещание объективно формируется двумя сторонами, поэтому предлагается внести уточнение: «Завещание является односторонней сделкой, за исключением совместного завещания супругов, которое создаёт права и обязанности после открытия наследства».

Право пережившего супруга на отмену

Сегодня переживший супруг вправе в любой момент после смерти второго супруга отменить совместное завещание и оформить персональное (единичное). Опасение вызывает возможность нивелировать последнюю волю умершего и ущемить права его наследников. Типичен пример, когда вдовец/вдова вступает в новый брак, аннулирует прежний акт и делает наследниками детей нового партнёра. Зарубежные решения:

- Германия: имущество, вошедшее в совместное завещание, считается обременённым и может перейти только назначенному наследнику.
- Англия: изменить или отменить совместное завещание можно лишь при жизни обоих супругов; со смертью одного наступает «мораторий» на любые коррективы.

Поэтому до появления негативной судебной практики предлагается закрепить аналогичный запрет в абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ, изложив его так: «Один из супругов может в любое время, но только до смерти другого супруга, совершить последующее завещание либо отменить совместное завещание супругов».

Обязательная доля

В случае, если у умершего супруга имеются лица, претендующие на обязательную долю, возникает коллизия: наследственная масса фактически определяется лишь после смерти обоих супругов. Нотариусу придётся выделять обязательную долю «вперёд», тогда как имущественная ситуация ко времени смерти пережившего супруга изменится. Риск усугубляется свободой отмены

завещания вдовцом/вдовой, что может лишить таких наследников гарантированной доли.

Тайна завещания

По ст. 1123 ГК РФ тайна завещания защищает волеизъявление наследодателя. Однако после смерти одного из супругов лишённые наследства лица вправе знакомиться с наследственным делом и оспаривать документ. Если спор дойдёт до суда, фактическое содержание завещания станет публичным, и обеспечить сохранение тайны окажется затруднительно.

Недостойные наследники

Проблема: действия претендента могут сделать его недостойным наследником относительно одного из су-

ругов, но не другого (ст. 1117 ГК РФ). Поскольку наследственная масса формируется после смерти обоих, возникает практическая сложность: как квалифицировать такого лица в отношении общего имущества пары?

Совместное завещание супругов показывает высокий потенциал и интерес со стороны граждан. Его дальнейшее развитие требует чёткого разграничения односторонних и двусторонних наследственных сделок; запрета отмены завещания пережившим супругом после смерти второго супруга; законодательного механизма учёта обязательной доли при «разнесённом» во времени открытии наследства; дополнительной защиты тайны завещания; ясного алгоритма признания наследника недостойным по отношению к обоим супругам.

Такие меры позволят устранить выявленные пробелы и укрепить доверие граждан к новой правовой наследственной конструкции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496. — Текст: непосредственный.
2. Всеобщий гражданский кодекс Австрии» от 01.06.1811(с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) // Всеобщий гражданский кодекс Австрии- М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 103. — Текст: непосредственный.
3. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. — 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII — XIX, 1–715. — Текст: непосредственный.
4. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права /Д. В. Лоренц — Текст: непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 105–129.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2024 N 88–31231/2024 — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJO11&n=198377#MTJzklUwZE1LNxlI1> (дата обращения: 20.05.2025).

Институт наследственного договора: анализ российского и зарубежного законодательства

Житенёв Дмитрий Андреевич, студент

Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Статья посвящена исследованию института наследственного договора как современного и востребованного способа наследования, позволяющего сторонам заключать соглашения о порядке перехода имущества после смерти наследодателя. В работе анализируются правовой статус участников договора, специфика его заключения и расторжения, а также возможности одностороннего отказа от исполнения обязательств.

Автор приходит к выводу, что наследственный договор обладает значительными преимуществами: гибкость и свобода в заключении (стороны сами определяют условия передачи имущества и порядок исполнения обязательств, что делает договор максимально адаптированным к их нуждам), двусторонний характер (наличие взаимных прав и обязанностей способствует более надёжной реализации наследственных договорённостей), защита интересов (документ обеспечивает юридическую защиту как наследодателя, так и наследников, снижая риски правовых споров и коллизий с завещанием или наследованием по закону), возможности корректировки (порядок изменения и расторжения договора позволяет участникам оперативно приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам). В статье отмечено, что наследственный договор представляет собой эффективный механизм реализации достигнутых соглашений о наследовании, что имеет важное значение для совершенствования гражданско-правового регулирования в сфере наследственных отношений.

Ключевые слова: наследственный договор, наследственный договор в зарубежном праве, двухстороннее соглашение, завещание, наследование, наследодатель, наследник, переход прав на имущество.

Наследственный договор как способ распоряжения имуществом на случай смерти известен правовым порядкам многих зарубежных стран, таких как Германия, Австрия, Венгрия, Швейцария, Латвия, Украина и Китай.

В отличие от завещания, являющегося односторонней сделкой, наследственный договор (далее по тексту наследственный договор и НД) — это двустороннее соглашение, обязывающее стороны к определенным действиям или бездействиям в отношении будущего наследства. Данный институт, признаваемый далеко не всеми правовыми порядками, демонстрирует различные подходы к балансировке между свободой завещания и стабильностью гражданского оборота, а также к защите интересов потенциальных наследников и кредиторов наследодателя.

В Германии институт наследственного договора (Erbvertrag) закреплен в Гражданском кодексе (BGB) и представляет собой сложную и хорошо разработанную систему. Erbvertrag заключается между наследодателем и наследником (или третьим лицом) и устанавливает обязательства сторон в отношении наследственного имущества. Существенным отличием от завещания является обязательный нотариальный порядок заключения Erbvertrag, что призвано обеспечить правовую определенность и защиту прав сторон. В рамках Erbvertrag наследодатель может установить наследника (Erbe), завещать конкретное имущество (Vermächtnis) или наложить определенные обязательства на наследника (Auflage). Важным аспектом является возможность расторжения Erbvertrag по взаимному согласию сторон или в судебном порядке при наличии существенных оснований, таких как нарушение условий договора или существенное изменение обстоятельств. Права кредиторов наследодателя также защищены, поскольку Erbvertrag не может использоваться для уклонения от уплаты долгов [4, с. 34].

Австрийское наследственное право также признает наследственный договор (Erbvertrag), регулируемый Общим гражданским кодексом (ABGB). Подобно Германии, австрийский Erbvertrag требует обязательного нотариального удостоверения. Однако, в отличие от немецкого права, австрийское законодательство устанавливает более строгие ограничения на содержание Erbvertrag. В частности, Erbvertrag может устанавливать только наследника на долю, не превышающую три четверти наследства. Оставшаяся четверть наследства должна оставаться свободной для распоряжения завещанием (freie Quote). Это ограничение направлено на защиту свободы завещания наследодателя и предотвращение чрезмерного связывания его воли [9, с. 14]. Расторжение Erbvertrag возможно по взаимному согласию сторон, в судебном порядке при наличии оснований, предусмотренных законом, или

в случае наступления определенных обстоятельств, указанных в самом договоре.

Венгерское наследственное право регулируется Гражданским кодексом (Polgári Törvénykönyv). Наследственный договор (öröklési szerződés) в Венгрии занимает промежуточное положение между завещанием и дарением с условием. Он заключается между наследодателем и наследником и требует нотариального удостоверения. Венгерский Erbvertrag позволяет наследодателю обязаться передать определенное имущество наследнику в будущем, а наследник обязуется предоставить наследодателю определенную услугу или исполнить определенное условие (например, уход за наследодателем в старости). В отличие от немецкого и австрийского права, венгерский Erbvertrag предполагает встречное предоставление со стороны наследника, что сближает его с договором ренты. Расторжение возможно по взаимному согласию, в судебном порядке при существенном нарушении условий договора одной из сторон, или в случае смерти одной из сторон [11, с. 34].

Швейцарский Гражданский кодекс (ZGB) также предусматривает институт наследственного договора (Erbvertrag). Швейцарский Erbvertrag требует обязательного нотариального удостоверения и заключается в присутствии двух свидетелей. Подобно германскому праву, швейцарский Erbvertrag предоставляет широкие возможности для определения судьбы наследства. Наследодатель может установить наследника (Erbe), завещать конкретное имущество (Vermächtnis) или наложить определенные обязательства на наследника (Auflage). Однако, швейцарское право устанавливает определенные ограничения на свободу Erbvertrag, направленные на защиту прав законных наследников. В частности, наследственный договор не может нарушать обязательную долю (Pflichtteil) законных наследников [8, с. 42]. Расторжение Erbvertrag возможно по взаимному согласию, в судебном порядке при наличии оснований, предусмотренных законом, или в случае изменения обстоятельств, которое делает исполнение договора невозможным или крайне обременительным.

— В Латвии институт наследственного договора (mantojuma līgums) регулируется Гражданским законом (Civillikums). Латвийский наследственный договор, подобно своим европейским аналогам, требует нотариального удостоверения. Он позволяет наследодателю договориться с наследником о передаче наследства или его части в будущем. Особенностью латвийского права является то, что наследственный договор может быть заключен только с одним наследником. Это ограничение направлено на предотвращение конфликтов между потенциальными наследниками. Расторжение наследственного договора возможно по взаимному согласию,

в судебном порядке при наличии оснований, предусмотренных законом, или в случае существенного нарушения условий договора одной из сторон. Латвийское законодательство также предусматривает возможность оспаривания наследственного договора заинтересованными лицами, если он нарушает их права или законные интересы [2]. Институт наследственного договора на Украине (спадковий договір) регулируется Гражданским кодексом Украины [3]. Наследственный договор заключается между наследодателем и приобретателем, и согласно ему приобретатель обязуется выполнять определенные распоряжения наследодателя имущественного или неимущественного характера. В свою очередь, наследодатель обязуется назначить приобретателя своим наследником. Предметом наследственного договора может быть как имущество, принадлежащее наследодателю на момент заключения договора, так и то, которое он может приобрести в будущем. Обязательным условием является нотариальное удостоверение. Расторжение наследственного договора возможно по решению суда по требованию наследодателя в случае неисполнения приобретателем его обязанностей, а также по требованию приобретателя в случае невозможности выполнения им возложенных на него обязанностей. Особенностью украинского наследственного договора является его направленность на обеспечение ухода, содержания и иной помощи наследодателю при жизни, что сближает его с договором пожизненного содержания. Народная Республика Китай признает наследственный договор (遗赠扶养协议, yízèng fǔyǎng xiéyì) в рамках Закона о наследовании. Однако, китайский наследственный договор имеет существенные отличия от европейских аналогов. В китайском праве наследственный договор — это, по сути, договор о предоставлении ухода и содержания наследодателю в обмен на право наследования. Он заключается между наследодателем и лицом, не являющимся его законным наследником (например, другом, соседом или организацией). Этот договор обязывает сторону, предоставляющую уход, заботиться о наследодателе, обеспечивать его жильем, питанием и медицинским обслуживанием. В свою очередь, наследодатель обязуется завещать этой стороне свое имущество. Китайский наследственный договор направлен на решение проблемы ухода за пожилыми людьми, особенно в сельской местности, где традиционные семейные связи ослабевают. Расторжение наследственного договора возможно по взаимному согласию сторон или в судебном порядке при существенном нарушении условий договора одной из сторон. Приоритет законных наследников также учитывается, если лицо, предоставляющее уход, не выполняет свои обязательства.

Институт наследственного договора для российской юрисдикции является сравнительно новым: со 2-й части 2019 г. ГК РФ прямо указывает три основания наследования — по закону, по завещанию и по договору. Под наследственным договором в ст. 1140.1 ГК РФ понимают соглашение, в котором фиксируются состав наследников

и порядок перехода активов наследодателя после его смерти к контрагентам или указанным третьим лицам [1].

Наследственный договор может оформляться как возмездно, так и безвозмездно. При возмездной модели стороны договариваются, что после кончины наследодателя имущество отойдет наследнику, а последний до и/или после открытия наследства исполнит оговоренные в договоре действия имущественного либо неимущественного характера. Законодатель оставил выбор — требовать встречного предоставления или нет — на усмотрение участников, в то время как в ряде зарубежных правовых порядков допускается исключительно возмездная конструкция. Возможность самому определить, будет ли договор эквивалентным, представляет несомненный приоритет для обеих сторон.

Основные юридические свойства наследственного договора:

— Консенсуальный характер. Права и обязанности возникают с момента достижения договоренности и нотариального удостоверения, а не с передачей имущества.

— Двусторонность. У каждого участника есть как права, так и корреспондирующие им обязанности; любые коррективы подлежат обязательному письменному-нотариальному оформлению.

— Функциональная емкость. Документ регулирует не только очередность перехода активов, но и иные распоряжения, тождественные тем, что обычно содержатся в завещании.

— Возможность привлечения третьих лиц. Получателем наследства может стать субъект, не участвовавший при заключении договора.

— Условность. Стороны вправе поставить возникновение либо прекращение правовых последствий в зависимость от наступления обстоятельств, в том числе зависящих исключительно от воли одной стороны.

— Механизм принудительного исполнения. После смерти наследодателя требовать выполнения обязанностей вправе наследники, душеприказчик, стороны-контрагенты, а также нотариус, ведущий наследственное производство.

— Особая модель для супругов. Супружеский наследственный договор может регулировать судьбу общего и раздельного имущества при гибели каждого из супругов — как по отдельности, так и в случае одновременной смерти. Положения могут включать назначение душеприказчика и иные распоряжения (п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ).

Приоритет наследственного договора и свобода распоряжения

Условия договора применяются постольку, поскольку не нарушают императивные правила ГК РФ об обязательной доле. Любое составленное после подписания наследственного договора завещание действует лишь в части, не противоречащей договору, то есть предусмотрен приоритет наследственного договора над завеща-

тельными распоряжениями. Одновременно п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ позволяет наследодателю свободно отчуждать имущество, даже если такое распоряжение лишает контрагента ожидаемого наследства.

Сравнение с договором пожизненного содержания с иждивением

Если сопоставлять наследственный договор с договором пожизненного содержания с иждивением, первый предоставляет наследодателю более гибкие инструменты: он может сохранить титул собственника до конца жизни, наложить на будущего наследника широкий спектр обязанностей и при этом, при необходимости, отказаться от договора в одностороннем порядке. Это особенно важно для пожилых лиц, нуждающихся в уходе: все права на имущество, остаются за ними до смерти, тогда как обязательства ухаживать за наследодателем могут исполняться в полном объеме уже при его жизни.

Коллизии с завещанием. Как отмечает А. М. Рабец «будучи самостоятельным институтом наследственного права, наследственный договор как правовой институт органично связан с институтом наследования по завещанию, что прямо предусмотрено п. 1 ст. 1118 ГК РФ. Не случайно нормы о наследственном договоре размещены в главе о наследовании по завещанию, в ст. 1140.1 ГК РФ» [13, с. 93]. Закон прямо указывает, что позднее завещание не отменяет условия заключенного ранее наследственного договора. Однако остается нерешенным вопрос о действии завещания, составленного до наследственного договора. По мнению Н. Ю. Парушиной, если предметом завещания является, то же имущество, что и в последующем наследственном договоре, завещание подлежит отмене, иначе у контрагентов пропадает стимул к заключению и исполнению договора [12, с. 12].

Общие правила заключения и исполнения. Стороны наследственного договора могут заключить собственник (либо оба супруга) и любое лицо из круга потенциальных наследников (ст. 1116 ГК РФ) либо несколько таких лиц.

Содержание. Обязательно фиксируются: состав (доли) имущества, круг наследников, обязанности имущественного/неимущественного характера, порядок исполнения и иные согласованные условия.

Форма. Наследственный договор требует нотариального удостоверения; сведения о его заключении вносятся в единый реестр. Как отмечает С. Ю. Чашкова «при удостоверении наследственного договора нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры заключения наследственного договора, если стороны не заявили возражение против этого. Необходимо также обратить внимание на то, что если супруги составили совместное завещание, а затем был заключен наследственный договор с участием супругов или лиц, которые могут быть призваны к наследованию за каждым из супругов, то такой наследственный договор отменяет ранее составленное совместное завещание супругов» [15, с. 27].

Изменение/расторжение. Возможны только по взаимному согласию либо в судебном порядке; при существенных нарушениях или изменении обстоятельств допускается односторонний отказ наследодателя (но не наследника).

Отказ наследника. Наследник вправе не принимать предлагаемое ему имущество, не освобождаясь от уже выполненных обязанностей.

Завещательная тайна не применяется: условия договора раскрыты всем сторонам, что облегчает раннее обращение в суд в случае нарушения их прав.

Исполнители. После смерти наследодателя договор исполняют назначенные наследники, душеприказчик, нотариус; расходы на охрану имущества возмещаются из наследственной массы.

Обязательная доля и недостойные наследники. На отношения сторон распространяются положения о выделе обязательной доли и отстранении недостойных наследников, что контролирует нотариус.

Наследственный договор, сочетая гибкость завещательных распоряжений и договорную природу, содержит значительный потенциал для развития гражданского оборота. Одновременно сохраняются риски для наследника из-за возможности последующего отчуждения имущества, а коллизии наследственного договора и завещания требуют нормативного уточнения. Тем не менее широта инструментов, предоставленных сторонам, позволяет рассматривать наследственный договор как перспективный институт, способный повысить юридическую определенность при наследовании сложных активов и обеспечить дополнительную защиту прав пожилых граждан.

Преимущества модели, предложенной ст. 1140.1 ГК РФ

— Более надёжная, чем договор пожизненного содержания с иждивением, охрана интересов пожилого собственника: активы остаются в его собственности до самой смерти [9, с. 23].

— Оспорить наследственный договор можно ещё при жизни наследодателя, что упрощает сбор доказательств по сравнению с оспариванием завещания после смерти.

— В тексте допускается возложение на будущих наследников имущественных либо неимущественных обязанностей — как подлежащих исполнению при жизни наследодателя, так и после открытия наследства. Например, уход за наследодателем, организация похорон и т. п. Если обязанности исполняются заранее, наследодатель контролирует качество исполнения.

— Наследодатель вправе в любой момент направить односторонний отказ от наследственного договора, уведомив об этом наследника.

— Договор особенно полезен при передаче «сложных» активов — долей в бизнесе, коллекций, промышленных предприятий, где требуется заранее урегулировать вопросы сохранения рабочих мест, непрерывности деятельности, размещения произведений искусства и др. [14, с. 6].

Основные проблемы действующей редакции. Риски для наследника

К примеру, Ю. Ф. Беспалов и А. Е. Казанцева предвидят трудности в применении данного договора на практике, так как закон оставил нерешенными многие принципиальные вопросы [5, с.13; 6, с.21]. А. Е. Кухарев утверждает, что данный договор ограничивает правоспособность физических лиц, так как не позволяет отчуждателю в дальнейшем составить завещание [7, с. 41].

П. 12 ст. 1140.1 разрешает наследодателю свободно отчуждать имущество, упомянутое в договоре, даже если тем самым он лишит наследника ожидаемого объекта [1]. В результате наследник может выполнить все обязательства, а к моменту открытия наследства обнаружить «пустую» или существенно уменьшившуюся наследственную массу.

Зарубежные решения:

— Латвия: по ст. 648 Гражданского закона на недвижимость, входящую в НД, возлагается обременение — отчуждение допускается только с согласия наследника [2].

— Украина: п. 1 ст. 1307 ГК устанавливает нотариальный запрет отчуждения имущества, включённого в НД; расторгнуть договор можно лишь через суд [3].

Более гибкой представляется латвийская модель, где интересы наследника защищены, но наследодатель сохраняет возможность распоряжения при получении согласия контрагента.

Коллизия между завещанием и НД

Общее правило: последующее завещание отменяет предыдущее завещание; ранее заключённый НД имеет приоритет перед более поздним. Однако ГК РФ не разъясняет:

а) аннулирует ли НД ранее составленное завещание в отношении тех же активов;

б) может ли завещание, оформленное после НД, изменить условия НД.

Для супругов исключение закреплено прямо: наследственный договор супругов отменяет их более раннее совместное завещание (абз. 3 п. 5 ст. 1140.1). За рамками этой ситуации ясных норм нет, что уже отмечено в литературе [9, с. 23].

Типичный жизненный пример — наследодатель сначала подписывает НД, затем оформляет завещание, после чего заключает новый НД. Что подлежит применению? П. 12 ст. 1140.1 говорит о свободе распоряжения после НД, что косвенно позволяет завещанием «перекрывать» первый договор, но абз. 2 п. 8 той же статьи утверждает преимущество более раннего НД. Правоприменитель остаётся без однозначного алгоритма.

Содержание обязанностей наследника. П. 1 ст. 1140.1 разрешает возлагать на наследника «не противоречащие закону» действия имущественного и неимущественного характера [1]. Границы допустимого размыты. В научной литературе в перечень потенциальных условий включают, например: обязательство опубликовать (или не публиковать) литературное произведение, проживать в определённом месте, получить конкретное образование, отказаться от вредных привычек, продолжить семейный бизнес и др. [10, с. 38]. Отсутствие критериев порождает риск признания отдельных условий ничтожными.

Таким образом, наследственный договор расширяет автономию воли наследодателя и способен решать задачи, с которыми традиционный институт завещания справляется хуже. При этом неурегулированность вопросов защиты прав наследника, приоритета источников (наследственный договор ↔ завещание) и допустимого содержания обязанностей снижает практическую привлекательность инструмента. Без корректировок указанных положений рассчитывать на широкое распространение наследственных договоров в российской практике затруднительно.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552. — Текст: непосредственный.
2. Гражданский закон Латвийской Республики (часть вторая). Принят 28 января 1937 г. Вступил в силу 1 сентября 1993 г. — Текст: электронный URL: http://www.pravo.lv/likumi/05_2_gz.html (дата обращения: 20.05.2025).
3. Гражданский кодекс Украины — Текст: электронный URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568(дата обращения: 20.05.2025).
4. Аболонин В. О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии / В. О. Аболонин — Текст: непосредственный. // Нотариальный вестник. — 2010. — № 2. — С. 3–9.
1. Беспалов Ю. Ф. Наследственное законодательство России: недостатки и некоторые проблемы применения / Ю. Ф. Беспалов — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 10. — С. 13–15.
2. Казанцева А. Е. Наследственный договор/ А. Е. Казанцева — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2019. — № 4. — С. 21–23.
3. Кухарев А. Е. Концепция наследственного договора в гражданском законодательстве Украины / А. Е. Кухарев — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2016. — № 3. — С. 41–47.
4. Лоренц Д. В. Договор об отчуждении имущества на случай смерти/ Д. В. Лоренц — Текст: непосредственный // Нотариальный вестник. — 2015. — № 5. — С. 40–53.

5. Матвеев И. В. Наследственный договор в нотариальной практике: проблемы применения/ И. В. Матвеев — Текст: непосредственный // Нотариальный вестник. — 2019. — № 6. — С.14–24.
6. Михайлова И. А. Наследственный договор: достоинства и недостатки / И. А. Михайлова — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2018. — № 4. — С.31–37.
7. Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. — М.: Статут, 2015. — 268с. — Текст: непосредственный
8. Папушина Н. Ю. Наследственный договор: перспектива появления в российском наследственном праве / Н. Ю. Папушина — Текст: непосредственный // Нотариальный вестник. — 2016. — № 3. — С.11–18.
9. Рабец А. М. Наследственный договор в современной России: вопросы теории и практики/ А. М. Рабец — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 7. — С. 93–95.
10. Филиппова С. Ю. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации / С. Ю. Филиппова — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2015. — № 1. — С. 6–9.
11. Чашкова С. Ю. Сущность и пределы обоюдного усмотрения супругов при составлении ими совместного завещания и наследственного договора/ С. Ю. Чашкова — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2019. — № 4. — С. 27–29.

Правовая природа персональных данных

Жуков Илья Андреевич, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье анализируется правовая природа персональных данных как самостоятельного и сложного объекта правового регулирования, приобретающего особую значимость в условиях стремительного развития цифровых технологий.

Ключевые слова: персональные данные, правовая защита, цифровая безопасность, неприкосновенность частной жизни, информационное общество, конфиденциальность.

The legal nature of personal data

The article analyzes the legal nature of personal data as an independent and complex object of legal regulation, which acquires particular significance in the context of rapid digital technology development.

Keywords: personal data, legal protection, digital security, privacy, information society, confidentiality.

В современном мире персональные данные являются неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. Злоумышленники стремятся воспользоваться незащищённой информацией в корыстных целях.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе сбора, хранения, обработки и передачи персональных данных, а также их правового регулирования. Предметом исследования являются нормы права, регулирующие указанные отношения, а также теоретические подходы к определению правовой природы персональных данных в отечественной и зарубежной юридической науке.

Согласно исследованию ЭАЦ ГК InfoWatch, в 2024 году объем скомпрометированных персональных данных вырос более чем на 30 % по сравнению с 2023 годом. Ниже представлен график, отражающий данный рост:

Чтобы объективно выяснить правовую природу такого явления, как персональные данные, необходимо проанализировать действующее законодательство Российской

Федерации. Так, существует статья 13.11 КоАП РФ — «Нарушение законодательства в области персональных данных». Она предназначена для установления рамочных условий хранения, использования и распространения персональных данных. Однако данная статья охватывает лишь **правовое регулирование персональных данных**, упуская их концептуальное осмысление.

Формирование в Российской Федерации правового механизма защиты персональных данных началось с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Уже в первой главе данного закона (статьи 1–4) обозначены сфера действия, цели регулирования, а также дается понятийный аппарат, определяющий персональные данные как любые сведения, относящиеся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Согласно закону 152 фз — Персональными данными признаются любые сведения о физическом лице, в том

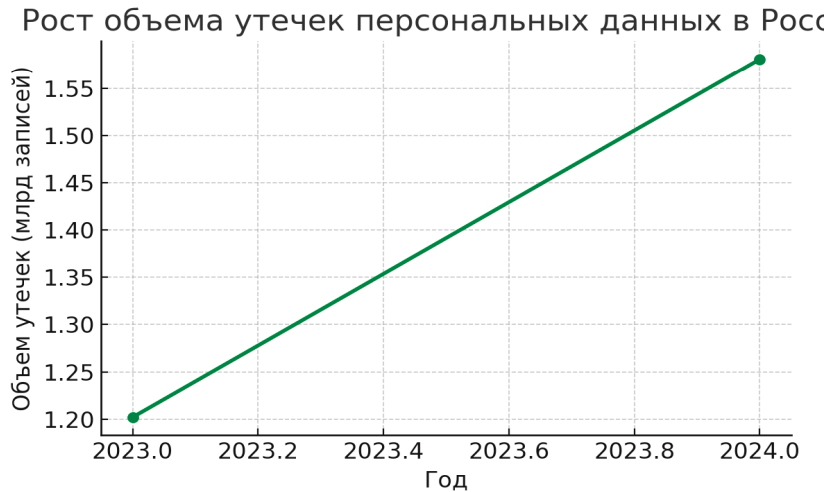

Рис. 1. График роста объема утечек персональных данных

числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

Под «**другой информацией**» понимаются **любые данные, прямо или косвенно позволяющие идентифицировать личность субъекта**, включая биометрические и генетические сведения, данные о трудовой деятельности, передвижении, потребительских предпочтениях, сведения об идентификаторах устройств, используемых субъектом, а также информацию, позволяющую судить о психологическом или физическом состоянии лица.

Современная трактовка персональных данных расширяет это понятие, включая в него сведения, не обязательно уникальные сами по себе, но способные в совокупности с другими данными установить личность конкретного человека. Таким образом, в условиях цифровой среды идентификаторами могут выступать не только классические анкетные данные, но и, например, IP-адреса, куки-файлы, данные о геолокации и даже поведенческие характеристики (цифровой профиль пользователя).

Таким образом, персональные данные представляют собой не только статистическую или биографическую информацию, но и совокупность индивидуальных признаков субъекта, что подчеркивает необходимость их усиленной правовой охраны в условиях стремительного развития технологий обработки, хранения и анализа информации.

Дополнительную сложность создает и **цифровая неосведомленность субъектов** правоотношений, возникающих при обращении с персональными данными. Многие граждане не осознают объем и глубину тех цифровых следов, которые они оставляют при использовании интернета, мобильных устройств и социальных сетей.

Если попытаться углубиться в данную проблему, становится очевидным: сохранить конфиденциальность персональных данных практически невозможно. Физические лица нередко сами **невольно компрометируют** себя,

публикуя личную информацию, регистрируясь на сомнительных ресурсах или соглашаясь с непрозрачными условиями обработки данных.

Мошенникам зачастую не составляет труда идентифицировать неопытного пользователя, используя методы цифровой слежки и поведенческого анализа. В результате у граждан возникает ощущение беспомощности: нередко подаются иски о нарушении прав, однако **установить конкретный источник утечки данных оказывается затруднительно или невозможно**.

Означает ли это, что эффективных методов защиты персональных данных больше не существует и остается лишь смириться с их утечками? Совсем нет. Если обратиться к Уголовному кодексу Российской Федерации, можно обнаружить статью 137 — «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Хотя в тексте статьи прямо не упоминаются персональные данные, ее положения косвенно раскрывают правовую природу этого явления. Нарушение частной жизни, как и неправомерное распространение сведений личного характера, тесно связано с понятием персональных данных, поскольку именно они позволяют идентифицировать личность и затрагивают сферу, охраняемую законом.

Важно понимать, что персональные данные существовали задолго до появления цифровых технологий и первых компьютеров.

Ранее они фиксировались на бумажных носителях: в регистрах, анкетах, архивах. Современная цифровая эпоха лишь изменила форму их хранения и методы обработки, но не отменила правовую сущность — информацию о частной жизни, заслуживающую защиты.

Таким образом, даже в условиях роста цифровых угроз правовая система по-прежнему предлагает механизмы защиты. При правильной правоприменительной практике статья 137 УК РФ может рассматриваться как дополнительный инструмент охраны персональных данных, особенно в случаях, когда они были получены или распространены с нарушением прав субъекта.

Современное законодательство предлагает конструкцию, направленную на обеспечение баланса между свободой обращения информации и защитой прав личности.

В условиях стремительного развития цифровых технологий защита персональных данных становится не только юридической, но и социальной необходимостью. Персональные данные — это не просто технический набор сведений, а отражение личной, зачастую чувствительной информации о человеке. Их незаконное распространение может повлечь за собой серьезные последствия — от утраты конфиденциальности до финансового и репутационного ущерба.

Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что правовая база в области охраны персональных данных сформирована и продолжает развиваться. Однако для эффективной защиты требуется не только формальное соблюдение норм закона, но и глубокое пони-

мание концептуальной сущности персональных данных. Статья 152-ФЗ устанавливает базовые принципы обработки персональных данных, а положения статьи 137 УК РФ раскрывают их связь с правом на неприкосновенность частной жизни.

Очевидно, что правовые нормы должны идти в ногу с технологическим прогрессом. Только в этом случае возможно создание эффективного механизма, способного защитить граждан от угроз цифрового мира. Важно продолжать совершенствование законодательства, расширять просветительскую деятельность в области цифровой грамотности и формировать у граждан осознанное отношение к своим данным.

Таким образом, защита персональных данных — это комплексная задача, требующая объединения усилий государства, бизнеса и общества. Лишь при таком подходе можно обеспечить подлинную безопасность личности в цифровую эпоху.

Литература:

1. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 01.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 23.05.2025).
2. InfoWatch. Утечка данных как угроза информационной безопасности организаций // InfoWatch. — 2024. — URL: <https://www.infowatch.ru> (дата обращения: 23.05.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 23 (574) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.06.2025. Дата выхода в свет: 25.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.